

История
Общество
Политика
2022
№2(22)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(22)
2022

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2022. №2 (22)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.07.2022

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2022
© Коллектив авторов, 2022

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 2 (22)
2022**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2022. №2 (22)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 01/07/2022

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2022

© Authors, 2022

Содержание

По материалам конференции «ДУХ РАПАЛЛО: К 100-ЛЕТИЮ ГЕРМАНО-СО- ВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ»	6
<i>Магадеев И.Э.</i> Дух Рапалло и европейская политика Франции (апрель–ноябрь 1922 г.)	6
<i>Сергеев Е.Ю.</i> Британская дипломатия и рапальский договор	16
<i>Вырупаева А.П.</i> Образ Веймарской Германии в журнале для детей «Мурзилка»	23
ШАГИ В НАУКУ	
<i>Рытиков А.А., Марковский Н.А.</i> Сестринские общины в Первую мировую войну в воспоминаниях сестёр милосердия	31
<i>Шишов А.И.</i> Русская православная церковь в годы Большого террора 1937 - 1938 гг.	37
<i>Журавская А.В.</i> Провинциальное учительство. 1920-е гг. (На материалах Брянской и Смоленской губерний)	49
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	
<i>Прилуцкий В.В.</i> Движение мормонов-бикертонитов в середине XIX – начале XX вв. и колонизационный процесс на американском Западе	55
<i>Чубко Д.Ю.</i> Историческая память и вина: опыт ФРГ	75
<i>Кондорский Б. М.</i> Элементы теории изгойства (на примере периода древности)	80
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	150

По материалам конференции «ДУХ РАПАЛЛО: К 100-ЛЕТИЮ ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

УДК 94(420).083, 94(44).083

И.Э. Магадеев

ДУХ РАПАЛЛО И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ (АПРЕЛЬ–НОЯБРЬ 1922 Г.)

***Аннотация:** Цель статьи – выявить влияние Рапалльского договора и последующего советско-германского сотрудничества на европейскую политику Франции в период с 16 апреля по 27 ноября 1922 г. Опираясь на подборку дипломатических и военных документов, автор демонстрирует взаимосвязь между реакцией Парижа на Рапалло и активизацией французского планирования по оккупации Рура.*

***Ключевые слова:** Франция, Германия, Рапалльский договор, Рур, Р. Пуанкаре.*

Magadeev I.E. Rapallo spirit and the European policy of France (April–November 1922)

***Abstract:** article aims to define the impact made by the Rapallo treaty and further Soviet-German collaboration on the European policy of France between 16 April and 27 November 1922. Basing on the diplomatic and military documents, author seeks to demonstrate the link between Paris' reaction on Rapallo and the activation of the French plans to occupy Ruhr.*

***Keywords:** France, Germany, Rapallo treaty, Ruhr, R. Poincaré.*

В фокусе предлагаемого исследования находятся оценки советско-германского договора 1922 г. со стороны третьей силы – Франции. Третья Республика не имела к Рапалло прямого отношения, однако «французский фактор», очевидно, принимался во внимание как Москвой, так и Берлином. Более того, для Парижа заключение Рапалльского соглашения было важной вехой, повлиявшей на дальнейшие внешнеполитические действия в Европе.

Согласно статье 26 «Временного положения о военной цензуре», утвержденного Николаем II на следующий день после начала войны, 20 июля 1914 г., главная комиссия в пределах фронта находилась в штабе главнокомандующего армиями. Местные военно-цензурные комиссии были сформированы в штабах армий и при штабе Минского военного округа.

Говоря более конкретно, цель статьи – выявить влияние Рапалльского договора и последующего советско-германского сотрудничества (т.н. духа Рапалло) на европейскую политику Франции в период с 16 апреля по 27 ноября 1922 г. Нижняя хронологическая граница определяется временем подписания Рапалльского соглашения, верхняя – одобрением Советом министров Третьей Республики военного плана по оккупации Рура, реализация которого привела в январе 1923 г. к началу Рурского кризиса. Демонстрация взаимосвязи между заключением

Рапалльского соглашения и активизацией французского планирования в отношении Рура является одной из «красных нитей» предложенного исследования.

Его источниковую основу составили французские дипломатические и военные документы. К первой группе относится французская «желтая книга» (официальная правительственная публикация) по Генуэзской конференции [16]; опубликованные в 2007–2010 гг. тома «Французских дипломатических документов» за 1922–1923 гг. [17–19]; информационные материалы по Советской России, отложившиеся среди бумаг президента Третьей Республики А. Мильерана [9]. В рамках второй группы источников можно выделить материалы Союзного военного комитета в Версале во главе с французским маршалом Ф. Фошем [29], а также донесения из французского военного атташата в Великобритании [30], отложившиеся в архивах Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции; дневник начальника Генштаба французской армии в 1920–1923 гг. генерала Э. Бюа, изданный в 2015 г. [24]

Тема французской реакции на Рапалло и французских оценок этого соглашения была центральной для монографии исследовательницы Р. Бурназель (Фритш-Бурназель) из Парижского института политических исследований [15]. Книга, опубликованная в 1974 г., отличалась новизной для своего времени, что справедливо отмечали рецензенты [11; 28]. На базе французских, немецких и британских архивов, а также опубликованных советских документов, Бурназель сумела вписать французскую внешнюю политику в 1922–1923 гг. в широкий международный и внутривосточный контекст. Исследовательница выдвинула важный тезис о взаимосвязи между французской реакцией на Рапалло и последующей оккупацией Рура, продемонстрировала особенности восприятия советско-германского соглашения со стороны различных групп общественного мнения Третьей Республики. Авторы более поздних работ, посвященных французской дипломатии в ходе Генуэзской конференции [23; 26], франко-советским отношениям периода непризнания в целом [22], ссылались при рассмотрении роли Рапалло во внешней политике Третьей Республики, как правило, именно на монографию Бурназель.

Однако при всех достоинствах работы, она содержала в себе некоторые спорные моменты и неточности, на которые указывали рецензенты. Критике было подвергнуто слишком резкое противопоставление европейской политики двух глав правительств – А. Бриана и Пуанкаре. В качестве не до конца фундированного рассматривался один из центральных тезисов Бурназель о сознательном формировании правительством Пуанкаре «мифа Рапалло» с целью укрепления внутривосточных позиций правых во Франции, а также для оправдания жесткого курса в отношении Германии [11; 28]. Таким образом, с точки зрения автора, имеется ряд возможностей для углубления и дальнейшего развития проблематики французских оценок Рапалло.

Для французских дипломатов и военных, как и для целого ряда их современников, подписание Рапалльского договора спустя 6 дней после начала Генуэзской конференции, призванной, согласно премьер-министру Великобритании Д. Ллойд Джорджу, смягчить прошлые антагонизмы, во многом стало неожиданностью. Как писала британская исследовательница А. Орд, «нельзя было сомневаться в том, что [Рапалльское соглашение] вызвало у французов тревогу и злость» [26. S. 344].

18 апреля на страницах своего дневника Бюа характеризовал Рапалльский договор как «бомбу», брошенную «немцами, действующими в согласии с Советами». Сама Генуэзская конференция ассоциировалась отныне у начальника Генштаба французской армии с дипломатической «комедией» и «большевистско-германской атмосферой итальянской Ривьеры» [24. P. 1199, 1202]. Председатель Совета министров и министр иностранных дел Пуанкаре в телеграмме от 18 апреля, отправленной главе французской делегации в Генуе, министру юстиции

Л. Барту, не скрывал своего раздражения. Он охарактеризовал советско-германское соглашение как «вызов, брошенный всякому лояльному взаимодействию» с представителями этих стран в Генуе [17. Р. 490].

Если тайминг подписания договора был неожиданным для Парижа, то сама идея о наличии плотного сотрудничества Советской России и Германии уже вошла к апрелю 1922 г. в концептуальный арсенал французской дипломатии. Возможность «эксплуатации» и использования природных ресурсов России со стороны Германии всерьез волновала французских военных еще осенью 1917 г. [4. С. 44]. После заключения Брестского мира 1918 г. представление о большевистско-германском «сговоре» укоренилось во французских стратегических расчетах. Представление о том, что, подписав Брестский мир, Россия нарушила свои союзные обязательства по Антанте, стало общим местом во французской дипломатической аргументации. В начале 1922 г. к этому тезису неоднократно обращался Пуанкаре [16. Р. 47; 17. Р. 287–288].

Анализ самой обстановки и хода Генуэзской конференции накануне заключения Рапалльского соглашения также приводил французских дипломатов к выводу о советско-германском взаимодействии, хотя то, что оно приведет в Рапалло, не было очевидным. В письме от 16 апреля, написанном еще до появления новостей о договоре, Барту информировал Пуанкаре о том, что «не сомневается в совместных действиях большевиков и немцев». С точки зрения главы французской делегации, «немцы крайне раздражены неофициальными переговорами, которые [страны Антанты] вели только с русскими. Однако они имеют полную информацию об этих переговорах, они играют свою роль и оказывают на них влияние. Г-н Ратенау – не тот человек, который останется безучастным». Вместе с тем Барту затруднялся «сказать, до какого предела простирается сотрудничество двух делегаций. Я знаю лишь о том, что они проводят время вместе и, даже если между ними есть различия во взглядах, мы не должны закрывать глаза на наличие общих интересов, стимулирующих их совместные действия» [17. Р. 483–484]. Мысль Барту о немецкой обеспокоенности сепаратными переговорами с советскими представителями на вилле Альбертис (14–15 апреля) пересекается со свидетельством статс-секретаря МИД Германии А. фон Мальцана. Он отмечал, что эти переговоры стали решающим фактором, склонившим немецкую сторону пойти на подписание Рапалльского договора [8. С. 5].

Пуанкаре, находившийся в Париже, отреагировал на сообщение о произошедшем в Рапалло еще более остро. Его телеграмма, отправленная Барту 18 апреля, могла быть воспринята как стремление свернуть Генуэзскую конференцию. Договоренность Германии и Советской России – двух держав, оппозиционных Версальскому порядку, – рассматривалась Пуанкаре как вызов, брошенный международной модели, сформированной по итогам Первой мировой войны. Со стороны Германии заключение Рапалльского соглашения, полагал Пуанкаре, означало «вопиющее нарушение» ряда статей Версальского договора; со стороны Советской России – отказ от т.н. Каннских условий [5. С. 3–6], которыми державы Антанты обусловили приглашение советской делегации в Геную. Как итог, Пуанкаре требовал отстранения немецкой и советской делегаций от переговоров в Генуе до тех пор, пока они не согласятся денонсировать Рапалльский договор [17. Р. 489–490]. По всей видимости, председатель Совета министров не столько верил в возможность такого сценария, сколько стремился найти удобный повод свернуть Генуэзскую встречу, обвинив Берлин и Москву в нарушении взятых на себя обязательств [17. Р. 494].

Как следовало из иных телеграмм Пуанкаре, он видел в Рапалло дипломатический результат, «давно подготавливаемый в Берлине», как минимум, с конца марта 1922 г. [17. Р. 490, 497]. Другим важным тезисом Пуанкаре была идея о том, что, наряду с опубликованными статьями Рапалльского соглашения, существовали некие секретные статьи военного характера. В тревожной телеграмме, отправленной 20 апреля в посольство Франции в Германии,

председатель Совета министров практически не сомневался в том, что эти якобы существовавшие военные статьи предполагают, что Москва и Берлин «при возникновении сложностей во время Генуэзской конференции или сразу после нее, организуют масштабное давление на польско-русской и германо-польской границах. Цель этого – произвести впечатление на союзников и посеять панику в Европе» [17. Р. 496–497].

Бюа также не сомневался в наличии у Рапалльского соглашения секретных военных статей. По мнению генерала, речь де-факто шла о формировании «германо-славянского блока», причем в качестве потенциального «германского и русского диктатора» [24. Р. 1199] Бюа, как и ранее, в разгар советско-польской войны в 1920 г., видел немецкого генерала Э. Людендорфа [1. С. 313–315]. С подобными представлениями не коррелировала, однако, информация, поступившая 21 апреля от посла Франции в Германии Ш. Лорана. Дипломат не отрицал контактов советских и германских военных, но считал, что Рапалльское соглашение не сопровождалось секретными военными статьями [17. Р. 497, note 1]. Аналогичную точку зрения позднее высказывал председатель центристской партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио, посетивший РСФСР с важным визитом в сентябре–октябре 1922 г. [3]. Среди прочего, Эррио говорил об отсутствии у Рапалльского соглашения военных статей во время посещения 29 декабря 1922 г. дипломатической миссии Румынии во Франции, где он поделился впечатлениями от своей недавней поездки в страну Советов [24. Р. 1300].

Таким образом, уже первые французские оценки Рапалльского соглашения, сделанные по «горячим следам», фиксировали усиление тех идей о советско-германских отношениях, которые существовали раньше. Советская Россия и Веймарская Республика, являвшиеся своего рода «париями» Версальского порядка, рассматривались Парижем как угроза для тех интересов Франции, которые были зафиксированы по итогам Первой мировой войны. При этом военно-политическое руководство Третьей Республики преувеличивало степень сближения Москвы и Берлина, предполагая наличие секретных военных статей у Рапалльского договора. Опровержения НКВД, в т.ч. письмо наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина, отправленное Барту 29 апреля [2. С. 278–279], не могли повлиять на уже укоренившуюся концепцию, которая к тому же отвечала настрою самого Парижа пойти на оккупацию Рура.

Позиция Франции по Рапалльскому соглашению непосредственно влияла не только на развитие германской и советской политики Парижа, но и на взаимодействие французской дипломатии с британцами. Еще накануне Генуэзской встречи среди французских дипломатов присутствовала идея о том, что Лондон, действуя совместно с Римом и Берлином, попытается изолировать Францию и представить позицию Парижа в качестве главной преграды на пути «пацификации» Европы. Об этом упоминалось, например, в записке от 20 января за подписью эксперта МИД Франции по юридическим вопросам А. Фромажо [17. Р. 125], а также в донесении Лорана от 12 апреля [17. Р. 465]. Даже Рапалльский договор нередко рассматривался руководством Третьей Республики через подобную призму. Ссылаясь на информацию американской газеты «Чикаго Трибьюн», Пуанкаре в телеграмме Лорану от 20 апреля склонялся к тому, что британцы якобы были в курсе готовившихся советско-германских договоренностей [17. Р. 497]. Давние страхи Парижа оказаться в изоляции усилились.

Лоран, скептически настроенный в отношении существования секретных статей Рапалло, в телеграмме от 23 апреля подтвердил опасения Пуанкаре по поводу того, что посол Великобритании в Германии лорд Э. д'Абернон был в курсе подготовки будущего советско-германского договора [17. Р. 497, note 1]. В Генуе Ллойд Джордж, напротив, пытался смягчить французскую позицию в отношении Рапалло, заверяя Барту в том, что резкие действия Парижа приведут к тому, что «Россия окажется полностью брошенной в объятия Германии» [17. Р. 489]. Британский премьер-министр стремился заверить Барту в том, что Рапалло лишь

усиливает необходимость англо-французского согласия, хотя де-факто это означало попытку Ллойд Джорджа получить новые уступки от французской делегации в Генуе [17. Р. 517]. Пуанкаре не был склонен прислушиваться к подобным аргументам и не верил в их искренность.

Если Рапалльский договор не стал фактором консолидации позиций Великобритании и Франции, разделенных многочисленными противоречиями, то Париж надеялся сплотить вокруг себя малые и средние государства Европы, в той или иной степени напуганные советской и германской «угрозами». В конце апреля Бюа полагал, что «необходимо любой ценой объединить в один пучок (*faisceau*) все народы, имеющие те же интересы, что и мы. Речь идет обо всех участниках Малой Антанты и, если возможно, о балтийских государствах» [24. Р. 1202].

Однако результаты подобных усилий французской дипломатии в Генуе были смешанными. Барту в своих телеграммах предпочитал акцентировать позитивные моменты, считая, что ему удалось сплотить страны Малой Антанты и Польшу вокруг французской позиции [17. Р. 506]. Однако даже в рамках Малой Антанты, которую Ллойд Джордж был склонен рассматривать как профранцузский блок государств, наблюдалось различие точек зрения.

В своих донесениях из Генуи председатель правительства и министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш отнюдь не полностью солидаризировался с французской позицией, подчас противопоставляя более умеренные действия Барту жесткому настрою Пуанкаре. В сообщении от 29 апреля Бенеш подчеркнул необходимость сохранить «франко-английское согласие», отметив при этом, что «не было и не может быть и речи о каких-либо санкциях против Германии» [8. С. 9; 12]. Таким образом, глава чехословацкой делегации не только не хотел выглядеть «сателлитом» Франции, но и занимал отличную от Пуанкаре позицию по вопросу о силовом давлении на Веймарскую Республику. Премьер-министр Румынии И. Брэтиану также был склонен подчеркивать в Генуе, что Рапалльское соглашение должно не разъединить, а сплотить страны Антанты [17. Р. 504]. Вместе с тем на фоне франко-британских и франко-итальянских противоречий эта позиция была с трудом реализуема на практике, и Бухарест продолжил попытки лавирования между Парижем и Римом.

Польша рассматривалась французской дипломатией как государство, непосредственно и в наибольшей степени затронутое заключением Рапалльского соглашения, и потому готовое поддержать жесткий курс Франции [17. Р. 517]. По итогам поездки по странам Центральной и Восточной Европы, которую в июне 1922 г. осуществил начальник 2-го (разведывательного) бюро Генштаба французской армии полковник Г. Фурнье, он пришел к выводу, что Рапалло насторожило польских военных. С точки зрения Фурнье, это обстоятельство усилило стремление Варшавы сохранить французскую военную миссию в своей стране. Позитивными были оценки Фурнье в отношении настроения Белграда. Фиксируя мысли полковника, сформулированные в отчете от 26 июня, Бюа записал в своем дневнике: «Югославия желает помочь нам в случае войны против Германии, но для этого надо помочь ей пройти через Австрию» [24. Р. 1221].

Анализ «эффекта» Рапалло и Генуи, сделанный французским посланником в Варшаве Г. де Панафье, не был таким однозначным. 16 октября 1922 г., возвращаясь к событиям весны того же года, дипломат подчеркивал, что польские деятели отправлялись в Геную с надеждой сделать Польшу «необходимым посредником, к помощи которого прибегнет Европа в деле реконструкции России. [...] Польская делегация уехала в Геную, имея такие иллюзии. Рапалло разрушило их. Поляки увидели, как англичане, американцы, итальянцы поехали в Россию в одиночку или вместе с немцами для получения прекрасных лесных или нефтяных концессий...» [18. Р. 410].

Своего рода публичным ответом официального Парижа на Рапалло стала речь Пуанкаре, произнесенная 24 апреля на его «малой Родине» – в лотарингском городке Бар-ле-Дюк,

недалеко от мест ожесточенных сражений Первой мировой войны. В ней Пуанкаре заклеил «германо-большевистский» договор и намекнул на возможное в скором времени невыполнение Германией платежей по репарациям, пригрозив единоличными действиями Франции. Речь, по словам американской исследовательницы К. Финк, произвела эффект «взрывной волны» в Лондоне, Берлине и Генуе [20. Р. 196].

Увязка вопроса о Рапалло и возможных силовых действиях Франции против Германии, осуществленная Пуанкаре во время выступления в Бар-ле-Дюке, присутствовала и в его переписке с Барту. 20 апреля, размышляя о маловероятной денонсации Германией Рапалльского договора, Пуанкаре подчеркивал, что реализация даже такого сценария «не лишает нас необходимости предпринять в дальнейшем меры предосторожности против такого состояния вещей, которое выявил этот договор...» [17. Р. 496].

Фактически председатель Совета Франции хотел сделать из Рапалло дополнительное «обременение» Германии, превратить его в еще один серьезный фактор или повод применить против нее силовое давление. 27 апреля Пуанкаре информировал Барту о том, что, с его точки зрения, такие действия Берлина как заключение Рапалльского договора и вероятный отказ от выплаты репараций к очередному установленному сроку платежей (31 мая) не должны смешиваться друг с другом. Пуанкаре стремился к тому, чтобы оба этих шага, трактуемые им как нарушение Германией Версальского договора, рассматривались не в Генуе, а на тех площадках, где доминировали державы Антанты и в особенности – Франция. Речь шла о Репарационной комиссии в случае немецких репараций и о Конференции послов стран Антанты в случае Рапалльского договора. Пуанкаре также не исключал обсуждения договора в дипломатическом порядке между правительствами государств Антанты [17. Р. 528, note 2].

Таким образом, в той аргументации, которую председатель Совета министров Франции использовал в ведомственной переписке, а также публично, прослеживалось стремление увязать Рапалльский договор и возможные новые шаги Парижа по наложению санкций различного порядка на Берлин. Эта логика в еще более очевидной форме была зафиксирована в размышлениях французских военных.

18 апреля, охарактеризовав на страницах дневника свое отношение к Рапалло и допуская скорое невыполнение Германией репарационных обязательств, Бюа зафиксировал данные им указания увеличить численность французской Рейнской армии: «Сгущаются облака, и вполне возможно, что через несколько дней нам не останется ничего другого как пойти прогуляться по рейнским землям», – записал генерал [24. Р. 1198]. В этой фразе прочитывался намек на возможность оккупации новых территорий на западе Германии.

К тому же советско-германское соглашение отвечало определенным ведомственным интересам французских военных, давая им аргументы в дискуссиях с Министерством финансов Третьей Республики, желавшим сократить военные расходы. 3 мая Бюа убеждал министра финансов Ш. де Ластейри в том, что сокращение расходов создаст риски для безопасности Франции. Генерал упирал на то, что «русско-германский договор не выглядит чем-то малозначительным даже в глазах тех, кто отказывается смотреть в глаза реальности» [24. Р. 1204].

Из схожей логики исходил командующий союзными войсками на Рейне французский генерал Ж. Дегутт. 2 мая он представил военному министру А. Мажино секретный доклад, в котором проанализировал изменения, которые мог повлечь за собой Рапалльский договор. Дегутт пришел к выводу, что если Франция решила занять Рур, то лучшего момента для этого не найти [13. Р. 96]. В мае 1922 г. французский Генштаб, действительно, активизировал планирование оккупации Рура [27. Р. 82], хотя подобные планы разрабатывались ранее, как минимум с весны 1919 г. [21. Р. 497]. 2 июля Бюа одобрил одну из стратегических разработок, осуществленных Африканским и Восточным управлением Генштаба французской армии. В ней был

обрисован сценарий войны, начинавшейся с советского нападения на Польшу, продвижения Франции на территорию Германии в ответ, немецкого удара по Польше и дальнейшего разрастания конфликта по Европе [1. С. 358–359].

Эволюция численности французской Рейнской армии была важным показателем, многое говорившим о стратегических намерениях Парижа. С 1 марта по 1 июня 1922 г. она возросла более чем на 30% (с 77 421 до 101 659 человек) [29]. 7 июня, выступая на объединенном заседании международной и финансовой комиссий французской Палаты депутатов, Пуанкаре впервые представил достаточно подробные планы оккупации Рура. Можно согласиться с мнением французского историка Д. Арто, считавшего, что тогдашние действия Пуанкаре говорили не столько об уже принятом решении оккупировать Рур, сколько о попытке надавить на Великобританию в рамках продолжавшихся переговоров по проблеме германских репараций [10. Р. 12]. К 1 октября 1922 г. численность Рейнской армии существенно сократилась (до 83 260 человек), однако затем вновь пошла вверх, выйдя на показатель 102 789 человек к 1 декабря [29].

Подобная динамика коррелировала со сроками призыва во Франции в 1922 г. Рост численности Рейнской армии пришелся на периоды после включения в состав вооруженных сил двух волн призывников (в мае и ноябре) [14]. Однако, как представляется, речь шла не только о доступных людских ресурсах, но и о менявшемся настрое официального Парижа относительно их применения.

Получение 14 ноября германского запроса о 3-летнем моратории на выплату репараций было воспринято французскими властями как очевидный саботаж со стороны Берлина, косвенно поддерживаемый Лондоном. В этой ситуации оккупация Рура становилась все более очевидной опцией для французских политиков, дипломатов и военных. В записке от 21 ноября глава департамента торговых отношений МИД Третьей Республики Ж. Сейду, которого нельзя было отнести к числу «ястребов», уверенно писал о желательности оккупации «промышленного сердца» Веймарской Республики: «В случае, если Германия доведет себя до неизбежной катастрофы, население левого берега Рейна с удовлетворением примет ... помощь ... [которую] мы окажем ему [...]» [25. Р. 214]. Возрождались не только прошлые планы по занятию новых территорий Германии, но и надежды на «автономизацию» левого берега Рейна в той или иной форме.

План оккупации Рура, разработанный в штабе Фоша к 20 ноября, лег в основу концепции, одобренной Советом министров через 7 дней. Предполагалось, что французские силы займут относительно небольшую территорию Рура (вплоть до Эссена). Помимо сил Рейнской армии, такая операция, как считалось, потребует дополнительного привлечения лишь 19 тыс. военнослужащих [19. Р. 23]. Правительство Третьей Республики выбрало именно этот вариант оккупации, исходя из того, что он «окажется более приемлемым для британцев, нежели более радикальные предложения» [31. Р. 219].

Французский историк Арто, дискутируя с Бурназель, полагал, что говорить о «непреодолимом движении» Франции к оккупации Рура после Рапалло нельзя. Вместе с тем он оговаривался, что советско-германское соглашение, «взволновав французское общественное мнение, создало климат, способствовавший проведению силовой операции» [11. Р. 172]. Как можно заметить из вышеприведенных данных, в логике французского политического и военного руководства определенная взаимосвязь между Рапалло и активизацией планов по оккупации Рура присутствовала. При этом важно ответить и на дополнительный вопрос: действительно ли, Рапалльское соглашение так насторожило Париж, либо речь, скорее, шла об удобном поводе для активизации планов, которые строились ранее? Давняя разработка планов оккупации Рура французскими военными является изученным фактом. Можно ли, однако, говорить о том,

что Рапалльское соглашение усилило восприятие советской и германской «угроз» в Париже как чего-то реального и краткосрочного, а не гипотетического и отдаленного?

При обсуждении накануне Гenuи, а также в ходе самой конференции проекта договора о ненападении между Россией и странами-лимитрофами, Пуанкаре занял позицию, достаточно ясно говорившую о приоритетах Парижа. Если Ллойд Джордж видел в подобном договоре одну из ключевых целей Гenuэзской конференции и необходимый элемент послевоенной «пацификации» Европы [7. С. 402], то Пуанкаре волновало другое. Главным для него было то, чтобы эвентуальная договоренность о ненападении в Европе не создала никаких препятствий для Франции применить силовые действия против Германии в случае нарушения последней условий Версальского договора. Этот тезис «красной нитью» проходил через различные программные документы МИД Франции, через указания Пуанкаре в период подготовки Гenuэзской конференции и в ходе ее проведения [16. Р. 21; 17. Р. 513, 611]. Предполагаемый пакт о ненападении Пуанкаре хотел представить как необходимость для Советской России и Германии взять на себя обязательства, которые страны-члены Лиги Наций уже возложили на себя по ст. 10 Устава организации [17. Р. 372].

В Париже несильно верили в действенность достигнутой в Гenuе договоренности воздерживаться от агрессии и «всякой подпольной пропаганды» в течение будущей Гаагской конференции продолжительностью не более 8 месяцев, а также в течение 4 месяцев после окончания последней [5. С. 295–296]. Однако закрытые оценки французских военных и дипломатов указывали на то, что сценарий нападения Советской России или Германии на Польшу, о котором размышлял Пуанкаре в контексте Рапалло, далек от воплощения в реальность. В конце мая 1922 г., при обмене мнениями между британской военной разведкой и французским военным атташе в Лондоне генералом А. де ля Панузом, последний в целом согласился с относительно спокойными прогнозами Имперского Генштаба. Там «не верили в то, что правительство Советов, нуждающееся в настоящее время в финансовой помощи со стороны Европы, пустится в военную авантюру, к которой оно не готово. В противном случае будут потеряны все преимущества, на которые оно надеялось в связи с конференциями в Гenuе и Гааге» [30].

К началу осени 1922 г. французские оценки стратегической ситуации на Востоке Европы оставались относительно спокойными. 22 сентября глава «русской службы» МИД Франции Ж.Ф. Гренар доносил своему руководству: «Согласно разведывательным сведениям, поступившим к сегодняшнему дню от 2-го бюро Военного министерства, советское правительство не предпринимает никаких военных приготовлений, которые могли бы вызывать малейшие опасения относительно ситуации на границах Польши, Румынии и на Кавказе» [18. Р. 361]. Судя по рукописным пометкам Пуанкаре на записке Гренара, председатель Совета министров был склонен доверять более тревожным сведениям, поступавшим от румын и поляков. Однако в рамках этой переписки на полях глава ключевого подразделения МИД Третьей Республики (Управления политических и торговых дел), граф Э. Перетти делла Рокка, настаивал на том, что информация 2-го бюро и самой польской армии говорит о том, что «никакого сосредоточения русских войск близ польской границы нет» [18. Р. 361, notes 1–2].

Примечательной была также записка от 30 сентября, составленная одним из наиболее опытных французских военных экспертов по России – подполковником Р. Бюксеншютцем [6. С. 212]. В ней он обратил особое внимание на один из компонентов, который был крайне важен в случае эвентуального наступления РККА на Запад, – на состояние железных дорог. Его выводы были пессимистичными и указывали на плохое состояние советской железнодорожной инфраструктуры. Бюксеншютц подчеркивал, что «на самом деле [советские] железные дороги плачевно функционируют, поскольку им не хватает всего» [9. Fol. 35].

Таким образом, доминировавшие во французских властных кругах оценки Рапалло были амбивалентными. Алармизм и чувство тревоги по поводу нового советско-германского сближения соседствовали с сохранявшимся восприятием французского военного превосходства в Западной Европе и отсутствием реальных опасений скорого военного конфликта на Востоке континента. В этом смысле Рапалло было, скорее, удобным предлогом того, чтобы активизировать давление на Германию. Если путь от Рапалло и Рура и не был прямым, то все же определенная логическая связь между двумя этими вехами послевоенных международных отношений в Европе, если смотреть на ситуацию из Парижа, действительно, прослеживалась.

Библиографический список

1. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб., 2021.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
3. Лавренова А.В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. №4. С. 57–68.
4. Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. №6. С. 29–46.
5. Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.). М., 1922.
6. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019.
7. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.
8. Станков Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. №3. С. 3–15.
9. Archives du Ministère des Affaires étrangères. Papiers d'agents. Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67.
10. Artaud D. À propos de l'occupation de la Ruhr // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. Vol. 17. No. 1. P. 1–21.
11. Artaud D. [Compte rendu] // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1978. T. 25. No. 1. P. 171–173.
12. Bakić D. Great Britain, the Little Entente and the Genoa Conference of 1922 // Istorija 20. veka. 2011. No. 3. S. 109–124.
13. Bariéty J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. Paris, 1977.
14. Boulanger Ph. Mutations et permanences de la conscription au début des années 20: la loi sur le recrutement de l'armée du 1er avril 1923 [Электронный ресурс]. URL: http://www.institut-strategie.fr/strat_7475_BOULANGER.html (дата обращения – 12.04.2022).
15. Bournazel R. Rapallo, naissance d'un mythe. La politique de la peur dans la France du Bloc National. Paris, 1974.
16. Documents diplomatiques. Conférence économique internationale de Gênes, 9 avril – 19 mai 1922. Paris, 1922.
17. Documents diplomatiques français. 1922. T. 1. Bruxelles, 2007.
18. Documents diplomatiques français. 1922. T. 2. Bruxelles, 2008.
19. Documents diplomatiques français. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010.
20. Fink C. The Genoa Conference: European diplomacy, 1921–1922. Syracuse, 1993.
21. Greenhalgh E. Foch in Command: The Forging of a First World War General. Cambridge, 2011.
22. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-sovietiques, 1917–1924. Paris, 1981.
23. Hogenhuis-Seliverstoff A. French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922 / Ed. by C. Fink, A. Frohn, J. Heideking.

- Cambridge, 1991. P. 131–148.
24. Journal du général Buat, 1914–1923 / Prés. par F. Guelton. Paris, 2015.
 25. McDougall W.A. France's Rhineland Diplomacy, 1914–1924: The Last Bid for a Balance of Power in Europe. Princeton, 1978.
 26. Orde A. France and the Genoa conference of 1922 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv. Bd. 37. Wien, 1984. S. 325–361.
 27. Rupieper H.J. The Cuno Government and Reparations, 1922–1923: Politics and Economics. The Hague, 1979.
 28. Schutze W. [Compte rendu] // Politique étrangère. 1976. T. 41. No. 2. P. 188–190.
 29. Service historique de la défense / Département de l'armée de terre, 4N 94.
 30. Service historique de la défense / Département de l'armée de terre, 7N 2794.
 31. Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005.

Сведения об авторе:

Магадеев Искандэр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, e-mail: iskander2017@yandex.ru

УДК 94(47)

Е.Ю. Сергеев

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР ¹

Аннотация: Статья освещает ключевые проблемы, с которыми столкнулась британская дипломатия в ходе работы Генуэзской экономической конференции (апрель – май 1922 г.). Она открыла эру участия советских представителей в международных встречах послевоенного периода. Автор рассматривает воздействие Д. Ллойд Джорджа и членов возглавляемой им делегации на контакты между большевистскими и германскими дипломатами накануне и вслед за подписанием соглашения в Рапалло, которое оказало заметное влияние на международную повестку 1920-х гг.

Ключевые слова: Генуэзская конференция, советско-британские отношения, Рапалльское соглашение, Ллойд Джордж, Чичерин.

Sergeev E.Yu. British Diplomacy and the Treaty of Rapallo

Abstract: The essay highlights some key problems which confronted the British diplomacy during the economic conference in Genoa (April – May 1922). It launched the epoch of Soviet representatives' participation in international congresses through the post-war period. The author analyses the contribution by D. Lloyd George and other British delegates to the contacts between Bolshevik and German diplomats on the eve and in the aftermath of the Rapallo agreement which greatly influenced international situation in the 1920s.

Keywords: Genoa conference, Soviet-British relations, treaty of Rapallo, Lloyd George, Chicherin.

Характеризуя международную экономическую конференцию 1922 года, местом проведения которой стал итальянский портовый город Генуя, необходимо сразу же указать, что деятельность советской делегации во главе с народным комиссаром по иностранным делам Г.В. Чичериным, его заместителем М.М. Литвиновым, а также торгпредом в Великобритании Л.Б. Красиным уже находила отражение в отечественной и зарубежной историографии [7; 11, 115–123; 21; 31, 380–384; 26, 194–215; 24, 318–354; 15, 199–347; 28, 615–620; 6, 92–117; 10; 4, 189–260; 29, 266–276; 18, 217–229, 239–243, 251–282; 3, 169–209; 33, 64–71; 23, 11–20; 27, 183–207; 19, 294–302; 20, 135–151; 30, 7–32; 12, 48–56; 13, 123–145; 8; 22, 55–65; 2, 107–210; 17, 69–104]. Автор настоящей статьи также посвятил часть главы своей монографии о советско-британских отношениях в первой половине 1920-х гг. проблеме воздействия официального Лондона на контакты между Москвой и Берлином накануне и в ходе рассматриваемого форума [16, 394–415]. Однако всестороннее изучение дипломатического противостояния Лондона и Москвы на основе информации из документов, ставших доступными специалистам в последние годы, по-прежнему выступает одной из важнейших задач историков международных отношений.

Столетняя годовщина Генуэзского форума, организаторы которого впервые после фактического разрыва отношений между Западом и большевистской Россией в 1918 г. пригласили для участия в нем официальных представителей советского правительства, определила цель автора, состоящую в реконструкции взаимодействия британских и советских дипломатов с позиции современного понимания процесса становления Версальско-Вашингтонского миропорядка. Актуальность обращения к указанному сюжету не подлежит сомнению еще и в связи с заметным осложнением международных отношений, свидетелями которого мы являемся в настоящее время.

Для начала следует напомнить, что в Генуэзском форуме участвовали 34 (вместе с британскими доминионами) государства, представители которых помимо пленарных сессий во

¹ Данная статья подготовлена в рамках исследовательского гранта ГАУГН FZNF – 2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории».

дворце Сан-Джорджио под председательством итальянского премьера Л. Факта заседали в четырех комитетах: политическом, финансовом, торговом и транспортном. С точки зрения состава, главными фигурами конференции, безусловно, выступали глава Кабинета Д. Ллойд Джордж и упоминавшийся выше Чичерин, поскольку, как справедливо заметил один из советских экспертов, международная встреча фактически «являлась конференцией по русскому вопросу» [14, 6]. Отнюдь неслучайно поэтому Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) и Форин офис одними из первых среди внешнеполитических ведомств стран-участников конференции опубликовали дипломатические документы форума [5; 25].

Судя по программным выступлениям британского премьера и советского наркома в первый же день работы форума 10 апреля 1922 г., можно сделать вывод о том, что задачи Великобритании и Советской России на нем не совпадали. В дальнейшем попытки участников встречи сблизить позиции наталкивались на сопротивление скептиков «мирного сосуществования» среди кремлевского руководства, либо антагонистов встраивания большевистского государства в Версальскую систему со стороны западных стран.

Во время частной беседы с Чичериным 14 апреля, организованной Ллойд Джорджем на вилле Альбертис под Генуей – временной резиденции британской делегации, глава британского правительства попытался убедить собеседника в том, что Антанта предлагает России лишь руководствоваться принципами, одинаковыми для всех государств, которые одновременно выступали как кредиторами, так и дебиторами во взаимных расчетах. При этом он сослался на прецеденты из истории англо-французских отношений XVIII–XIX вв., когда Лондон и Париж после вооруженных конфликтов обычно соглашались на удовлетворение взаимных материальных претензий путем переговоров. Кроме того, Ллойд Джордж указал, что требовать от членов Антанты с советской стороны компенсации за интервенцию в объеме более 39 млрд зол. руб. все равно, что побуждать их выплачивать контрибуцию как проигравших войну держав бывшего Четверного союза. Фактически официальный Лондон предлагал Москве компромисс: списать все военные займы России, сократив проценты по ее довоенным долгам, связанным с частной собственностью физических лиц, которым советские власти должны были либо возратить прежнее имущество, либо возместить понесенные убытки.

15 апреля Чичерин сообщил в Москву, что главным требованием британской стороны являлось признание обязательств по восстановлению прав собственности подданных Соединенного Королевства, пострадавших от национализации, через передачу бывшим владельцам ранее принадлежавших предприятий в долгосрочную аренду, либо выплату им эквивалентной компенсации. В этой связи нарком предлагал советскому руководству, сохранив монополию внешней торговли, частично признать довоенные долги царского правительства физическим лицам-нерезидентам – держателям российских ценных бумаг. Для выполнения указанной задачи Чичерин признавал возможным согласовать со странами Антанты схему погашения бумаг после пятилетнего моратория, осуществив перевод бывшей иностранной собственности в концессию, но лишь в случае предоставления Великобританией крупного торгового кредита РСФСР. Тогда из общей суммы российского иностранного долга в 18,5 млрд зол. руб. погашению с процентами подлежало бы не более 6 млрд зол. руб.

Но и эта сумма показалась Москве слишком обременительной, поскольку ее уплата означала бы выделение до 80% ежегодного бюджета РСФСР на выполнение финансовых обязательств, что создавало нежелательный прецедент. Поэтому инициатива Чичерина не встретила поддержки председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) В.И. Ленина, который телеграфировал главе делегации о принципиальной нецелесообразности таких уступок Лондону. Аналогичным образом не нашло понимания у кремлевского руководства и предложение Красина

признать довоенные долги России в сумме 8 млрд зол. руб., добавив к ним еще 3–4 млрд зол. руб. компенсации за национализацию иностранного имущества.

Хорошо известно, что молниеносное, хотя и подготовленное деятельностью уполномоченного НКВД в Германии В.Л. Коппа и визитом Чичерина в Берлин накануне конференции заключение советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. произвело на всех участников конференции, и прежде всего британцев, впечатление «разорвавшейся бомбы». Явившись личным триумфом главы НКВД, который считался германофилом, подписание Рапалльского соглашения свидетельствовало о провале дипломатии Ллойд Джорджа. Важнейший пункт этого документа фиксировал взаимный отказ РСФСР и Германии соответственно от получения репараций в сумме более 16 млрд зол. руб. и компенсации стоимости собственности, потерянной немцами в России. Указанная договоренность была неприемлема для государств Антанты, категорически возражавших против «нулевого варианта» решения проблемы российских долгов. Показательно, что в телеграмме Чичерину глава большевистского правительства, которого отнюдь не смущал возможный провал конференции, подчеркнул, что «русско-германский договор должен служить как единственная модель международного соглашения, приемлемого советским правительством» [9, 185].

Мнение некоторых советских участников конференции о том, что подписание Рапалльского трактата было чуть ли не инспирировано Ллойд Джорджем для эвентуального создания противовеса бескомпромиссной позиции французского правительства, а в случае разрыва с ним Лондона – образования новой политической комбинации в составе Великобритании, Италии, Германии и России, опровергает точку зрения советских историков о «едином антисоветском фронте» коллективного Запада [21, 53–56]. На самом деле высшие военные круги Соединенного Королевства располагали информацией относительно секретного оборонительного соглашения, которое якобы подписали Советская Россия и Германия. Согласно этому документу, Москва и Берлин якобы обязывались прийти друг другу на помощь в случае нападения Польши на одного из двух подписантов. По оценкам британских военных экспертов, большевики были способны легко спровоцировать такое нападение, что делало Германию ключевой страной в противодействии победному маршу большевизма по Европе [32, CU, SAC, CHAR, 2/122, 8–9].

Беседа представителей Антанты в резиденции итальянского премьера на вилле Раджи 18 апреля сосредоточилась на формулировании политики в отношении РСФСР после «нового Бреста». Как заявил Ллойд Джордж, «действительная опасность состояла в объединении интересов Германии и России, а не Германии и большевиков» [32, PA, LG, F/145/Pt. 1, 87–89]. На следующий день коллективной нотой страны Антанты декларировали право признания недействительными любых положений Рапалльского договора. Как 29 апреля 1922 г. отозвался о нем министр иностранных дел Соединенного Королевства лорд Дж. Кёрзон, «похоже, мы имеем рецидив возвращения всех великих континентальных держав в очень мутную ситуацию предвоенных интриг и предательства» [30, 19].

Заключительной попыткой добиться успеха форума явились меморандумы, согласованные главами Антанты и представленные ими советской делегации после совещания в генуэзском отеле «Мирамаре» 29 апреля и 3 мая 1922 г. Подчеркнем, что эти документы отразили некоторые вполне рациональные предложения члена британской делегации, известного экономиста Дж. Кейнса, касательно объявления временного моратория на погашение российских долгов, эмиссии облигаций для их постепенной выплаты и предоставления Москве торгового кредита в сумме 50 млн ф. ст.

Первый из меморандумов содержал важное положение, по которому в случае согласия Москвы на реструктуризацию довоенной задолженности через выпуск 5% золотого

облигационного займа Советской России могла быть оказана экономическая помощь создававшимся международным консорциумом ведущих западных держав с начальным капиталом в 15 млн ф. ст. А во втором указывалось на возможность пересмотра суммы долга в сторону дальнейшего дисконтирования наряду с увеличением объема предоставлявшихся кредитных ресурсов.

В ответной ноте Чичерина обосновывалась необходимость получения Советской Россией займа в 8,8 млрд зол. руб. под финансовые гарантии Кремля. Выступая 3 мая на пленарном заседании конференции, нарком согласился с идеей международного консорциума, но категорически исключил малейшую возможность отказа Москвы от государственной монополии внешней торговли и валютных операций.

Неформальная встреча с Красиным 5 мая 1922 г. развеяла последние иллюзии Ллойд Джорджа относительно способности большевистского руководства заключить компромисс с Великобританией. В ответ на призыв собеседника о предоставлении кредита в форме государственного займа с ежегодными траншами в 120 млн ф. ст. британский премьер назвал ситуацию безнадежной. Последовавшие ноты советской делегации от 6 и 11 мая свидетельствовали лишь о дальнейшем ужесточении позиции Москвы, поскольку делали акцент на нежелании Антанты признать ущерб, который интервенты причинили народному хозяйству России, и содержали отказ Кремля компенсировать потерю имущества иностранными гражданами в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг.

12 мая на встрече с делегатами союзных стран глава британского правительства вынужден был признать фиаско конференции, выразив сожаление Чичерину и его коллегам, прибывшим на следующий день в резиденцию Ллойд Джорджа для заключительной беседы. По его мнению, они просто «не выдержали давления экстремистских сил внутри своего правительства» [34, 868–870].

Финальное пленарное заседание Генуэзской конференции 17 мая 1922 г., сопровождалось выступлениями Чичерина, признавшего значимость форума для налаживания диалога между «первым в мире социалистическим государством и капиталистическим миром», а также ответной речью Ллойд Джорджа, который, выразив надежду на продолжение обсуждения «русского вопроса» в рамках следующей международной встречи, все же сделал пессимистический вывод о принципиальной несовместимости двух систем.

Не только современники, но и специалисты по-разному оценивали итоги общеевропейского экономического форума в итальянском портовом городе. К примеру, известный советский дипломат А.А. Йоффе определил значение Генуи как «глубокую разведку в тылу у неприятеля» и «победу английского либерализма над французским черносотенством» [7, 61, 126]. Советские историки, как правило, акцентировали внимание на «триумфе ленинской дипломатии мирного сосуществования» и на проявленной Чичериным «со товарищи» дипломатической гибкости, благодаря которой они предотвратили «глобальную экономическую интервенцию» против РСФСР, которую якобы замыслили Лондон и Париж. При этом отдельные исследователи даже возлагали вину за срыв конференции на США, якобы тайно поддерживавших делегации Франции и Бельгии, которые выступали главными антагонистами политики «мирного сосуществования». Хотя в работах отечественных исследователей последних лет преобладает все же более взвешенная трактовка итогов форума в Генуе с констатацией упущенного шанса вернуться в послевоенный «концерт» ведущих держав [13, 123–145; 2, 204–210; 17, 104].

Более разнообразные, порой крайне оригинальные, оценки встречаются в воспоминаниях современников и трудах зарубежных коллег. Так, один из авторов связал «обескураживающий провал» Генуэзской конференции с «плохой подготовкой, еще худшим проведением

и целями, в реальности отличными от первоначально заявленных» [31, 383]. Практически все западные историки характеризовали Рапалльский договор как результат стратегической близорукости Кремля, который не сумел, по их мнению, выйти из дипломатической изоляции, получить финансовые ресурсы для реконструкции экономики и обеспечить разоружение [23, 18–19]. В этой связи заслуживает внимание точка зрения Йоффе, который в одном из писем Ленину, датированном октябрём 1922 г., писал о «неуверенном и колеблющемся характере нашей дипломатии, который уже принес нам много вреда» и «который оказывает свое влияние до сих пор» [12, 55].

Очевидно, что эти колебания в полной мере проявились на Генуэзской конференции, где по вопросу восстановления нормальных отношений с бывшими союзниками России соперничали три точки зрения как советских, так и западных, включая британских, политиков. Первая состояла в принципиальной невозможности какой-либо нормализации в связи со стремлением большей части кремлевского руководства ревизовать Версальский порядок в Европе, добившись аннулирования всех долгов. Вторая заключалась во временном, тактическом урегулировании общеевропейского кризиса в ожидании нового военного столкновения, которое, по мнению Ленина, должно было произойти в течение ближайших двадцати лет. Наконец, третья подразумевала возвращение России в систему международных отношений, созданную на конференциях в Париже и Вашингтоне. Именно с этих позиций, хотя и по разным причинам, выступали Ллойд Джордж и его сторонники в британском истеблишменте.

Проведенное исследование показывает, что с учетом целей политического руководства Советской России и Великобритании, а также доминирующих настроений британской общественности, шансов на успех двадцатой по счету с момента окончания мировой войны и «крупнейшей со времени крестовых походов», как назвала ее влиятельная либеральная газета «Манчестер Гардиан», конференции скорее всего не было изначально. Неслучайно британская пресса подчеркивала, что Москва предпочла оставаться в стане побежденных вместо того, чтобы занять место среди победителей, намекая на неутешительные для России итоги Первой мировой войны. А сам Чичерин в письме к генеральному секретарю РКП(б) И.В. Сталину 8 августа 1922 г. констатировал, что советская сторона упустила шанс достичь в Генуе компромисса с другими государствами, и прежде всего Соединенным Королевством, поскольку «личной политикой Ллойд Джорджа было стремление к соглашению с нами, в котором он усмотрел бы личный триумф», а «в Генуе он шел настолько далеко, насколько вообще максимально позволяло Сити...» [1, 1, 1, 14–19; 16, 415].

Именно это обстоятельство, а не плохая подготовка, неумелое проведение, разногласия среди союзников по Антанте или подписание сепаратного договора в Рапалло обусловило фиаско Лондона на первом общеевропейском форуме с участием большевистских дипломатов в межвоенный период.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации. (АВП РФ). Ф. 419. Гагская конференция.
2. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М. – СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
4. Выгодский С.Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
5. Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / сост. Г.Б. Сандомирский. М.: НКВД, 1922.
6. Ивашин И.Ф. Очерки истории внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958.
7. Йоффе А.А. Генуэзская конференция. М.: Красная новь, 1922.

8. Катасонов В.Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М.: ИД «Кислород», 2015.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 45.
10. Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (воспоминания участников). М.: Изд. Института международных отношений, 1963.
11. Майский И. Внешняя политика РСФСР 1917–1922. М.: Красная новь, 1922.
12. Макаренко П.В. Двойные стандарты советской дипломатии на Генуэзской конференции. – В сб.: Проблемы социально-политического развития российского общества / ред. В.М. Черных. Воронеж: ВГТА, 2003. С. 48–56.
13. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М.; Наука, 2004.
14. Преображенский Е.А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М.: Государственное издательство, 1922.
15. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика советского государства в 1921–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1953.
16. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.
17. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.– СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.
18. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
19. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1932. Л.: Наука, 1969.
20. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб.: Д. Булавин, 2002.
21. Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
22. Carley M. *Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publications, 2014.
23. Fink C. *The NEP in Foreign Policy: The Genoa Conference and the Treaty of Rapallo*. – In: Gorodetsky G. (ed.) *Soviet Foreign Policy, 1917–1991. A Retrospective*. London: Cass, 1994. P. 11–20.
24. Fischer L. *The Soviets in World Politics. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917–1929*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951. Vol. 1.
25. Great Britain. Foreign Office. *Papers Relating to International Conference, Genoa, April – May 1922*. Cmd. 1667. London: HMSO, 1922.
26. Gregory J. *On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902–1928*. London: Hutchinson, 1928.
27. Orde A. *British Policy and European Reconstruction after the First World War*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
28. Owen F. *Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times*. London: Hutchinson, 1954.
29. Roskill S. *Hankey, Man of Secrets*. London: Collins, 1972. Vol. 2.
30. Salzman S. *Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922–1934*. New York: The Boydell Press, 2003.
31. Steed H. *Through Thirty Years. 1892–1922*. London – New York: Heinemann – Doubleday, Page and Co, 1924. Vol. II.
32. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Cambridge University (CU). Churchill Archives Center (CAC). Churchill Papers (CHAR); Parliamentary Archives (PA). House of Lords. Lloyd George Papers (LG).
33. Williams A. *Trading with the Bolsheviks: The Politics of East – West Trade, 1920–1939*. Manchester: Manchester University Press, 1992.
34. Woodman E.L., Butler R., et al. (eds) *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP)*. London: HMSO, 1984. First ser. Vol. XXV.

Сведения об авторе:

Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук, e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

УДК 94(4)

А.П. Вырупаева

ОБРАЗ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ «МУРЗИЛКА»

Аннотация: в статье рассматривается образ Германии Веймарских времён, который транслировали в советской детской литературе. В первую очередь изучаются печатные материалы самого популярного советского журнала для детей в возрасте от 6 до 12 лет «Мурзилка». Привлекаются материалы других детских изданий «Чиж» и «Ёж». Изучение поставленного вопроса свидетельствует о нескольких приоритетных темах, фигурировавших в детской литературе 1920-х - начала 1930-х гг. в отношении Германии, среди них - политика, технический прогресс и атеизм.

Ключевые слова: СССР, Веймарская Германия, Коммунистическая партия Германии, детство, воспитание, советские детские журналы, «Мурзилка».

Вырупаева А.П. The image of Weimar Germany in the magazine for children "Murzilka"

Annotation: the article examines the image of Germany of the Weimar times, which was presented in Soviet children's literature. First of all, the printed materials of the most popular Soviet magazine for children aged 6 to 12 years "Murzilka" are studied. Materials from other children's publications "Chizh" and "Ezh" are involved. The study of the question raised indicates several priority topics that appeared in children's literature of the 1920s - early 1930s in relation to Germany, among them - politics, technological progress and atheism.

Keywords: USSR, Weimar Germany, Communist Party of Germany, childhood, upbringing, Soviet children's magazines, "Murzilka".

Советская власть придавала особое значение воспитанию будущего поколения. В 1920-е годы после гражданской войны в России появилось множество периодических изданий для детей: журнал «Мурзилка», альманах «Воробей», газета «Пионерская правда» и т.д. Выходили региональные детские издания на национальных языках. Например, в Удмуртии печаталась детская газета «Муравей».

Большевики воспринимали детей как «новую смену»: верных проводников коммунистических идей и всеобщего прогресса. Здесь в качестве красноречивого примера возникает хрестоматийная фигура Павлика Морозова, выступившего против своей семьи в интересах советского общества и новой правды жизни. Менее масштабно дух «новой смены» прослеживается в дневнике удмуртского школьника Петра Квалтырёва. Дневник, обнаруженный и введённый в научный оборот сравнительно недавно, содержит записи за один месяц: декабрь 1929 года. В своём дневнике 11-летний мальчик выступает определённым носителем прогрессивных идей, становясь той самой новой сменой: он учит своих родителей грамоте, рассказывает им про преимущества колхозов, а также «громко читает» и «разъясняет» отцу и матери статьи из книги «Женские болезни» [1. С.54-55].

В этих условиях газета являлась не просто источником информации, но и выразителем взглядов населения по тем или иным проблемам современной жизни, и в обоих этих важных функциональных составляющих выступает сегодня в качестве самостоятельного объекта для исследования. «Пресса была в числе тех участников этого процесса, которые должны были мобилизовать страну на ведение изнурительной войны. Она выполняла роль посредника между фронтом и тылом, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные всевозможные трудности, проявлять готовность к несению добровольной военной службы» [1, с. 37].

¹ Дневник случайно нашли в начале 1980-х годов в Ижевске в комплекте документов, принадлежавших сельской семье Квалтырёвых. Неизвестно, имелось ли у документа начало, и было ли окончание.

Идеологическое воспитание было одной из главных составляющих советской детской литературы. Подрастающему поколению регулярно рассказывали про то, что происходило внутри и за пределами страны. Описание международной обстановки 1920-х – начала 1930-х гг., как правило, сводилось к трём темам: мировая революция, тяжёлая жизнь рабочих и их детей за границей, а также борьба зарубежных товарищей-коммунистов.

Особенно подробно юным советским гражданам рассказывали про тяжёлый детский труд за рубежом. Например, в «Мурзилке» были представлены изображения детей, работающих на шахтах; фотография перемазанного сажей малыша-трубочиста; шокирующие рассказы о продаже в рабство на фабрику маленьких китайских детей.

Большой резонанс в журнале получила забастовка английских горняков 1926 года. Издание часто сообщало о недоедающих детях бастующих шахтёров, в результате чего в «Мурзилке» развернулась кампания по сбору денежных средств английским рабочим и их голодающим детям. Советские ребята отчитывались в своих письмах журналу, сколько собрали денег «заграничным ребятам». В одном из таких писем пятилетняя читательница Ривочка Бобовик представила такой рассказ: «...я попросила у мамы красивую коробочку и стала ходить по нашему двору, просить у всех соседей: „Пожертвуйте копеечки для английских горняков“. Я собрала 50

копеек. Потом мама хотела мне купить шоколадку, я эти деньги добавила к собранным, и вот высылаю один рубль» [6. С.31].

Среди всех стран мира чаще всего на страницах детских изданий фигурировала Германия. Данному обстоятельству было несколько объяснений. Прежде всего, Германия являлась родиной марксизма, где находилась самая большая в Европе коммунистическая партия; немецкий язык являлся официальным языком III Интернационала; первые жертвы международной коммунистической борьбы тоже были оттуда – Карл Либкнехт и Роза Люксембург. К тому же именно на родину Гёте и Шиллера возлагались главные надежды на разжигание мирового Октября. И причина здесь крылась не только в массовости Коммунистической партии Германии (КПГ), но в особенной активности немецкого рабочего класса и регулярных «революционных кризисах», случавшихся по его инициативе на немецкой земле. Один из них – «кровавый май» 1929 года – многотысячная первомайская демонстрация в Берлине, завершившаяся многодневным столкновением коммунистов с полицией.

Рассказывая про Германию детям, журнал «Мурзилка» отражал все существовавшие в советской печати клише. Здесь были и грошовые зарплаты родителей-рабочих, и детский труд, и нехватка еды, и неустанная борьба немецких коммунистов с режимом.

Советские ребята знали, что их немецкие сверстники вынуждены работать. Так, в рассказе с говорящим заглавием «Свекловичные каникулы» германские школьники нанялись на частную ферму собирать свёклу: ребята трудились по 12 часов, жили в сарае, «от копанья в земле» у них ломало спину, болели ноги, кожа на лице полопалась, а руки потрескались. За

свои труды они получили «всего три рубля», при этом ещё должны были отработать угощения, которыми их потчевал фермер в городе: «Вы кушали пирожные, брали пряники, пили лимонад, потом вас привезли сюда, – надо отработать за это» [2. С.14].

Ещё одним символом тяжёлой жизни заграничных детей становилось недоедание. В одном из рассказов, напечатанных в «Мурзилке» 1925 года, говорилось про 7-летнего Фредди, который каждое утро рылся в куче с кухонными отбросами: «О, да, ему сегодня везёт! Сразу попала целая морковка, две картошки и луковка, напал на целый ворох картофельной шелухи» [8. С.25].

В этом же номере «Мурзилки» была опубликована ещё одна история про детский голод. В рассказе «За картошкой» [5] немецкие дети искали на картофельном поле местного фермера оставшиеся после уборки урожая редкие клубни картофеля. Старый сторож не прогонял голодных детей, но, как только об их «происках» узнал хозяин, он приказал расправиться с малолетними «преступниками».

Самая популярная тема – тема классовой борьбы – в советских детских изданиях была представлена главным образом противостоянием немецких пионеров¹ и таких «адептов» капиталистического режима, как школьные учителя и полицейские. Первые били ребят, заставляли их посещать занятия по религии, рассказывали «небылицы про Советскую Россию» и ругали её [9. С.22]. Вторые ловили на улицах пионеров, участвующих в демонстрациях и расклеивающих листовки КПГ, и тоже били. Непременным атрибутом этого противостояния выступал красный флаг: полицейские его срывали, а пионеры защищали.

В рассказе «Ганс-карапуз», напечатанном в «Мурзилке» в 1924 г., красное знамя из рук полицейских спасает 7-летний Ганс. Вместе со своими друзьями он шествует по главной улице города с красным флагом – подарком от русских товарищей. Навстречу ребятам выходит полиция, которая «дубинками и кулаками» разгоняет детей и забирает флаг. Все разбегаются кроме Ганса: «Один только Ганс-Карапуз идёт и идёт за полицейским. То сзади идёт, то пообгонит немного» [10. С.8]. Когда шуцман остаётся один и закуривает, Ганс налетает на него, тот от неожиданности разжимает кулак, знамя падает, Ганс хватается за флаг и скрывается из виду. Спаситься от полиции малышу помогает пожилая женщина, в близлежащей квартире которой он укрывается: старушка всё «сразу поняла», провела героя в дальнюю комнату, а пришедшему полицейскому сказала, что никогда бы не впустила в дом никого с красным флагом. Когда непойманный герой возвращается обратно к друзьям со знаменем, восторгу его товарищей нет предела: «Да здравствует Ганс-Карапуз! Качать его, качать!» [10. С.9].

В этом сюжете отразился традиционный сценарий всех советских рассказов и репортажей про столкновение «маленьких германских большевиков» с полицией: сначала шествие, затем – разгон демонстрации шуцманами и обыск в близлежащих домах с последующим фиаско полицейских, так и не сумевших отыскать маленьких смутьянов порядка. Ведь в каждом

¹ Словом «пионер» в советских изданиях характеризовали немецких детей, состоявших в различных детских группах КПГ, а также в Союзе юного Спартака (JSB: Jung-Spartakusbund), в который вступали с 10 лет. После - с 14 лет - следовало членство в Коммунистическом молодёжном союзе Германии (KJVB: Kommunistischer Jugendverband Deutschlands). Таким образом, структура детских и молодёжных коммунистических организаций периода Веймарской республики выглядела по возрастным категориям так: сначала - детские коммунистические группы, затем - Союз юного Спартака и в заключении - Коммунистический молодёжный союз Германии. Собственно пионерская организация (имени Эрнста Тельмана: die Pionierorganisation „Ernst Tählmann“) появится уже после Второй мировой войны в Восточной Германии в 1948 году.

Следуя дискурсу советских изданий, автор статьи будет использовать для именовании членов различных немецких детских организаций КПГ в 1920-30-х гг. слово «пионер».

доме, где укрываются герои, живут их сторонники – бедные рабочие люди. Посыл произведений однозначен: простой немецкий народ «за» коммунистов.

Многих немецких коммунистов советские школьники и даже дошкольники знали поимённо. Среди них был Макс Гёльц – известный немецкий революционер тех лет, лидер масштабных восстаний в Средней Германии 1920-1921 гг., приговорённый судом за военное противостояние правительственным войскам к пожизненному заключению. После массовой кампании в его защиту, организованной немецкими интеллигентами, Гёльц был освобождён и эмигрировал в СССР по личному приглашению Иосифа Сталина.

В 1930 г. в детском журнале «ЧИЖ» опубликовали письмо учащегося 191 ленинградской школы имени Макса Гёльца Бори Фаенсона. В своей корреспонденции советский мальчик рассказал о том, что его школу посетил Макс Гёльц, но большую часть письма посвятил описанию политической борьбы зарубежного гостя. Из слов Бори складывалась следующая картина: Гёльц – бесстрашный участник многочисленных митингов в Германии; в одной из стычек политические противники до смерти избили его «железными палками»; полиция считала его мёртвым, но революционера спас немецкий пионер, который привёл рабочих, а потом «достал автомобиль и на автомобиле Гёльца увезли домой» [4. С.2]. В подобных рассказах пионеры всегда играли ключевую роль, выполняя функцию верных и незаменимых помощников старших товарищей. Итог: «Когда Макс Гёльц немного поправился, он снова стал выступать на митингах против буржуев. Полицейские снова решили его арестовать, но Макс Гёльц от них скрылся и убежал к нам в СССР» [4. С.2]. В качестве неоспоримого доказательства борьбы Гёльца в конце письма было обозначено: когда революционер был «у нас в школе, голова у него была ещё завязана» [4. С.2].

Особое внимание советских детских изданий привлекали Международные слёты пионеров. В 1930 г. в Берлине состоялся второй из них. Первоначально слёт планировалось провести в «красном бастионе» Германии – городе Галле, но городские власти запретили сбор. Тогда шумное мероприятие перебралось в Берлин, где с 23 по 27 июля и состоялся второй (после Москвы, 1929 г.) Международный слёт. Согласно данным советских изданий, на него прибыло 500 делегатов со всей Германии, а также из Бельгии, Польши, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Америки. Советских пионеров на слёт не пустили – не выдали визы, но они прислали своим товарищам «привет» и отчёт о своей работе. На слёте были подняты животрепещущие проблемы детей пролетариев во всём мире, причём для Англии и США таковыми являлись забастовки и безработица, а для Германии – уличные столкновения с полицией, преследование со стороны школьных учителей и отсутствие горячих обедов в школе. Лозунги, под которыми проходил слёт, сообщали, что немецкое правительство экономит на детях, которые знают, что такое тяжёлый труд:¹

Дети пролетариев уже знают,

¹ Один из лозунгов второго Международного слёта пионеров, представленный в книге «Иммер берайт»:

Panzerkreuzer werden bestellt,
Auch für die Kirche hat man Geld
Aber an Kinder will man sparen,
drum müßt ihr zum Slot nach Halle fahren!

Броненосные крейсера заказаны,
Деньги на церковь указаны.
А вот на детях - экономия вечная,
В Галле поэтому - встреча сердечная!

Что работа горяча, а зарплата мала.
Поэтому красные флаги – вперёд!
Приезжайте на Второй слёт! [14. С.9].

В 1930 г. по следам слёта в СССР вышла детская книга «Иммер берайт!» (нем.: «Всегда готов!»). Помимо подробного репортажа про слёт в книге были стихи про Ганса, Сами и Джона. Все они – немец Ганс, китаец Сами и американец Джон стремились к установлению коммунистического строя – «нового прекрасного сада» – на Земле:

Сами сказал: «Построим сад!»
Джон сказал: «Построим сад!»
Крепко пионерское слово.
Ганс сказал: «Построим сад!»
Ганс сказал: «Иммер берайт!»
Иммер берайт! Всегда готовы! [14. С.34].

Здесь же указывалось и на главное немецкое препятствие в строительстве мирового коммунизма:

Кто мешает построить сад?
Ганс сказал: «Социал-демократ» [14. С.34].

Несмотря на то, что в Советском Союзе социал-демократов и сотрудничающих с ними либералов клеймили, именно они, обладая властью в Берлине, позволили провести Международный слёт 1930 года, который трудно было представить в реалиях США, Китая или любой другой страны того времени.¹

Портрет Германии Веймарских времён в советской литературе не исчерпывался одной политикой. В 1920-х – нач. 1930-х гг. Германия предстала в детских журналах как страна технического прогресса.

Рапвальский договор, заключённый между СССР и Германией в 1922 г., привёл к широкому экономическому сотрудничеству между странами: Веймарская республика поставляла Советскому Союзу машинное оборудование, грузовые и легковые автомобили, паровозы, самолёты. Сотрудничество в области воздухоплавания стало особенно активным: благодаря немецкой помощи в СССР были со-

зданы гражданская авиация и первая международная авиалиния Москва-Кёнигсберг, а затем – воздушные маршруты Москва-Берлин, Москва-Тифлис, Ленинград-Рига. Неудивительно, что на страницах «Мурзилки» в обозначенный период часто фигурировали германские летательные аппараты.

В 1924 г. в журнале была опубликована заметка «Четырёхлетний лётчик». Героем рассказа оказался 4-летний малыш Гюнтер Прюмель, который прилетел из Германии в Москву. Гюнтер стал первым пассажиром советской авиалинии в возрасте 4-х лет. Мальчик оказался

¹ Бургомистром Берлина с февраля 1921 по ноябрь 1929 гг. был представитель леволиберальной Немецкой демократической партии (НДП) Густав Бёс, кандидатуру которого неизменно поддерживали социал-демократы. После Бёса во главе столицы стал член праволиберальной Немецкой народной партии (ННП) Артур Шольтц (ноябрь 1929 - апрель 1931). В историю Берлина период с 1921 по 1933 гг. войдет, как «эра Бёса» - время нахождения у власти либерально-демократических сил до прихода нацистов к власти в 1933 году.

настоящим энтузиастом воздухоплавания: он летел из Кёнигсберга целых девять часов, но «ему не надоело», он «не устал – ещё хочет лететь дальше» [13. С.4]. В журнале была помещена фотография юного Гюнтера лихо заложившего ногу на ногу на фоне немецкого самолёта, доставившего его в Россию. Год спустя в журнале была опубликована фотография ещё одного юного авиатора. Героем фото оказался трёхлетний Серёжа Пиетрас-Кузнецов, который летал на аэроплане над Берлином. На размещённой в издании фотографии Серёжа позировал, стоя на подножке немецкого самолёта [7. С.22]. В 1927 г. в приложении журнала (№11) появилась модель воздушного судна фирмы «Юнкерс». Читателям «Мурзилки» предлагали вырезать, а затем склеить различные части «Юнкерса» в красочный бумажный самолёт.

Ощущение передового развития Запада в целом и Германии в частности также возникало при изображении капиталистических городов, которые были застроены высотками, освещены яркими огнями, наполнены движением и гулом современного транспорта: автомобилей, автобусов, трамваев. Неслучайно герой ленинградского детского журнала «Ёж» Макар Свирепый, побывав в Берлине 1929 года, отмечал, что там чистые улицы и кругом одни автомобили: «В Берлине они не видели ни одной лошади в течение двух часов. Сплошным потоком ехали автомобили. Лошади попадались каменные только на памятниках» [3. С.30].

Церковь и красный флаг на иллюстрациях к рассказу Усто-Мумина «Два первая мая»

главная героиня – обезьянка – пережила целый ряд приключений, побывав в зоопарке, в нескольких советских городах и даже на греческом острове. В одном из эпизодов хвостатая героиня очутилась в советском дворе и навела на его жителей настоящий «мистический» ужас. Первой с ней познакомилась суеверная «тётка Анна», у которой обезьяна выхватила хлеб из рук. Ещё не до конца просвещённая советская гражданка в ужасе решила, что это был «чорт». Когда её попытались разубедить, советская женщина с пылом представила «доказательства», описав внешность нападавшего: «В шерсти весь и хвост коромыслом» [12. С.28].

Затем от происков нечистой силы стали страдать все жители двора: то развешанное бельё сорвёт; то крынку с молоком украдёт; то сладкий крендель у «пятилетнего Гришутки» отберёт; то кирпич торговцу с рынка – старику Ермилову – в окно зашвырнёт. Развязка наступила,

Образ прогрессивной Германии в советских детских изданиях имел ещё одну черту: «передовые» взгляды в отношении к религии. Герои советских рассказов – немецкие коммунисты и пионеры – разумеется, были неверующими. Отсюда излюбленный литературный мотив: протест школьника (сына рабочего или коммуниста) против посещения занятий по религии: немецкие учителя заставляли ребят ходить на подобные уроки, но дети германских коммунистов отказывались, заявляя, что их родители давно порвали с религией. Атеизм германских коммунистов подчёркивался различными способами. В рассказе «Два первая мая», он нашёл отражение в поступке главного героя учащегося Ганса Штюве, который привязал красное знамя к кресту на церкви. За это «маленького большевика» «арестовали, но флаг снять не смогли» [11].

Другой пример прогрессивности взглядов, выраженный уже в отсутствии суеверий, был представлен в рассказе «Приключения обезьянки». «Приключения обезьянки» – рассказ с продолжением, который печатался в «Мурзилке» в течение 1927 года. Его

когда хвостатая проказница пробралась в каморку дворника. Дядя Егор от страха поднял крик и позвал на помощь. Несмотря на то, что прибежавшие люди были вооружены – кто палкой, кто топором, а кто охотничьим ружьём – войти в сторожку никто не решался. В итоге «выручил всех немец Густав Иванович», который «как и пионер Серёжа ни во что не верил» [12. С.29]: Густав Иванович зашёл в сторожку, поймал обезьяну и представил её собравшейся публике. Только тогда миф о чёрте, орудующем во дворе, окончательно рухнул: «Батюшки! И впрямь, обезьяна!». Символично, что главными противниками суеверия в рассказе оказались два персонажа: один из них – пионер, а другой – немец по национальности.

В целом в советской детской литературе складывался неоднозначный образ Германии 1920-х – нач.1930-х гг.: Веймарская республика оказывалась одновременно близкой и далёкой страной. Две фотографии, размещённые в четвёртом номере «Мурзилки» за 1925 г., красноречиво это подтверждали.

На первой фотографии были представлены советские дети, живущие в детском доме. На второй – так же дети из детдома, но уже немецкого. Присмотримся внимательней к каждому изображению.

Слева: советские дети, справа: немецкие дети.
Мурзилка, 1925, №4

На советском снимке дети одеты в одинаковые казённые платья; головы по понятным причинам коротко острижены; выражение лиц сдержанное, напряжённое. Воспитанники советского детдома заняты работой: копают или пропалывают огород. Такой вид работ, распространённый во всех детских учреждениях Союза – от детских садов до сиротских домов, – имел своей целью не только трудовое воспитание подрастающего поколения, но и обеспечение воспитательных и образовательных учреждений минимумом продуктов в голодные предвоенные годы. За спинами ребят – неустроенный мир – старый покосившийся забор и лес.

На немецком снимке ситуация иная: дети одеты в более разнообразные наряды; у девочек – причёска: косички с бантами; некоторые из ребят улыбаются; вокруг – город: асфальтированная дорога и каменные дома. Как выясняется из подписи, дети переходят дорогу ввиду большого транспортного потока. Показательно при этом, что они не работают, а занимаются более привычным для их возраста в современном мире делом: идут на прогулку.

Германия Веймарских времён в советской детской периодике была многолика. В чём-то она почти являлась для Советской России страной-сестрой с её большим числом коммунистов, «революционными кризисами», классовой риторикой. Но в значительной мере это был чужой

и даже диковинный мир, где в воздухе были самолёты, в городах – автомобили, повсюду видимый порядок и, несмотря на периодически случавшиеся кризисы, значительный достаток, который пробивался на страницы советских детских изданий через косвенные свидетельства различных фотографий и рассказов про путешествия и технику.

Библиографический список

1. «Когда разметает ветром эти красные дни?» Дневник сельского пионера К.М.Квалтырёва. 1-28 декабря 1929 года. // Отечественные архивы. 2021. №3. С.81-95.
2. Курт Г. Свекловичные каникулы. // Мурзилка, 1926, №9. С.13-14.
3. Макар возвратился. // Ёж, 1929, №10. С.30-32.
4. Макс Гёльц – в Ленинграде. Письмо нашего читателя. // Чиж, 1930, №11.
5. Малеев В. За картошкой. Из жизни немецких детей. // Мурзилка, 1925, №3. С.10-12.
6. Почта. Пожертвования. // Мурзилка. 1927, №3.
7. Мурзилкина почта. // Мурзилка. 1925, №2.
8. На поисках. // Мурзилка, 1925, №3. С.4-5.
9. Полонский В. Наша связь с детьми трудящихся всего мира. // Мурзилка. 1926, №9.
10. Тамбеллини В. Ганс-Карапуз. // Мурзилка. 1924, №7. С.7-9.
11. Усто-Мумин. Два первомая. М., 1930.
12. Федэ А. Приключения обезьянки. // Мурзилка, 1927. №2. С.28-30.
13. Четырёхлетний летчик. // Мурзилка. 1924, №4. С.4-5.
14. Эмден Э. Иммер берайт. М., 1930.

Сведения об авторе:

Вырупаева Анна Павловна - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Международного института дизайна и сервиса (Челябинск), annavyrupaeva@yandex.ru

ШАГИ В НАУКУ

УДК 323.272(091)

А.А. Рытиков, Н.А. Марковский

СЕСТРИНСКИЕ ОБЩИНЫ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ

Аннотация. В статье на основе дневников-воспоминаний сестёр милосердия рассматривается бытность и повседневность сестринских общин в предвоенный и военный период 1914–1918 гг. Выявляются некоторые причины вступления женщин в общины, особенности процесса обучения сестринскому делу, их деятельности на фронтах в качестве сестёр милосердия. Сравнение и сопоставление воспоминаний нескольких женщин, находящихся на разных фронтах Первой мировой войны – Западном, Северо-западном и Кавказском, позволили воссоздать отдельные фрагменты фронтовой жизни сестёр.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российское Общество Красного Креста, общины сестёр милосердия, повседневность.

Rytikov A.A., Markovskiy N.A. Sister communities during the First World War in the memoirs of the sisters of mercy
Summary. Based on the diaries-memoirs of the sisters of mercy, the article examines the existence and everyday life of sister communities in the pre-war and war period of 1914–1918. Some reasons for the entry of women into communities, the peculiarities of the process of teaching nursing, their activities at the fronts as sisters of mercy are revealed. Comparison and matching of the memories of several women who were on different fronts of the First World War - Western, North-Western and Caucasian, which determine a more accurate description and reliability of the sisters' front-line life.
Keywords: The First World War, the Russian Red Cross Society, communities of sisters of mercy, everyday life.

Широко известен факт, что начало Первой мировой войны вызвало необычайный патриотический подъем в определенной части городского населения Российской империи. При этом женская часть общества не осталась в стороне, выказав желание «быть деятельным участником борьбы, которая ведется там, на поле брани» [1, С.16].

Однако единственно легальным способом попасть на передовую для женщин было вступление в ряды сестер милосердия.

В отечественной историографии существует несколько работ, посвященных деятельности медицинского персонала, в том числе общинам сестер милосердия, в годы Первой мировой войны. Прежде всего, нужно отметить диссертационные исследования О.В. Чистякова и А.Н. Грицаевой, в которых интерпретируется роль Российского общества Красного Креста и, в этой связи, общин сестер милосердия в деле оказания помощи пострадавшим от военных действий [18, 6].

В одной из глав монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» историк Г.Н. Ульянова раскрывая сущность и значимость благотворительности и человеколюбия в годы Первой мировой войны, затрагивает тему функционирования общин сестер милосердия. В монография А.М. Олешковой «Общины сестер милосердия во втор. пол. XIX – нач. XX вв.: институционализм VS гуманизм», выявляются специфические особенности становления сестринского дела в России накануне войны [17,10].

На волне усилившегося исследовательского интереса к периоду Первой мировой войны стали появляться публикации, посвященные героям войны. В отдельных из них, в том числе, воссоздаются героические свершения сестер милосердия на фронте, а также

анализируются сложности формирования героических женских образов в контексте существующих цензурных запретов [2].

В то же время необходимо отметить, что процесс изучения деятельности и роли Российского общества Красного Креста и общин сестёр милосердия в военный период 1914–1918 гг. еще далек от своего завершения, а различного рода «практики» сестринской реализации в годы войны находятся вне поля зрения отечественных исследований. Не в полной мере, на наш взгляд, для реконструкции процессов, происходивших на фронтах и в тылу, используются источники личного происхождения, а именно воспоминания сестер милосердия, которые позволяют воссоздать отдельные элементы повседневности общин, в которых они состояли, приблизиться к пониманию идентичности девушек, посвятивших себя сестринскому делу.

При написании статьи использовались воспоминания сестёр милосердия, которые находились на разных фронтах Первой мировой войны, что предоставило возможность провести сравнение и выявить определенные особенности функционирования общин. Так Татьяна Александровна Варнек – дочь генерал-лейтенанта, исследователя Арктики А.И. Варнека, работала в фронтовых госпиталях Западного фронта до 1918 года. Она стала свидетельницей и наступления русской армии в Галиции в 1914 г., и поражения под Ригой в 1916 г., и полного развала фронта и тыла.

Христина Дмитриевна Семина – вольнонаемная сестра милосердия, жена военного врача, в своих воспоминаниях подробно описывала жизнь всех слоев тогдашнего общества в различных условиях – и в ближайшей прифронтовой полосе (Сарыкамыш, Ван, Урмия), и в городах Кавказа, где группировалось командование Кавказской армии и ее частей (Тифлис, Карс), а также в тыловых городах (Баку, Батум).

Юлия Владимировна Буторова – правнучка Дениса Васильевича Давыдова. В 1914 г., после объявления войны с Германией, Юлия Владимировна поступила на краткосрочные курсы сестер милосердия. Находясь на фронте, Юлия Владимировна вела дневники, которые в настоящий момент представляют собой уникальный источник для изучения событий того времени. В этих тетрадях она описывала каждый день своей нелегкой службы. Юлия Владимировна многое пережила: попадала под обстрелы и бомбежки, принимала, перевязывала раненых, сопровождала больных холерой солдат и офицеров русской армии.

Александра Львовна Толстая – дочь великого русского писателя Л.Н. Толстого, также ушла на фронт в первые дни войны. Толстая служила на Кавказском и Северо-Западном фронтах, сначала медсестрой, затем начальником военно-медицинского отряда.

Все эти девушки пережили страшные дни войны и в своих воспоминаниях отразили те события, свидетелями которых являлись.

К началу Первой мировой войны Общество Красного Креста уже имело свою длительную историю. Появление этой организации было связано с Австро-итало-французской войной 1859 года. Отдельную роль в этой войне сыграла битва при Сольферино (24 июня 1859 года), в которой противостояли армии французского императора Наполеона III и императора Австрии Франца Иосифа. Описание этих событий представлены в книге Анри Дюнан «Воспоминания о битве при Сольферино», – знаковой фигуре идеологии гуманизма, основоположника Международного комитета Красного Креста [7]. Анри Дюнан сумел привлечь внимание общественности на ту сторону войны, которая практически не отражалась и не вписывалась в «глянцевый и лакированный» образ победы – он показал миру раненых и умирающих.

Пропагандируя свои идеи, Анри Дюнан путешествовал по Европе, заручаясь всё большей и большей поддержкой людей, разделявших его взгляды. В феврале 1863 г. замысел А. Дюнана начинает воплощаться: был создан Международный комитет помощи раненым (с 1876 г. – Международный комитет Красного Креста), в рамках которого начинает

реализовываться проект Дюнаня о создании в Европе добровольного общества для оказания помощи раненым [3, С.1]. В октябре 1863 г. состоялась конференция в Женеве.

После конференции в августе 1864 г. состоялась следующая, ее цель заключалась в улучшении медицинского снабжения раненых на полях боя и закреплении рекомендаций, выработанных в 1863 г. Десять пунктов Женевской конвенции гарантировали неприкосновенность военных госпиталей и медицинского персонала и соответствующий уход за ранеными и больными [10].

В России прообраз красно-крестного движения появляется еще в 1854 году, когда по инициативе Н.И. Пирогова была основана Крестовоздвиженская община сестёр милосердия, считающаяся первым в мире женским медицинским формированием по оказанию помощи раненым во время войны. Именно с Крымской (Восточной) войны и участия в ней сестёр милосердия начался мировой опыт помощи нуждающимся в экстремальных ситуациях, в т.ч. и в период военных действий.

В мае 1867 года император Александр II утвердил устав «Российского общества попечения о раненых и больных воинах», за основу которого были взяты аналогичные европейские программы и проекты, что говорит о существовавшей преемственности и связи западной организации и Российского общества.

Россия становится одной из первых стран мира, где было организовано Общество Красного Креста (позднее переименованное в «Российское общество Красного Креста» (РОКК)). Почётными членами этого Общества стали российский монарх, все великие князья и княгини, многие высокопоставленные светские лица, представители высшего духовенства, а также знаменитые русские учёные, врачи, писатели и музыканты.

Первое заседание Общества состоялось в декабре 1866 года, на котором Красный Крест был принят под покровительство императрицы Марии Александровны (супруги императора Александра II). РОКК представлял собой сеть относительно самостоятельных местных учреждений. Центром всех отделений являлось Главное управление, находящееся в Санкт-Петербурге по адресу: улица Инженерная, д. 9. Непосредственной задачей стало наблюдение за выполнением местными учреждениями Устава, движением сумм, руководстве их работой [10, С.66].

Структура Красного Креста складывается к концу XIX века, которая сводилась к следующему: окружное управление, местное управление, местный комитет, община.

Исследовательница А. Н. Грицаева делит учреждения РОКК по их обязанностям на распорядительные, исполнительно-финансовые, врачебно-санитарные и отделения для помощи нуждающимся [8]. А.М. Олешкова добавляет к этому списку и реабилитационные учреждения.

К распорядительным относились центральные и местные общие собрания. Исполнительно-финансовые учреждения включали в себя управления всех уровней (центральные, окружные, на местах). Врачебно-санитарные учреждения включали отряды РОКК разного профиля, предназначенные для конкретной помощи на фронте.

К реабилитационным учреждениям относились «лечебницы, санатории и иные стационарные учреждения, призванные восстанавливать здоровье не только воинов, но и сотрудников Общества» [10, С.69].

В состав центрального руководящего органа Главного управления входило 28 человек (включая председателя и двух его заместителей), избравшихся на общем собрании Общества из числа действительных членов. Члены управлений и комитетов выбирались на один год, председатель и помощники – на два года [9]. Главное управление собиралось не реже раза в месяц.

Основные руководящие должности в РОКК на центральном и местном уровне занимали представители высших сословий. Анализ состава местных подразделений показывает, что «председателями подразделений были губернаторы, действительные статские советники» [10, С.81].

Другой важной особенностью кадрового состава Общества было то, что общинами сестер милосердия заведовали жены председателей подразделений РОКК.

Институт сестричества являлся системообразующим в организации Красного Креста. Уже в обзорах деятельности РОКК конца XIX в. общины сестер милосердия были названы «наиболее типичными ячейками» Общества [11, С.169].

Как правило, учёные выделяют три группы общин сестёр милосердия, характерных для России – «подчиненные епархиальному начальству, общины Российского общества Красного Креста и учреждения, пользующиеся самостоятельным управлением в рамках Министерства внутренних дел» [8, С.137-138].

Первая община была открыта в 1882 году при комитете «Христианская помощь», организованном в 1877 году для усовершенствования способов транспортировки раненых и больных воинов [5, С.417].

Каждая община сестер милосердия вела подготовку опытного женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными воинами как в военное, так и мирное время. «Принимались девицы и вдовы всех сословий от 18 до 40 лет христианского вероисповедания», «вполне» здоровые и грамотные [10, С.99].

«В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой – пишет Татьяна Варнек, – после чего поступила в Кауфманскую общину на курсы запасных сестер милосердия в возрасте 18 лет» [4].

Программа подготовительного курса сестер милосердия РОКК была утверждена 8 октября 1896 г. Обучение в общинах производилось в собственных амбулаторных лечебных заведениях с «постоянными» кроватями.

Сначала сестрам читался курс лекций. «Первая лекция была по уходу за больными... Следующая лекция была по анатомии... Сегодня их было три: анатомия, хирургия и рецептура», – писала сестра милосердия Семина [13]. Параллельно с лекциями сестры вели и практическую работу – помощь в больнице по уходу за больными: покормить, померить температуру и т.д.

После того, как курс обучения заканчивался, всех учениц ждали строгие экзамены. «Экзамены были строгие, резали беспощадно... Курс громадный, много времени уходило на его изучение, и готовить другие предметы было некогда, а их оказалось порядочно» [4]. По словам Татьяны Варнек, из 400 поступивших, на экзаменах было отсеяно более половины учениц. Самым сложным экзаменом была анатомия, на котором многие из сестер проваливались.

Далее шла практика, где некоторые девушки, не привыкшие к тяжелым условиям и виду умирающих людей, уходили после первых же дней работы. «Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными... Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла - старые, все старое, никаких удобств... Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные», - писала Татьяна Варнек о первом дне своей работы [4]. После получения диплома девушки оставались в больницах при общинах практикуясь еще некоторое время.

Некоторые из женщин имели хорошее домашнее образование. Например, Александра Толстая (дочь писателя Л.Н. Толстого) еще до войны изучала анатомию и физиологию, а в построенной амбулатории в имении ее отца она научилась смешивать мази, делать перевязки и уколы, что помогло ей довольно легко сдать экзамен на звание сестры милосердия.

К началу Первой мировой войны должного количества сестер милосердия подготовить не удалось. Из-за строгости отбора, большинство женщин желающих вступить в ряды сестринских общин, были отсеяны и потому в общинах был недостаток в опытном медицинском персонале. Поэтому брали сестер даже без диплома: «Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой.... Она сразу же мне ответила “Приезжайте немедленно”», – писала Татьяна Варнек [4].

Многие из сестер оставались в тылу, работая в больницах и госпиталях, а некоторые стремились на фронт, не взирая на то, что это было опасно для их жизни. При этом создавались отдельные группы по оказанию оперативной помощи раненым на поле боя. В каждом таком отряде вводилась жесткая дисциплина, устраивались учебные тревоги, так что группа могла собраться и выступить в течение двадцати минут.

Работать было тяжело, потому что немцы постоянно бомбардировали районы, где находились такие госпитали, а также применяли отравляющие газы, поэтому сестрам и врачам приходилось работать в противогазах. «Отравленные лежат на полу, на дворе... 1200 человек похоронили в братской могиле... Я ничего не испытала более страшного, бесчеловечного в своей жизни как отравление этим смертельным ядом сотен, тысячу людей. Бежать некуда», – вспоминает Александра Толстая [16].

Участвовать в военных действиях сестрам было запрещено. Если об этом узнавали, то их увольняли или наказывали, чтобы сохранить дисциплину в отрядах. «Дисциплина была необходима. Чтобы ее поддерживать, мне пришлось уволить одну из сестер, которая позволила себе с ухаживавшим за ней офицером стрелять из пушки по немцам. Не сестринское это дело – убивать людей – даже врагов», – рассказывает о подобном случае Толстая [16].

На работе волонтерки носили специальную форму: серые платья и большие косынки, но без креста. Отправляясь на фронт, они должны были сшить себе настоящую общинную форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Они должны были выглядеть опрятно и по всем правилам. «Цукала за все, и особенно попадало, если ей покажется, что наши волосы недостаточно натянуты перед кокошником, не дай Бог, если выбьется прядь», – рассказывает Татьяна Варнек о старшей медсестре Большаковой [4].

Также существовали жесткие правила для фронтовых сестер. «По закону Красного Креста мы, как фронтовые сестры, не имели права снимать форму, а по закону Медера, сестры в форме не могли появляться на улице после 7 часов, не могли заходить в кондитерские, не могли разговаривать с офицерами» [4].

Что могло двигать молодыми девушками из привилегированного сословия добровольно отправляться в действующую армию на фронт? Одним из главных составляющих мотивации, на наш взгляд, был патриотизм, который, как отмечалось был характерен для определенных групп населения России. Многие искренне верили в правое дело России, в достаточную силу и мощь российской армии, сумеющей закончить войну в короткие сроки. Так, Татьяна Варнек писала: «Большинство сестер очень стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится» [4, С.10].

У многих женщин помимо вышеупомянутой причины были и мотивы личного характера. Кто-то, как например Юлия Буторова, стремился отвлечься от лишних мыслей, связанных с замужеством и браком. Она отмечала в воспоминаниях, что «тяжелая работа, постоянные страдания других не дают возможности думать о себе» [14]. Были и те, кто, наоборот, не хотел расставаться со своими родными и близкими и отправлялись за ними на фронт.

Отдельной причиной была попытка таким образом поправить своё материальное положение, получить какие-либо выгоды, повысить свой статус и т.д., так как сестрам милосердия

платили «подъёмные» деньги от 50 до 150 руб. и жалование в размере 60-75 руб. в месяц [19, С.390].

Обстановка войны, полевых условий быта способствовали сплочению коллективов молодых девушек, которых связывали не только трудовые будни и ежедневная смертельная опасность, но и совместный отдых, прогулки, беседы на отдалённые от фронтовых реалий темы, споры о литературе, музыке, живописи. «Сестры оказались очень дружной компанией, всецело захваченными своей работой, с отдающимися ей со всей горячностью молодости и людей, не знающих, что силы надо беречь – иначе их быстро износишь» [15, С.204].

Представляется, что такие отряды, бригады сестёр милосердия «очеловечивали» фронт, привнося в него привычки довоенной светской жизни (прогулок с цветами, вечерних разговоров, званых обедов). К середине войны происходило привыкание и приспособление к фронту и его условиям, который становился частью обыденной жизни, в которой есть место не только геройствам и подвигам, но и простым человеческим радостям.

Библиографический список

1. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63).
2. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63).; Алферова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 1917. 3(53).
3. Богаевский П. Красный Крест в главных моментах его жизни и организации: отд. оттиск из журнала «Юридический вестник» / М., 1916.
4. Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912-1922) // Добровольцы. М.: Русский путь, 2001/
5. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001.
6. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Грицаева. – М.: Российский гос. ун-т им. А. И. Герцена, 2008.
7. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / М., 2009.
8. Козловцева. Е.Н. Деятельность Московских общин сестер милосердия во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник ПСТГУ. 2004/3. «История».
9. Ладыженский А.М. Красный крест. М., 1917.
10. Олешкова А.М. Общины сестер милосердия во втор. пол. XIX – нач. XX вв.: институционализм VS гуманизм: Монография / А. М. Олешкова. Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2019.
11. Российское общество Красного Креста: исторический обзор деятельности. СПб., 1902.
12. Седова Е.Е., Швец А.А. Из истории национального воспитания: русский приют в Бельгии (1920-1940-е годы) // Известия ВГПУ. 2017. №1 (247).
13. Семина Х.Д. Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918. М.: Куликово поле, 2016/
14. СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 23об.-24.
15. Татищев А.А. Земля и люди: В гуще переселенческого движения (1906-1921). М.: ВИКМО-М, 2009/
16. Толстая А.Л. Дочь. Москва АО «Книга и бизнес» 1992.

17. Ульянова Г.Н. Глава 3. Филантропическая активность общества / Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. — М.: Политическая энциклопедия, 2014.
18. Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Чистяков. – М., 2009.
19. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004.

Сведения об авторе

Рытиков Антон Алексеевич, студент III курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, e-mail: rytikov.anton01@yandex.ru

Марковский Никита Алексеевич, студент III курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Брянск, e-mail: nikita.sher88@mail.ru

УДК 323.272(091)

А.И. Шишов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА 1937 - 1938 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается положение Русской православной церкви в период большого террора, раскрываются механизмы политических репрессий в отношении священнослужителей, а также дается анализ итогам политики большого террора и его влияния на дальнейшую судьбу русской православной церкви.

Ключевые слова: Церковь, православие, священнослужители, духовенство, миряне, репрессии, расстрелы, история, государство.

Shishov A.I. Russian Orthodox Church during the Great Terror in 1937 - 1938

Annotation: The article discusses the Russian Orthodox Church position in the period of the great terror, the mechanisms of political repressions against the clergy, as well as the result analysis of the great terror policy and its impact on the fate of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Church, Orthodoxy, clerics, clergy, laity, repression, executions, history, government.

В истории России XX века было много трагических событий. Однако одно из них поражает своим масштабом и жестокостью это большой террор 1937 – 1938 гг. За такой небольшой промежуток времени были сломаны судьбы миллионов людей, многие были расстреляны или сосланы в лагерь.

В данной статье освещается положение Русской Православной церкви в годы большого террора 1937-1938 гг.

Данная тема является актуальной уже потому, что православие было и остается самой крупной и влиятельной конфессией в СССР и современной России. Из этого следует, что Русская Православная Церковь находится в центре внимания соответствующих властных структур и отношения с ней определяет государственную религиозную политику и на современном этапе, что оказывают существенное влияние на межнациональные и межконфессиональные отношения.

К 30 годам XX века было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальная церковная утварь, и таким образом, нанесен катастрофический, урон Русской Церкви. Не остановилась власть и перед физическим уничтожением сотен тысяч православных священнослужителей и мирян.

В этих условиях особенное значение имело мужественное стояние за Веру Православную тысяч священнослужителей и мирян.

Эти трагические события имеют глубокий духовный смысл, который требует изучения и осмысления.

Объектом исследования является история русской православной церкви. Предмет исследования – религиозная политика Советского государства в годы Большого террора в отношении Русской Православной церкви.

Целью статьи является анализ государственной политики советской власти по отношению к Русской Православной церкви в годы большого террора.

Задачи: раскрыть механизм Большого террора (1937-1938 гг.) в области гонений на церковно и священнослужителей; дать анализ итогам и значению государственной религиозной политики для дальнейшего развития православия и государственно конфессиональных отношений в России.

Методы исследования: изучение и анализ литературы, интернет-источников, а также систематизация теоретических исследований по теме, сравнительный анализ используемой литературы и обобщение имеющихся архивных данных.

Историография положения православной церкви в период большого террора 1937-1938 гг. имеет два этапа: до распада СССР и после. На первом этапе основной вклад в исследование проблемы вносили русские ученые, жившие за рубежом, а также иностранные ученые. Однако они опирались на недостаточный объем документальных данных. Кроме того, для зарубежной историографии характерно чрезмерно категоричное отношение к курсу, проводившемуся в 1930-е гг. Московской Патриархией.

Опыт русских историков, живших за рубежом, обобщен в работах современного исследователя, проживающего в Канаде, Д.В. Поспеловского. Исследования советских историков по рассматриваемой проблеме почти всегда имели основной целью оправдать действия партийно-государственного аппарата в отношении Церкви.

Среди авторов первого периода, оценивавших события 1930-х гг. с церковной точки зрения, следует упомянуть труды Льва Львовича Регельсона, однако, широкий круг читателей смог ознакомиться с этими работами лишь в 1990-е гг. или через публикации на Западе.

С конца 1980-х гг. значительный вклад в изучение государственно-церковных отношений в 1929-1939 гг. внесли В.А. Алексеев, М.И. Одинцов. В.А. Алексеев подчеркивает роль Сталина и его окружения в организации масштабных гонений на Церковь. Работы М.И. Одинцова содержат большой объем систематически изложенных документальных данных о политике государства в отношении Церкви в 1930-е гг., изученных в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории.

Подробности репрессий против в церкви в 20-е и 30-е годы XX века особенно полно раскрыты в книге петербургского историка церкви Шкаровского М. В. Ряд его работ посвящен событиям церковной истории 1930-х гг. в целом на территории СССР.

Тема государственно-церковных отношений и политики репрессий в отношении церкви в 1930-е гг. нашла свое отражение и в трудах современных церковных историков. Андрей Александрович Кострюков составил наиболее полный в настоящее время курс лекции по истории Русской Церкви 1917-2008.

Работы Кострюкова А.А. стали одним из источников в изучении темы, в частности, его работа «лекции по истории Русской Церкви 1917-2008», которая довольно широко освещает историю и положение русской церкви на протяжении всего XX века.

Непосредственно тема большого террора 1937 – 1938 гг. может быть раскрыта с использованием архивных материалов.

Так отправной точкой для большинства работ по изучению периода большого террора остаются архивные данные ФСБ, большинство из которых, к сожалению, засекречены и не доступны на данный момент.

Трудами преподавателей и учащихся Православного Свято - Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) был собран и опубликован обширный материал о священнослужителях и мирянах пострадавших за веру в исследуемый период.

Так же трудами преподавателей ПСТГУ ведется обработка статистической информации о жизни Церкви и репрессиях в отношении духовенства и мирян в СССР в 1930-е гг. В работе используются материалы из книги изданной ПСТГУ «Пострадавшие за веру и церковь христову 1917 – 1937». Данная книга имеет множество ссылок на архивные материалы, что представляется фундаментальным академическим исследованием по этой теме.

В 2008 г. в издательстве Сретенского монастыря вышло в свет большое иллюстрированное собрание документов и статей, в хронологическом порядке освещающих историю Русской Церкви в XX веке. По теме государственно-церковных отношений в 1930-е гг. здесь собраны основные известные материалы.

В данном исследовании используются интернет-издания, которые также позволяют сделать определённые выводы по теме. Пожалуй, самым важным и авторитетным источником являются материалы и документы Государственного архива Брянской, которые дали факты личного и церковного характера.

Все эти материалы позволяют изучить и осмыслить трагическую судьбу православной церкви в первые десятилетия советской власти.

1936-й год стал годом перемен в управлении Русской Церковью. В этом году заканчивался срок заключения местоблюстителя Петра (Полянского), который к тому времени находился в верхнеуральском политизоляторе. Однако советское руководство уже решило его судьбу. Срок ему был продлен еще на три года, в то время как в Москву поступило сообщение о смерти местоблюстителя. 27 декабря 1936 г. Московская Патриархия приняла «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя патриаршего престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)» [6, С. 136].

В соответствии с завещанием патриарха Тихона местоблюстителем должен был стать митрополит Кирилл (Смирнов). Однако выпускать его из заключения НКВД не планировали.

Но имелось еще и завещание митрополита Петра (Полянского). В случае его смерти власть должны были принять на себя последовательно митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский), Арсений (Стадницкий) и Сергей (Страгородский). Митрополиты Агафангел и Арсений уже умерли к тому времени, а потому власть перешла к митрополиту Сергию.

Петр прожил еще год. 2 октября 1937 г. «тройка» НКВД по Челябинской области приговорила митрополита к расстрелу за «клевету на существующий строй». «Клевету» атеистическая власть усмотрела в том, что митрополит Петр обвинял государство в «гонении на Церковь и ее служителей». Через несколько дней земной путь Митрополита Петра Полянского завершился. Он был расстрелян 10 октября 1937 г.

Все же стоит отметить тот факт, что по сравнению с началом 1930-х годов к середине десятилетия антицерковные репрессии немного утихли. Снизилось количество арестов по церковным делам. Также наблюдалось и охлаждение властей к лагерю атеистических агитаторов, было закрыто ряд антирелигиозных музеев. Кое-где начали говорить, что гонения закончились. В самой Московской Патриархии в феврале 1936 г. обсуждался вопрос о восстановлении Патриаршества и возведении в сан патриарха митрополита Сергия.

Многих вводила в заблуждение разрекламированная сталинская Конституция, принятая 5 декабря 1936 г., где провозглашалось равноправие всех граждан. Однако вера в исправление коммунистической власти была наивной – репрессивная машина работала бесперебойно. О размахе репрессий свидетельствует сокращение населения страны. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) Сталин назвал численность населения – 168 млн. Но согласно переписи населения (январь 1937 г.), в стране проживало уже 162 млн человек, то есть население за этот период не только не выросло (а планировалось 12-миллионное увеличение численности), но и сократилось на 6 млн. человек [6, С. 137].

Но самые страшные для Церкви и страны годы были еще впереди. Именно 1937–1938 гг. вошли в историю как период Большого террора.

1937 год был годом 20 –летия революции и 20-летия создания органов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Юбилеям, особенно таким, в стране придавалось особое значение. К ним готовились, не жалея средств и человеческих жизней. Это был год еще и выборов в Верховный Совет по новой вышедшей в 1936 году Сталинской конституции. Грандиозные масштабы государственной «зачистки» были явно связаны с этими датами.

Год, на который возлагалось много надежд, начался неудачно. Результаты однодневной переписи, состоявшейся 6 января 1937 года, вызвали настоящую ярость вождя. Мало того, что не досчитались, по его мнению, 8-10 миллионов жителей, что было, кстати, напрямую связано с раскулачиванием и спровоцированным голодом в стране. А, кроме того, как известно, на вопрос о религиозности 55,3 миллиона человек, то есть 56,7% населения страны назвали себя верующими. А ведь Союз воинствующих безбожников, выражая требования руководства страны, обещал, что как раз к 1937 году «имя бога будет забыто по всей территории Советского Союза». С результатами переписи поступили так: решено было считать ее несостоявшейся. Повторную перепись назначили на 1939 год.

Небывалые по масштабу расстрелы периода Большого террора 1937-1938 годов были следствием решения Политбюро о проведении широкомасштабной операции по репрессированию целых групп населения. Это определило судьбу сотен тысяч людей по всей стране.

Решение Политбюро от 2 июля 1937 года «об антисоветских элементах» подписанное Сталиным, было разослано в регионы. Всем властям на местах предписывалось «в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество людей подлежащих высылке» [5, С. 503].

Во исполнение решения от 2 июля вышел ряд приказов Ежова, одним из которых стал печально известный оперативный приказ НКВД СССР № 0047 от 30 июля 1937 года по «репрессированию бывших кулаков, уголовников, и других антисоветских элементов». Под «другими антисоветскими элементами» подразумевались: «члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники царской России» и ещё – «сектантские активисты, церковники и прочие, содержащиеся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях».

Уничтожались или отправлялись в лагеря (часто на верную смерть) сотни тысяч жителей страны. По самым скромным данным, в 1937–1938 гг. было расстреляно около 700 тыс. человек, в то время как в лагеря в тот период было отправлено более 1,5 млн. человек. Смертность в лагерях была высокой из-за нечеловеческих условий содержания, не говоря о том, что в лагерях заводились свои дела, в том числе и с расстрельными приговорами. Порой убивали и без официальных приговоров («неисправимых», непонравившихся и т. д.), оформляя несчастных (их могли быть сотни за один раз) как умерших во время эпидемии [6, С. 138].

Духовенство в годы Большого террора стояло в списке ликвидируемых на одном из первых мест. Хотя в постановлении говорилось лишь о «наиболее активных» церковниках, на самом деле «активность» можно было понимать очень широко, что и показали последующие события.

Причиной для ареста или приговора к высшей мере могло послужить то, что священник или мирянин уже находился под следствием в прошлом. Причем для карательной системы было неважно, что по прежним обвинениям человека уже оправдали – теперь все старые дела усугубляли «вину».

Поводы для обвинения были разные, зачастую, казалось, абсурдные. Так, например иерей Михаил Сампсонов был обвинен в том, что колокольный звон в его церкви отвлекал трудящихся от участия в советских «выборах». Михаил Сампсонов умер в лагере в 1942 г. Бывали случаи, когда священники и псаломщики получали срок за то, что пение в их храмах «отвлекало колхозников от работы» или демонстрации. Председателям колхозов было удобно

перекладывать вину за невыполнение плана на местных священников, будто бы разлагавших народ своими проповедями [6, С. 139].

Наиболее известным место массовых расстрелов в Московской области стал Бутовский полигон в Подмосковье, названный патриархом Алексием II «Русской Голгофой». Число расстрелянных на полигоне в 1937–1938 гг. составляет более 20 тыс. человек. Подобные полигоны НКВД появились по всей стране – Коммунарка (Московская обл.), Левашово (Санкт-Петербург), Быковня (Киев), Куропаты (Минск), Пивовариха (Иркутск), Переборы (Рыбинск), Медное (Тверь), Каштачная гора (Томск), и др. Местами расстрелов становились леса и тюремные подвалы.

В Москве часть тел сжигалась в крематории, в который был превращен поруганный храм святых Серафима Саровского и Анны Кашинской, пепел частично закапывался в безвестных могилах на Донском кладбище. [7, С. 835].

Арестовывались практически все архиереи и священники, чье место жительства было известно. Не щадили и тяжело больных. Парализованный старец митрополит Серафим (Чичагов), который уже ничем не мог помешать властям, был арестован и вскоре расстрелян.

Большой утратой для Церкви была гибель протопресвитера Александра Хотовицкого – известного миссионера, соратника святителя Тихона в деле миссионерства в Америке.

Но НКВД было недостаточно ликвидировать христианина. Свою заслугу чекисты видели еще и в том, чтобы сломать человека или хотя бы запачкать его имя. С этой целью из верующих выбивались всевозможные «признания», часто совершенно абсурдные. Так, например протоиерея Виктора Киранова, арестованного за попытку спасти свой храм, заставляли признаться в попытке отравить колодцы, протоиерея Михаила Березина пытались осудить, как японского шпиона. Епископов Александра (Трапицына) и Иннокентия (Никифорова) обвинили в «фашистской пропаганде», архиепископа Серафима (Остроумова) и епископа Неофита (Коробова) – в создании террористических организаций [6, С. 142].

В ходе допросов следователи старались выбить из арестованных имена единомышленников – это позволяло превратить индивидуальное дело в групповое, «раскрыть» шпионскую или террористическую сеть. В таких случаях протокол с именами составлялся следователями, а от арестованных добывались лишь подписи.

Некоторые арестованные вину не признавали, под некоторыми показаниями стоят подписи. Однако, как добывались эти подписи, известно. Сотрудник Челябинского НКВД сообщал страшные подробности: «В комнату заводили одновременно по 90 человек, ставили на колени по ту и другую сторону. В таком положении держали по 5–7 суток, не давая им вставать, добиваясь признания.» [6, С. 142].

Группе белевского духовенства и мирян во главе с епископом Никоном (Прибытковым) не позволяли спать 14 суток, заставляя их дать признательные показания. «Конвейеры», при которых следователи менялись, а подследственным не разрешали спать неделями, были распространенной практикой [6, С. 143].

Оставшиеся на свободе иерархи и священники Московской Патриархии подвергались беспрецедентному давлению с целью принуждения их к сотрудничеству. Архиереи, шедшие на компромисс, иногда не скрывали перед собратьями факта своего падения и даже пытались обратить проступок на пользу Церкви, препятствуя закрытию оставшихся храмов. Судьба этих священнослужителей была печальна – в НКВД двойной игры не прощали. И в 1937 г. жертвами такого обвинения стали расстрелянные архиепископ Питирим (Крылов), епископ Иоанн (Широков) и другие.

Все было готово и к устранению митрополита Сергия (Страгородского). Было арестовано его окружение, на местоблюстителя уже было заведено дело как на «японского шпиона».

Хочется отметить, что в нашем Брянском крае репрессии также обезглавили Церковь. Были расстреляны и сосланы в лагеря тысячи церковно и священнослужителей.

Мой прадед Фёдор Иванович Яковлевский был священником храма в селе Высокое Жирятинского района. В справке, выданной в УФСБ по Брянской области, сообщалось, что Фёдор Иванович Яковлевский был обложен индивидуальным налогом и лишён избирательных прав как служитель религиозного культа. 2 сентября 1937 года был арестован Жуковским РО УНКВД. Обвинялся по ст. 58 п. 11 УК РСФСР в том, что «будучи контрреволюционно настроенным, на протяжении ряда лет среди населения систематически проводит контрреволюционную агитацию, распространяет контрреволюционные провокационные слухи о войне, гибели Советской власти». Виновным себя не признал. Мера пресечения – содержание в тюрьме г. Брянска. 22 ноября 1937 г. заседанием особой тройки при УНКВД Орловской области приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. Обвинение: «...состоял в контрреволюционной группе церковников, проводил антиколхозную агитацию, высказывал сожаление расстрелянным врагам народа, клеветал о голоде в СССР». Был расстрелян в Брянске 14 января 1938 года. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован 16 марта 1963 года по постановлению Президиума Брянского областного суда[1].

Яковлевский Федор Иванович в 1904 году

Можно привести ещё один пример. Так, священник села Городец Морозов Иван Андреевич был арестован 16 ноября 1937 года было подписано обвинительное заключение по делу И.А. Морозова. Виновными он себя не признал. Но следствие пришло к выводу, что вина его доказана свидетельскими показаниями и очными ставками [2, л.36]. Особая тройка при управлении НКВД по Орловской области приговорила Морозова И.А. 22 ноября 1937 года к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) согласно наказанию, предусмотренному ст. 58 п.10. Иван Андреевич Морозов отбывал наказание в Хабаровском крае, городе Бикин, на лесоповале [2, лл. 37,38].

Морозов Иван Андреевич в 1933 году

30 января 1941 г. по приказу Берии работы на северных участках БАМа прекращены, а заключённых Бикинского лагеря отправляют в Азербайджан. Там был создан в октябре 1940 г. Прикаспийский ИТЛ с центром в городе Сальяны для строительства железной дороги Баку-Астара (граница с Ираном), а также ряда подъездных веток. Это строительство получило название «Стройка № 107». В преддверии войны строительство данной железной дороги считалось весьма важным, сроки его завершения были установлены очень жесткие, до конца 1941 г., и туда было направлено большое количество заключенных - до 55000. Среди этих тысяч заключённых был и Морозов Иван Андреевич. В этом лагере отец Иоанн умер в феврале 1941 г. от голода, болезней и непосильной работы, так закончил свой путь отец Иоанн Морозов, он погиб за веру и церковь Христову, как и мой прадед, они разделил участь сотен тысяч церковно и священнослужителей, репрессированных Советской властью в 30-е гг. XX века.

Стоит отметить, что Статья 58 по которой был осужден и расстрелян мой прадед, а также был арестован и сослан в лагерь отец Иоанн являлась самой распространенной «политической статьей» на протяжении долго времени. Из Архивных данных известно, что с 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления, по подсчётам МВД СССР, было осуждено 3 777 380 человек, в том числе приговорены к высшей мере наказания 642 980 человек.

К содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек, в ссылку и высылку — 765 180 человек [3].

Большой террор сопровождался продолжением политики разрушения храмов и монастырей. Церкви закрывались каждый год тысячами. Ходатайства с просьбой о сохранении храма удовлетворялись очень редко, причем никто не гарантировал, что через некоторое время храм вновь не попытаются закрыть. Поводом для закрытия мог быть донос и арест кого-либо из членов приходского совета, неудовлетворительное техническое состояние храма, наличие рядом с ним школы, наконец недовольство со стороны местного «Союза воинствующих безбожников». Любой из этих предлогов мог стать решающим. Школы очень часто размещались в зданиях дореволюционных церковно-приходских школ, а значит, находились недалеко от храмов. Плохое техническое состояние церковного здания могло толковаться как угодно широко. Если власти хотели закрытия храма, то любая техническая неисправность могла стать

основанием для признания церкви аварийной, тем более что бедное положение приходов часто не позволяло проводить своевременный ремонт.

А в иных местах заступиться за церковь многие уже боялись – известно множество случаев, когда защитники храмов арестовывались.

Для власти, которая поставила цель добиться забвения имени Божия, выступления православных в защиту храмов уже ничего не значили. В одном только 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей. Уничтожались замечательные памятники архитектуры. Так, в 1936 г. был разрушен Казанский собор на Красной площади в Москве.

Такой же была ситуация в остальных городах страны. К концу 1930-х гг. были закрыты или разрушены еще остававшиеся кое-где кафедральные соборы, а также масса больших и малых церквей. Кафедральными соборами немногочисленных епархий Русской Церкви теперь становились небольшие городские храмы, а иногда и кладбищенские. Храмы на кладбищах в некоторых городах вообще остались единственными действующими церквями. С весны 1936 г. в Московской Патриархии не совершались архиерейские хиротонии.

К началу Второй мировой войны Российская Церковь была уничтожена практически полностью. В 1939 г. у нее не осталось ни одного легального монастыря, ни одного духовного учебного заведения. Количество приходов в пределах РСФСР было около 100. В других республиках Советского Союза ситуация была не лучше. Например, в Белоруссии летом 1938 г. осталось всего два православных храма. Сам митрополит Сергей уже не контролировал церковную ситуацию в стране и признавался, что в его подчинении осталось всего 80 храмов.

Накануне Второй мировой войны на территории СССР находилось на кафедрах всего 4 архиерея Русской Церкви. Это были патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Старгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) – управляющий делами Московской Патриархии.

Помимо них, часть архиереев Российской Церкви находилась в ссылках и лагерях, некоторые старались жить незаметно. Так, в Самаре, переименованной большевиками в Куйбышев, в приходском храме служил епископ Андрей (Комаров). Чтобы обезопасить себя и не подводить других, иерарх практически ни с кем не общался, нигде не бывал, кроме квартиры и храма, где служил ежедневно. В ссылках находилось еще несколько иерархов. В Москве жил на покое архиепископ Алексей (Сергеев), в 1938 г. объявивший о разрыве с митрополитом Сергием и провозгласивший «автокефалию» в Иванове. Тогда же он был запрещен в служении [6, С. 148].

Несколько архиереев Московской Патриархии проживали за границей, хотя количество прихожан у этих иерархов было совсем невелико – подавляющее большинство эмигрантов сторонникам митрополита Сергия не доверяло.

У коммунистического государства в тот момент была возможность ликвидировать и Патриаршую Церковь, и обновленческий раскол. Однако советская администрация, понимая, что окончательное уничтожение легальной Церкви всегда можно осуществить в течение нескольких дней, все же сохранила Патриархию. Это объясняется несколькими причинами.

1. Перед всем миром нужно было продемонстрировать, что гонений на Церковь нет, показывать иностранным делегациям пусть немногочисленные, но зато переполненные храмы, иногда предъявлять мировому сообществу живого и здорового местоблюстителя.

2. Легальные структуры были необходимы, чтобы не допустить окончательного ухода верующих в подполье.

Таким образом, Советская власть фактически завершила реализацию своей цели: не только снизила роль и значение, но и фактически уничтожила Русскую православную церковь как организацию верующих.

К осени 1938 г. антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства [8, С. 127].

Но уже 15 ноября 1938 года неожиданно выходит постановление Политбюро по сворачиванию массовых операций. 17 ноября 1938 выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «о запрете массовых операций по арестам и выселению без санкции прокурора».

А 26 декабря 1938 года вышел приказ наркома внутренних дел и прокурора СССР об отмене решений бывших троек. Ликвидировались тройки НКВД, а также предъявлялись требования по соблюдению УК СССР.

Но некоторые местные «органы» так вошли во вкус массовых расстрелов, что не сразу повиновались приказам исходящих из центра.

Например, в Крымском НКВД уже после выхода постановления, были подписаны приказы о расстреле 770 человек, остановить этот произвол смог только арест наркома НКВД по Крыму.

А в глубинке и некоторых регионах даже спустя пять шесть месяцев после выход постановления еще продолжались аресты и расстрелы. И решения выносились от имени уже не существующих троек [5, С. 639].

О количестве репрессированных иерархов существуют различные мнения. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти репрессиям подвергались 426 архиереев Московского Патриархата (4 Патриарха, 52 митрополита, 154 архиепископа и 213 епископов), из них 247 расстреляли. Самые большие жертвы пришлось на 1937—1938 гг., в этот период советские власти стремились уничтожить весь епископат, и в результате 80 % арестованных в то время архиереев — 165 человек были расстреляны или замучены.

В ноябре 1995 г. председатель Комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А. Яковлев привел следующие данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям. Но эта информация неточна, хотя она касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители, а также миряне, проходившие по церковным делам. Точными представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московского Патриархата — 350 тысяч репрессированных за веру к 1939 г. (в том числе не менее 130 тысяч священнослужителей). Из них было 80 тысяч расстреляно. Последняя цифра почти совпала с данными, указанными А. Яковлевым в его книге.

Согласно же подсчетам Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти по церковным делам были репрессированы не менее 400 тысяч священнослужителей и мирян, из них одна треть расстреляна; пик гонений пришелся на 1936—1939 гг. — около 200 тыс. арестованы, в том числе 100 тысяч расстреляны.

Однако разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере, она лишь принимала другие формы. Даже на страницах органа ЦК ВКП(б) — журнала «Большевик» появилось признание, что отсутствие молитвенных зданий и служителей культа не дает преодоления Церкви, такого рода борьба «лишь укрепляет позиции религиозных организаций».

В экстремальных условиях 1930-х гг. большая часть верующих временно внешне отошла от Церкви и надолго прекратила систематическую церковную деятельность. Они ушли, по выражению о. Д. Константинова, в «своеобразную внутреннюю церковную эмиграцию», не перестав верить и молиться, не порвав духовной связи с Церковью. При этом многие сохранили нелегальные связи с заключенными епископами, священниками, тайно помогали сосланным по религиозным делам. Именно эта часть верующей молодежи и уцелела в ходе массовых репрессий, став потом той базой, на которую могла опереться жизнь возрожденных приходов в годы Великой Отечественной войны.

Все это позволило Церкви не только выстоять, но и возродиться, как только внешние обстоятельства изменились. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. И уже в конце 1938 г. появились первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР.

Также важно отметить потери, понесенные церковью, в ходе этих ужасных событий. Если в дореволюционной России было более около 78 тыс. храмов, часовен и молитвенных домов, то к 1941 г. из них действовало 400-450. Таким образом, продолжало функционировать около 0,5 % от числа дореволюционных молитвенных зданий. В 1917 г. в Российской империи служило 120 тыс. священно и церковнослужителей. В 1941 г. их было официально зарегистрировано около 2 тысяч 500 чел. (на «старых» территориях). Следовательно, продолжало служить менее 2 % от дореволюционной численности священно- и церковнослужителей. Видимо, еще некоторое количество духовенства скрывалось от гонений. Наконец, из числа в 130 архиереев, окормлявших РПЦ до революции, в 1941 г. оставалось на кафедрах всего 4 [4, С. 289]. Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе гонений на РПЦ в период 1937-1939 гг. было убито около 100 тыс. священно и церковнослужителей, а также мирян. Следует учесть, что из числа репрессированных очень многие погибли от лишений в лагерях и ссылках, таким образом, число жертв гонений увеличивается и составляет, по самым осторожным подсчетам, не менее 200 тысяч человек, отдавших жизни за Церковь и веру Христову.

Подводя итоги, мы можем сказать о том, что советское государство с самых первых дней своего существования, начало активное противодействие религии. Первым делом большевиков стало отделение церкви от государства. В течении первых лет советской власти тысячи священников были расстреляны или сосланы в лагеря. Произошло изъятие, церковных ценностей, были запрещены богословские школы и осквернены храмы.

Советская власть использовала различные методы для снижения влияния церкви среди населения: это и изъятие церковных ценностей, и лишение церковно- и священнослужителей избирательных прав, и обложение церковных общин непомерными налогами.

После смерти патриарха Тихона власти не позволили избрать преемника. В дела Церкви вторглась специально созданное управление ОГПУ. В это время Советской властью был поставлен вопрос о полном уничтожении религии в СССР. Были закрыты или разрушены почти все храмы.

Период Большого террора (1937 - 1938 гг.) был отмечен небывалыми репрессиями в отношении Церкви. В это время большевиками был поставлен вопрос о полном уничтожении религии в государстве. В распоряжении богоборческого режима ужасная карательная машина для уничтожения инакомыслящих. Советская власть уничтожила все виды оппозиции.

Вера людей в Бога не была утрачена. Церкви, несмотря на огромные потери, удалось преодолеть натиск власти, сохранить свой потенциал и создать предпосылки для будущего возрождения.

В 90-е гг. XX века начинается возрождение Церкви не только как организации, но и духовности русского народа.

В последнее время Церковь возвращает утраченное влияние. Она впервые за долгие века освободилась от диктата государства.

Таким образом, несмотря на беспрецедентные гонения на Церковь и репрессии 1937 - 1938 гг. в Брянске, как и по всей стране, православные священнослужители, оставившие разрушенные или поруганные храмы, а, также миряне, лишённые возможности в дни праздников и в дни невзгод преклонить свои колени перед ликом Божиим, не оставляли веры и шли на подвиг за Христа искренне надеясь, что скоро это «мракобесие» подойдет к концу и непременно наступит день и час, когда вновь откроются храмы, монастыри, когда вновь зазвонят колокола и слово Божие зазвучит с новой силой.

Вера священнослужителей и мирян расстрелянных и репрессированных в годы большевистского террора пережила их. Об этом, в частности, свидетельствуют реставрируемые старые и строящиеся вновь храмы в городах и селах, об этом нам, живущим ныне, напоминают часовни и поклонные кресты, вставшие на местах массовых расстрелов и захоронений, об этом говорят и богослужения в память всех пострадавших за веру и православную церковь.

Библиографический список:

1. Справка архива ФСБ от 15.10.2015, № 85/13/Ш-568
2. Уголовное дело №1039 Морозова Ивана Андреевича. // Архив УФСБ РФ по Брянской области Арх.дело № 10979-П
3. Письмо Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, Министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова и Министра юстиции СССР К. П. Горшенина 1-му секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву о пересмотре дел на осуждённых за контрреволюционные преступления. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009140> (дата обращения 10.11.21).
4. Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. Русская Православная Церковь XX век. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 800 с.
5. Головкова Л., Хайлова О. Пострадавшие за Веру и Церковь Христову 1917 - 1937. — М.: Православный Свято - Тихоновский гуманитарный университет, 2015. — 656 с.
6. Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви 1917-2008: Учебное пособие. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2018. — 368 с.
7. Русская Церковь. Век двадцатый. 1900 - 1917. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), 2014 — 1612 с.
8. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Лепта, 2010. — 480 с.

Сведения об авторе:

Шишов Александр Игоревич, студент 3 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: alex.sh98MXNL84@gmail.com

УДК 323.272(091)

А. В. Журавская

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ УЧИТЕЛЬСТВО. 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Аннотация: в статье на основании архивных источников и материалов периодической печати рассматривается процесс становления советского школьного образования в реалиях российской провинции, а именно Брянской и Смоленской губерний. Из всех многочисленных проблем школьного образования, которые являлись следствиями политических пертурбаций, раскрываются только некоторые, с которыми сталкивалось провинциальное учительство: постоянная смена учебных программ, несправедливое распределение материальных благ в отношении педагогов и, в целом, скудное государственное финансирование образовательных учреждений, идеологическое давление.

Ключевые слова: советская власть, российская провинция, Брянская губерния, Смоленская губерния, учитель, единая трудовая школа.

Zhuravskaia A.V. Provincial teaching. 1920s. (Based on the materials of the Bryansk and Smolensk provinces)

Abstract: based on archival sources and periodical press materials, the article examines the process of formation of Soviet school education in the conditions of the Russian province, namely the Bryansk and Smolensk provinces. Of all the numerous problems of school education that were the consequences of political perturbations, only some that provincial teaching faced are revealed: the constant change of curricula, the unfair distribution of material benefits in relation to teachers and, in general, the meager state funding of educational institutions, ideological pressure.

Keywords: Soviet power, Russian province, Bryansk province, Smolensk province, teacher, unified labor school

Учителя являлись значимой частью городской и сельской интеллигенции в послереволюционной России. Возможности учительского сообщества в формировании общественных настроений были очевидны для представителей советской власти. В связи с этим особое значение для правящей партии приобретало сотрудничество с ними. Не случайно на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. В.И. Лениным было заявлено: «Задача новой педагогики – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» [19, с. 420].

В отечественной историографии имеется немало количество трудов, в которых рассматриваются изменения, происходившие в системе российского образования и воспитания в 1920-е гг. [12, 21]. Особый интерес представляют труды, затрагивающие проблему материального и социального положения педагогов в первое десятилетие советской власти [10], а также интерпретирующие их социальный состав, содержание профессиональной и общественной нагрузки [1].

Непосредственно целью данной работы является демонстрация на отдельных примерах тех трудностей, с которыми столкнулось учительство в процессе становления советского школьного образования в 1920-е гг. в Брянской, отчасти Смоленской губерний.

Положение ВЦИК о единой трудовой школе вышло 30 сентября 1918 г. [17, с. 374]. Согласно новому законодательству советской школе надлежало стать общедоступной, бесплатной, состоящей из двух ступеней. При этом на первый план выдвигалось воспитание, основанное на принципе системной преемственности [12, с. 91, 99].

Однако организацию образовательного процесса, в соответствии с данным положением, затрудняло недостаточное государственное финансирование школ. Заявления и письма преподавателей Смоленской губернии, которые направлялись в различные советские организации, иллюстрируют непростое материальное положение педагогов в российской провинции. Так, в заявлении учительницы от 5 ноября 1918 г., адресованном Совету Народного Образования, сообщалось: «В добавление к заявлению, поданному мною в прошлом месяце с просьбой дать мне место школьной работницы по рукоделию, сим довожу до сведения, что мне желательно было бы заниматься во II Советской Школе, ибо таковая находится вблизи моей

квартиры, а у меня калош нет и обувь в самом плачевном состоянии, в виду чего прошу удовлетворить мое заявление» [8, л. 42]. А. Я. Кандеева, преподавательница гимнастики по школам I ступени г. Демидова Смоленской губернии в подобном заявлении от 13 августа 1919 г. называла свое жалование «ничтожным», указывала, что оно довело её до «совершенной нужды» и просила изменить размер её содержания или «уровнять» его с размером содержания других учителей [7, л. 143]. Другая учительница 19 августа 1919 г. сообщала в Смоленский Отдел Народного Образования, что не получала жалование «за август, сентябрь и 10 дней октября» 1918 г. [7, с. 148].

В то же время на учительский состав возлагалась большая работа по становлению советской школы и в связи с этим предполагалось подготовить специальные профессиональные кадры – советских учителей, а «наиболее отсталые слои учительства» перевоспитать, «подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию» [20, с. 432].

В 1918 г. развернулась активная работа по подготовке «новых» советских преподавателей: учительские институты стали педагогическими, а в 1919 г. были преобразованы в институты народного образования. Обучение советских педагогов продолжалось 4 года. Создание в 1921 г. семилетней школы предопределило необходимость в дифференциации учителей на преподавателей начальной школы, V-VII классов и старших классов [2, с. 258].

В 1919 г. была основана Академия коммунистического воспитания, которая в соответствующем идеологическом ключе готовила специалистов для работы в советской школе на местах [22, с. 52].

В свою очередь Отдел Народного Образования Брянска согласно сообщению, опубликованному в местной печати, в июле 1919 г. запланировал открытие педагогических курсов-сездов. «Педагогические курсы будут по волостям, где будут работать педагоги данной волости и в городе. – сообщалось в газете. – Приглашены лектора, с оплатой труда – 80 руб. за час лекции, 50 р. суточных и проездные по действительной стоимости. Приглашен из Москвы проф. Блонский» [16].

Вместе с этим советская власть продолжала решать задачу подготовки идеологически «правильного» учительства.

Не случайно, особое внимание было приковано к тем учителям, которые не скрывали свои «непролетарские» убеждения. Так, в заметке «Нужна чистка», опубликованной в газете «Известия» от 22 апреля 1921 г., шла речь об учительнице школы II ступени З. А. Бондарцовой, которая, проигнорировав три предложения встать во время исполнения пролетарского гимна, покинула кабинет. З. А. Бондарцова, сообщалось в заметке, демонстрировала свою нелояльность к новому строю неоднократно: «Необходимо Райкомпарту и УОНО обратить самое серьезное внимание на школу I и II ступени, ибо в Комарической школе таких экземпляров не один. А всем шкрабам похожим на Бондарцову рекомендуем принять в Черном море ванну и, счистившись от черносотенщины, идти работать в трудовую школу» [14].

Необходимо заметить, что женщины-преподаватели сталкивались не только с идеологическими притеснениями. В связи с нехваткой педагогических кадров в отдалённых населённых пунктах, туда директивно командировали учителей. Часто учительницы, оказавшись без поддержки близких, становились жертвами домогательств со стороны местных начальников. Факты насилия над учительницами отмечались по всей стране. В среде низовой партийно-советской номенклатуры существовала мода на связь с образованной женщиной нового типа. Отказавшихся от подобных отношений женщин увольняли по причине профессиональной непригодности [13, с. 389].

В сфере образования царил организационная и методологическая неразбериха, помноженная на противоречивость и непредсказуемость внутриполитического курса 1920-х гг.

Показательны в этом смысле строки из сохранившегося дневника учительницы с 22-летним стажем: «Сегодня была на первом педагогическом собрании в районе. Какая-то трагикомедия. Во главе педагогической секции стоит студент-мальчишка. Ломаным русским языком он изрекал перед нами педагогические истины... Долой книгу, долой предметы, долой учебу» [3, с. 5].

Согласно новой программе для единой трудовой школы от 16 июля 1923 г. на смену дореволюционному предметному подходу к обучению пришел «комплексный». Новый подход предполагал, что знания ученики должны получать при изучении определенного материала из жизни природы, политики и человеческого опыта. «Комплексный метод» строился на познании нового с помощью произвольного разговора педагога с учениками. При этом русский язык и литература были исключены из преподавания в школе. История, как учебная дисциплина, больше не преподавалась, она стала частью учебного «комплекса» обществоведения. [12, с. 101-102].

В 1923/24 учебном году в начальных классах преподавалась политграмота. Обществоведение преподавалось для учащихся в школах II-й ступени, однако, однозначное определение предмета «обществоведения» отсутствовало. Многие преподаватели не видели разницы между обществоведением и историей и продолжали преподавать историю под другим названием [21, с. 126-127]. Власть пыталась противодействовать этим уловкам учителей, отмечая, что они демонстрируют «отвлеченность и теоретичность, а в худших случаях и т. н. «аполитичность» в передаче учащимся программного материала по обществоведению [4, л. 58].

Еще одним новым подходом к обучению был «лабораторный план» или «Дальтон-план», который предлагал ученикам право выбора предмета для изучения. Как правило, в течение месяца учащиеся выполняли определенную работу согласно заключенному контракту. Все занятия объединяла одна тема, учеба проходила в лабораториях, закрепленных за предметами [1, с.63].

Таким образом, неоднократно меняющиеся подходы к обучению школьников в первой половине 1920-х гг. создавали дополнительные трудности в системе образования, в то время как проблема материального снабжения образовательных учреждений по-прежнему оставалась актуальной.

Согласно документам, среднестатистическая зарплата учителя была в два раза ниже, чем лесничего и врача [22, с. 94].

Кроме отсутствия социальной защищенности, учительницы нередко были вынуждены работать в непригодных для этого помещениях. Так, в протоколе 2-ой Дятьковской районной конференции женщин работниц и крестьянок (Брянской губ.) от 20 октября 1921 г. отмечались проблемы с отоплением и освещением в школах, указывалось на то, что «учительство категорически отказывается вести занятия среди даже детей из-за полного неудовлетворения продовольствием» [6, л.48].

В период новой экономической политики государство сократило и без того недостаточное финансирование школ. Местные власти, в том числе, стали активно обращаться к населению [11, с. 189-191]. Не случайно в это время в местной печати появляются призывы к населению организовывать школьно-хозяйственные советы в школах и решать финансовые затруднения за счет местных ресурсов. «При создавшихся условиях просветительным учреждениям помочь можем только мы сами – население, непосредственно заинтересованное в существовании этих учреждений» [15].

Ситуация порождала немало непредвиденных трудностей в организации учебного процесса. Например, крестьянство, соглашалось содержать только школу своей деревни, отказываясь пополнять волостной бюджет, что, например, в Смоленской губернии привело к

сокращению количества школ и введения платного обучения с 1922/23 учебного года [11, с. 189-191].

Некоторая положительная динамика по привлечению детей в школы стала намечаться в 1925 г. «В 23 году школы охватывали 31 процент детей всех возрастов; в 24 – 35 проц., в 25 – 40 проц. Следовательно, школьная сеть расширяется». – Констатировалось в газете «Брянский рабочий». Там же отмечалось повышение зарплат учителей. В то же время указывалось на недостаточное обеспечение школьников учебными пособиями в регионе [23]. Происходившие изменения повлекли за собой чрезмерную загруженность учительства. Поэтому, вопросы, связанные со снижением нагрузки для учителей и с привлечением оставшихся за пределами школ, были актуальны.

Протокол общегородского делегатского партийного собрания Клиновской Организации РКПб (Брянской губ.) от 14-ого Мая 1925 г. фиксировал, что «школы на 50% отвечают своим потребностям, а на остальные 50% – не отвечают. Материальная база школы/ парты, столы/ слишком плохая» [5, л.14].

Не случайно указанная статья в «Брянском рабочем» выказывала определенные пожелания: «На народное просвещение идет 32 проц. госбюджета, то есть, с 1 р. бюджета – 32 коп. Нам же нужна добавка минимум 25 проц. Откуда взять и как – съезд даст своё решающее слово. Мы определено должны сказать: включать ли в бюджет школы, которые строят сами крестьяне и как быть с теми селами, которые не имеют школы. Съезду придется дать ясные директивы соваппарату в этом направлении» [23].

Тем не менее, в 1920-е гг. шел оживлённый процесс вовлечения учителей в общественную деятельность. Профсоюзы предоставляли педагогам возможность выполнять общественные поручения, которые нередко были довольно обременительными. Например, выплата членских взносов была ощутима для бюджета учителя с низкой зарплатой. Но деньги педагоги сдавали регулярно. Данные средства, как правило, шли на помощь пострадавшим от несчастных случаев, а также на культурные мероприятия, экскурсии и праздники [1, с. 83].

Протокол общегородского собрания Клиновской организации Р.К.П /б/ (Брянской губ.) от 23 января 1925 г. заключил, что «учительство после долгих дум, решило, что наша партия права, оно пошло к нам, оно является лучшим другом и мы можем ему довериться. Недостаточные успехи мы еще имеем с другой частью интеллигенции – это врачебный персонал, но они вынуждены будут пойти и работать с нами» [5, л.1]. Добившись поддержки от некоторой части учительства, советская власть стремилась расширить круг обязанностей педагогов.

Иногда работа занимала всё время учителя, не оставляя места для решения личных проблем. Например, в журнале «Народное просвещение» от 1926 г., была напечатана история учительницы из деревенской школы, переживающей за своего 15-летнего сына, «который уже 3 года как обречен на лодыричество и хулиганство вместе с другими безработными и безнадзорными деревенскими подростками, т. к. она, перегруженная работой, не имеет возможности сама его учить дальше, а нет средств содержать его в городе, в школе повышенного типа. Вообще вопрос о дальнейшем образовании их детей один из самых тревожных для учителей» [18, с. 110].

Стоит заметить, что, проблема продолжения образования была актуальна не только для детей учителей. Например, в Смоленской губернии по итогам 1927 г. дети беднейших слоёв населения всё ещё часто завершали обучение преждевременно. Вместо положенных четырёх лет, они посещали школу два с половиной года. В основном это происходило из-за отсутствия, необходимой одежды, учебников и общежитий. Дети были вынуждены работать в ущерб обучению в школе [11, с.199-201].

Во второй половине 1920-х гг. финансирование народного образования в Брянской губернии стало улучшаться. Так, в коллективной монографии «История Брянского края. XX век» отмечается: «Расширение сети школ на Брянщине шло достаточно активно, и, когда с осени 1929 г. начало вводится всеобщее обязательное четырехлетнее обучение, в числе немногих регионов, где организация всеобща достигла наибольших успехов, была и Западная область, включавшая Брянщину» [9, с. 199-200].

Объемы статьи не позволяют всесторонне рассмотреть проблемы, с которыми сталкивалось учительство провинциальных губерний в 1920-е гг. Однако представленный материал даёт возможность представить основные моменты сложного и противоречивого процесса становления школьного советского образования.

Библиографический список

1. Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей. М., 2015. 228 с.
2. Бурдаков Д.В. Развитие законодательства по профессиональной подготовке, будущего учителя образовательных учреждений в первое десятилетие Советской власти (1917-1927 гг.)// *Filo Ariadne*. 2016. №4. С. 251-264.
3. Вестник просвещения // 1922. № 1. С. 5.
4. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 1 Оп.1. Д. 489. Л. 58.
5. ГАБО. Ф. 6. О. 1. Д.716. Л.1,14.
6. ГАБО.Ф. 4. О. 1. Д. 266. Л.48.
7. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф.19. О.1. Д.42. Л.143, 148.
8. ГАСО.Ф.19. О.1. Д.86. Л.42.
9. История Брянского края. XX век / под ред. В.В. Крашенинникова. Клинцы, 2003. 449 с.
10. Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа 1921–1925 гг. Саратов, 1991. 176 с.
11. Козин Е. В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию//Известия Смоленского государственного университета. 2021. №2(54). С. 187-204.
12. Кулинич Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1922–1930-е годы. Хабаровск, 2010. 375 с.
13. Морозова О. М., Трошина Т. И., Ялозина Е. А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России// Вестник Российского университета дружбы народов.2019. №2. С.374-411.
14. Нужна чистка//Известия. 1921. № 86 (654). 22 апреля.
15. Об организации школьно хозяйственных советов в г. Брянске//Известия.1921 № 257 (817). 14 декабря.
16. Педагогические курсы//Известия. 1919. №140. 2 июля.
17. Положение о единой трудовой школе РСФСР. 30 сентября 1918 г. // Декреты советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 374.
18. Радченко А. Советский учитель в 1925 г. // Народное просвещение. 1926. № 1. С. 111-112.
19. Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. М., 1969. Т. 36. С. 420.
20. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. М., 1969. Т. 37. С. 432.
21. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.
22. Сухова Н.Н. Сущность и содержание педагогической подготовки учителя в первое десятилетие Советской власти и МИТХ//Вестник МИТХТ. Серия: социально-гуманитарные науки и экология. 2015. № 4. С.49-54.
23. Школьная сеть ширится //Брянский рабочий. 1925. № 52 (1749). 4 марта.

Сведения об авторе:

Журавская Анастасия Викторовна, аспирант кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 Брянск, Российская Федерация, e-mail: nastya.zhuravskaya.95@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(73)"1845/1905"+289.3

В.В. Прилуцкий

ДВИЖЕНИЕ МОРМОНОВ-БИКЕРТОНИТОВ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И КОЛОНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАПАДЕ

Аннотация: в статье рассмотрены религиозные представления и основные события в истории движения бикертонитов – одного из направлений в мормонизме, сыгравшего определенную роль в освоении земель Западной Америки в середине XIX – начале XX вв. Бикертонитская церковь считала себя единственной законной преемницей религиозной организации Святых последних дней, созданной первым мормонским пророком Джозефом Смитом-младшим 6 апреля 1830 г. в штате Нью-Йорк. Родоначальником религиозного движения являлся Сидни Ригдон, ближайший сподвижник Джозефа Смита, создавший в 1844-1845 гг. самостоятельную общину ригдонитов, послужившую основой для возникновения в конце 1840-х – начале 1860-х гг. бикертонизма. Главными идеями бикертонитов являлись: стремление восстановить церковную организацию, учения и практики, существовавшие в раннем христианстве в новозаветный, апостольский период (реставрационизм или христианский примитивизм), а также намерение обратить аборигенов Америки – «ламанитцев» (индейцев). В отечественной научной литературе тема остается практически неисследованной.

Ключевые слова: религиозная история США, движение Святых последних дней, мормоны, бикертониты, история Церкви Иисуса Христа (Бикертонитской).

Prilutskiy V.V. The Bickertonite Mormon movement in the middle of the 19th – early 20th centuries and the colonization process in the American West

Abstract: the article examines religious beliefs and the main events in the history of the Bickertonite movement – one of the trends in Mormonism, which played a certain role in the development of the lands of Western America in the middle of the 19th – early 20th centuries. The Bickertonite Church considered itself the sole legitimate successor to the Latter-day Saints religious organization established by the first Mormon prophet Joseph Smith, Jr. on April 6, 1830 in New York State. The founder of the religious movement was Sidney Rigdon, the closest associate of Joseph Smith, who created an independent Rigdonite community in 1844-1845, which served as the basis for the emergence of Bickertonism in the late 1840s – early 1860s. The main ideas of the Bickertonites were: the desire to restore the church organization, teachings and practices that existed in early Christianity in the New Testament, Apostolic period (Restorationism or Christian primitivism), as well as the intention to convert the aborigines of America – «Lamanites» (Indians). In the Russian scientific literature, the topic remains virtually unexplored.

Keywords: religious history of the USA, the Latter Day Saint movement, Mormons, Bickertonites, history of the Church of Jesus Christ (Bickertonite).

Бикертониты, известные также как «Церковь Иисуса Христа», «Бикертонитская церковь» и «организация ригдонитов» (the Bickertonites, «The Church of Jesus Christ (Bickertonite)», «Bickertonite church», «Rigdonite organization»), предпочитают самоназвание «Святые» («the Saints») или просто «братья/сестры». Бикертониты считаются третьей по численности в мире мормонской деноминацией (после бригамитов и джозефитов). Основателем и первым президентом современной Бикертонитской (Ригдонитской) церкви со штаб-

квартирой в г. Мононгахела (Пенсильвания), известной также как «Церковь Иисуса Христа», являлся Уильям Бикертон (15 января 1815 г. – 17 февраля 1905 г.) [8]. Современные члены Церкви отрицательно относятся к наименованиям «бикертониты» и «мормоны». Возникновение и развитие Бикертонитской церкви происходило в эпоху великой колонизации западных территорий Соединенных Штатов (1840-е – 1900-е гг.).

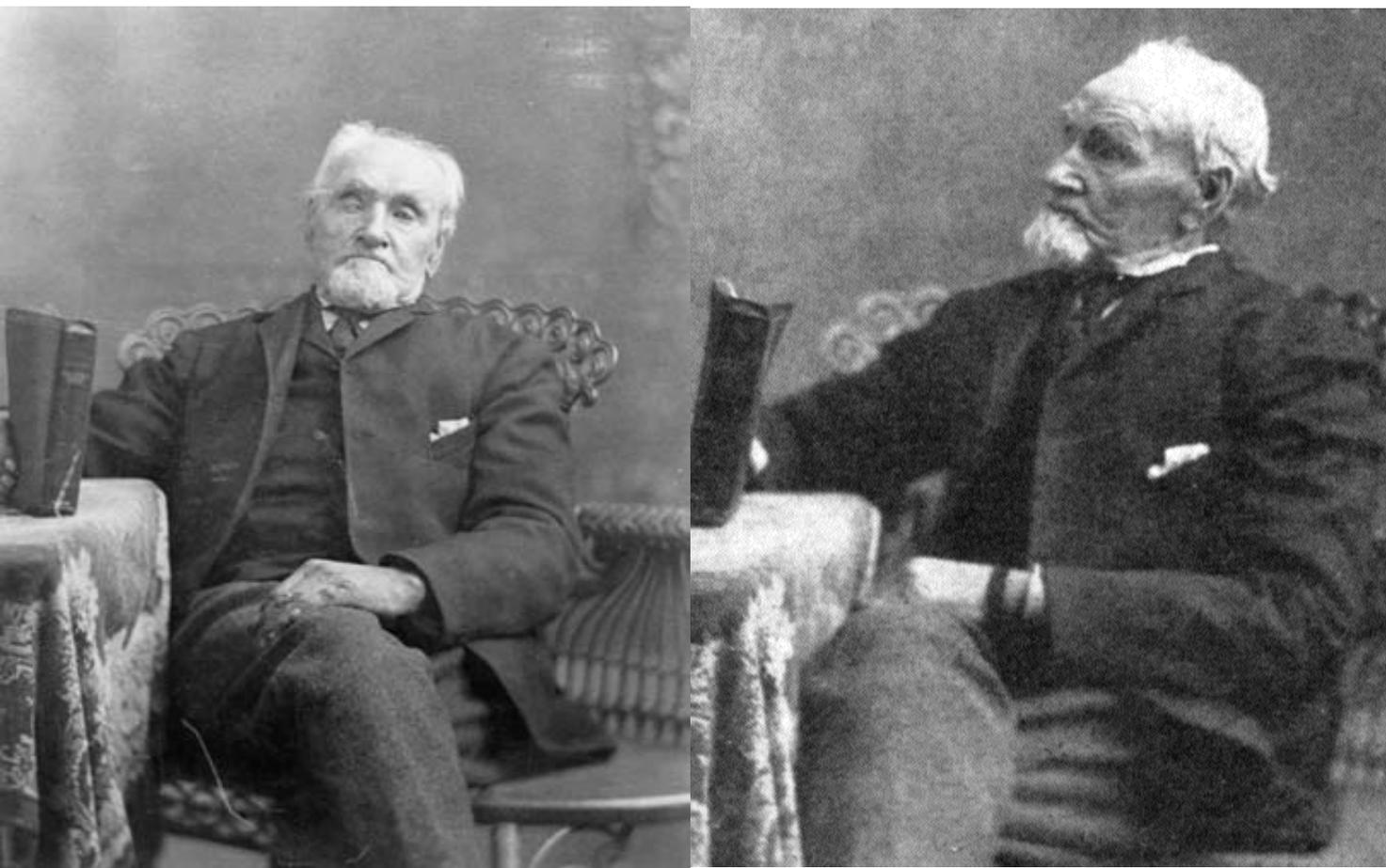

Рис. 1. Престарелый Уильям Бикертон, основатель «Церкви Иисуса Христа (бикертониты)», незадолго до своей смерти в возрасте 90 лет. Фото около 1903 г. или 1905 г. Источник: Entz G.R. Zion Valley: The Mormon Origins of St. John, Kansas // Kansas History: A Journal of the Central Plains. 2001. Summer. Vol. 24. № 2. P. 99; Entz G.R. The Bickertonites: Schism and Reunion in a Restoration Church, 1880–1905 // Journal of Mormon History. 2006. Fall. Vol. 32. № 3. P. 2.

Значительную часть ранних бикертонитов составляли иммигранты из Англии. Все они никогда не принадлежали к ранним мормонам эпохи Наву (1839-1846 гг.). Бикертониты приняли новую веру уже после гибели в штате Иллинойс в 1844 г. «мученика» Джозефа Смита-младшего, восстановившего истинную церковь после 1 260 библейских лет «отступничества» [5, p. 113-115]. Уильям Бикертон родился в Англии в многодетной семье, относившейся к рабочему классу, и принадлежал к церкви методистов. В начале 1830-х гг. он вместе с матерью, братьями и сестрами переселился в Соединенные Штаты, где работал шахтером-угольщиком в Пенсильвании и Вирджинии. В 1845 г. был обращен в мормонизм одним из ранних лидеров

Святых последних дней Сиднеем Ригдоном (1793-1876), отделившимся незадолго от этого (осенью 1844 г.) от большинства мормонов, которых возглавил новый пророк Бригам Янг (1801-1877). Сидней Ригдон, «получив власть от Бога», создал в 1844-1845 гг. в Пенсильвании собственную церковную организацию («Церковь Христа») и стал ее президентом [6, р. 16-23]. В апреле 1845 г. Бикертон с женой приняли участие в одной из установочных конференций формировавшейся церкви ригдонитов. В июне 1845 г. он крестился в г. Мононгахела (Пенсильвания) и вскоре стал старейшиной, а впоследствии – евангелистом в организации Ригдона [5, р. 116]. Однако уже в 1846 г. наметились разногласия между Бикертоном и Ригдоном. Недолгий союз прекратил свое существование. Бикертон остался в Мононгахеле, отказавшись переселяться в пенсильванскую Камберлендскую долину в район Гринкасла, где была создана новая штаб-квартира ригдонитов. К августу 1847 г. просуществовавшая всего лишь 2 года Ригдонитская церковь, насчитывавшая около 200 верующих, распалась. Часть членов примкнула к мормонам-уитмеритам, а ее основатель покинул своих последователей [3, р. 98-100].

Бикертон принял решение после распада общины ригдонитов не возвращаться в методизм, а создать собственную религиозную общину. Его группа в пенсильванском городке Вест-Элизабет (Уэст-Элизабет) насчитывала всего лишь 9 чел. Они занимались изучением Книги Мормона. Уже в 1849 г. некоторые последователи признали его новым пророком, «который должен был вести свой народ». Ранние бикертониты по своим религиозным воззрениям почти не отличались от мормонов-бригамитов Юты («Церкви Иисуса Христа Святых последних дней»), что служило идеологической основой для их возможного объединения. В мае 1851 г. эта маленькая группа неопитов крестилась в церкви бригамитов и временно перешла в ее состав. Однако уже в марте 1852 г. бикертониты вышли из ее рядов, поскольку, подобно хедрикитам и джозефитам, были настроены категорически против многоженства, процветавшего в это время среди мормонов Юты [3, р. 101].

Бикертон продолжил проповедническую деятельность и служение в частных домах прихожан, и в конце 1854 г. его группа насчитывала уже около 60 чел. Вообще Бикертон получил известность как талантливый проповедник, успешно убеждавший людей в религиозных истинах и способный обращать их в новую веру. Он сохранил подобную активность и в преклонные годы. В 1857 г. у него было 93 последователя. Вскоре возникли 7 небольших общин в населенных пунктах западной части Пенсильвании и Западной Вирджинии. Почти все первые члены новой церкви были английскими иммигрантами, трудившимися на угольных шахтах, с которыми Бикертон работал и среди которых проводил свои проповеди. Формально Бикертон был отлучен от Бригамитской церкви с центром в Солт-Лейк-Сити в Юте («Ютской церкви») только в 1857 г. В июле 1859 г. последователи Бикертонина провозгласили его главой Церкви, «пророком и провидцем», а также «носителем откровений», единственным законным преемником и продолжателем Джозефа Смита.

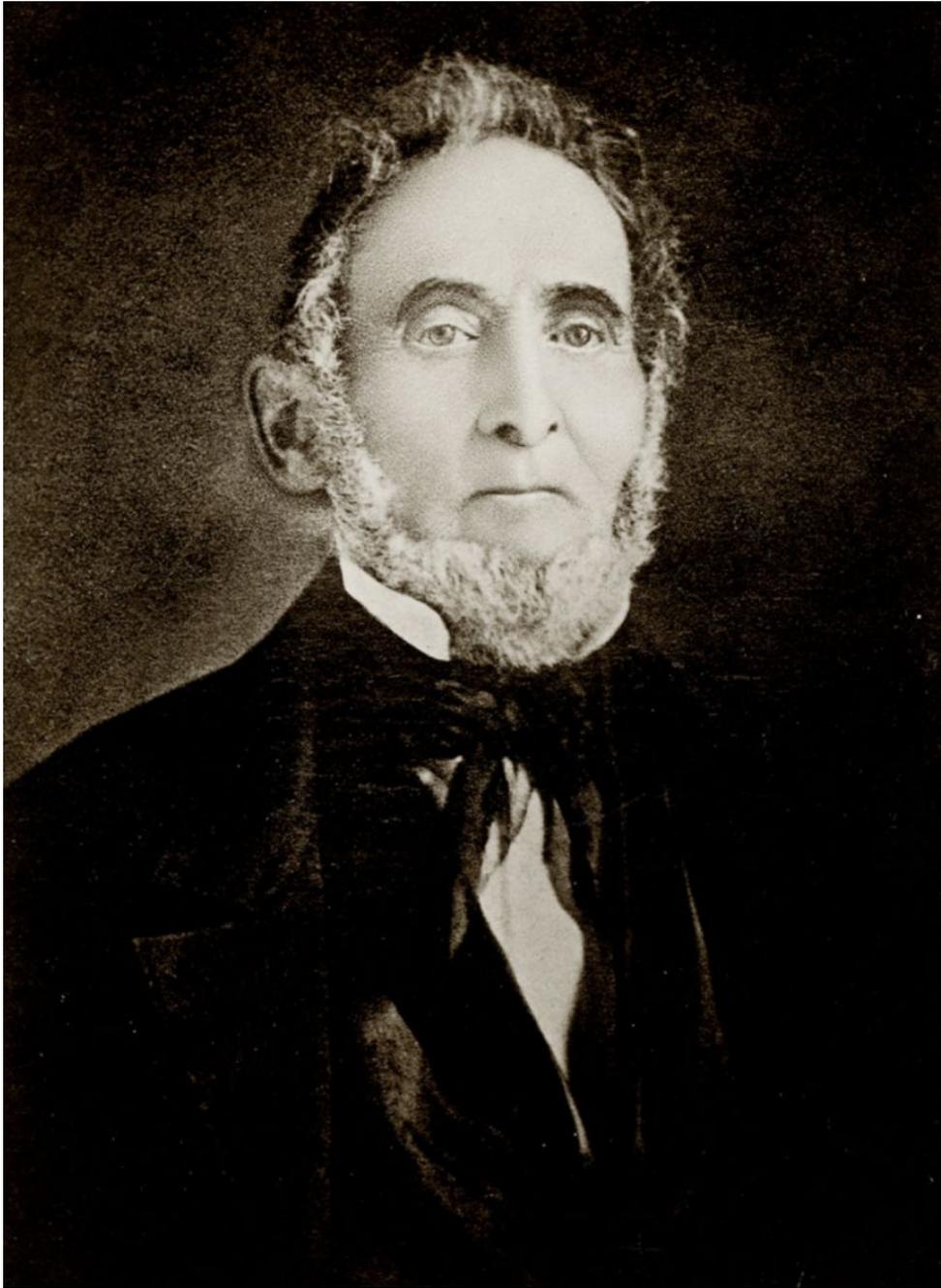

Рис. 2. Сидней (Сидни) Ригдон, один из основателей мормонской религии, известный американский религиозный реформатор, влиятельный ранний лидер Святых последних дней, порвавший с Бригамом Янгом и его сторонниками в сентябре 1844 г. Основатель «Церкви Христа» (впоследствии – «Церкви Христа детей Сиона») в Питтсбурге, Пенсильвания, в 1845 г. В 1844-1845 гг. в Питтсбурге издавал «LDS Messenger and Advocate» («Посланник и защитник Святых последних дней»). Религиозное движение ригдонитов, временно распавшееся в 1847 г., постепенно к 1862 г. трансформировалось в Бикертонитскую церковь. Остатки «Церкви Христа детей Сиона» (независимая от Бикертонна фракция ригдонитов) продолжали существовать в штатах Пенсильвания, Нью-Йорк и на западе Канады вплоть до 1880-х гг. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 100.

Опыт откровения дал им подтверждение того, что Бог «возвел другого, подобного Джозефу» («...И теперь Я призвал Моего слугу Уильяма Бикертон возглавить Мой народ») [2, р. 3]. В июле 1861 г. на одном из собраний был сформирован Кворум двенадцати апостолов (включавший родственников пророка – Александра, Артура и Томаса Бикертон, а также Уильяма Кэдмана, Джозефа Эстина, Джеймса Брауна, Каммингса Черри, Джона Диксона, Джозефа Нокса, Бенджамина Мидоукрофта, Джона Нейша, Джеймса Николса). Первое Президентство состояло из Бикертон и двух его советников – Джорджа Барнса и Чарльза Брауна. Окончательно самостоятельная организация бикертонитов оформилась в июле 1862 г. в Грин-Оук (Пенсильвания). На конференции участвовали представители общин из Пенсильвании, Вирджинии и Огайо. Под председательством Бикертон была проведена реорганизация Первого Президентства и Кворума Апостолов [4]. Официально новая организация получила название «Церковь Иисуса Христа» и была зарегистрирована в Питтсбурге в 1865 г. С тех пор она пережила 1 малый (в 1872-1873 гг.) и 3 крупных раскола (в 1880, 1907 и 1914 гг.) и дважды меняла названия (в июне 1865 г. – «Церковь Иисуса Христа в Грин-Оук, штат Пенсильвания» и 5 апреля 1941 г. – «Церковь Иисуса Христа»). Главное церковное управление разместилось в г. Мононгахела (Пенсильвания). Организационная структура напоминала устройство мормонской церкви, существовавшей в Юте и на Дальнем Западе Америки.

Разные течения в мормонизме имели характерные особенности в вероучении. Построение теократии и сохранение полигамии являлись главными идеями у ютских мормонов-бригамитов. Странгиты первоначально отрицали многоженство, но впоследствии стали его практиковать. Они также были ориентированы на создание мормонского королевства (теократической монархии). Джозефиты («Реорганизованная церковь») стремились к наследованию церковной власти (лидерства) по родственной линии: от отца к сыну – представителей семьи Джозефа Смита. Катлериты ратовали за возвращение к истокам веры, сохранение старых традиций времен Смита и практиковали относительно изолированную общинную жизнь. Хедрикиты надеялись возвести Храм на первоначальном месте в штате Миссури, обозначенном пророком Смитом еще в 1831 г. Джозефиты, хедрикиты, ригдониты, бикертониты являлись убежденными противниками многоженства, идеи о множественности богов и практики крещения за умерших, полагая, что они противоречат Библии и Книге Мормона. Важной отличительной особенностью бикертонитов было стремление вести проповедь среди индейцев с целью обращения «ламанийцев» в истинную веру. Бикертониты верили в «возрождение Израиля», частью которого, по их мнению, являлись «жители, проживающие на этом континенте», т.е. американские индейцы.

Бикертон посчитал начало Гражданской войны 1861-1865 гг. в США между Севером и Югом подтверждением того, что он «живет в поколении, когда суд божий будет осуществлен, как говорит наш Спаситель». Группа верила в «восстановление Израиля» и в то, что «Бог будет использовать человека в качестве инструмента для своих свершений в эти последние дни». Было крайне важно передать сохранившиеся с древних времен «истину Евангелия», сведения, содержащиеся в Книге Мормона, другим народам. В ноябре 1861 г. Бикертон получил откровение от Бога: «Речёт Господь – Я очищу Мою Церковь, и Мои слуги пойдут и будут проповедовать Евангелие индейцам Америки» [2, р. 5]. Это откровение было воспринято Бикертон очень серьезно, но Гражданская война в значительной степени ограничила ранние усилия по прозелитизму бикертонитов в Пенсильвании и Западной Вирджинии. После окончания войны Бикертон возобновил свои призывы к организации миссии среди индейских племен. В 1866 г. возобновились дискуссии в Церкви по этому вопросу. В апреле 1868 г. он получил откровение, в котором утверждалось, что «пришло время, чтобы спасение досталось ламанийцам».

Рис. 3. Город Сент-Джон. Фото конца XIX – начала XX вв. Город был официально основан в прерии на месте колонии бикертонитов Сион-Вэлли в 1879 г. и в том же году получил статус окружного центра округа Стаффорд. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 110.

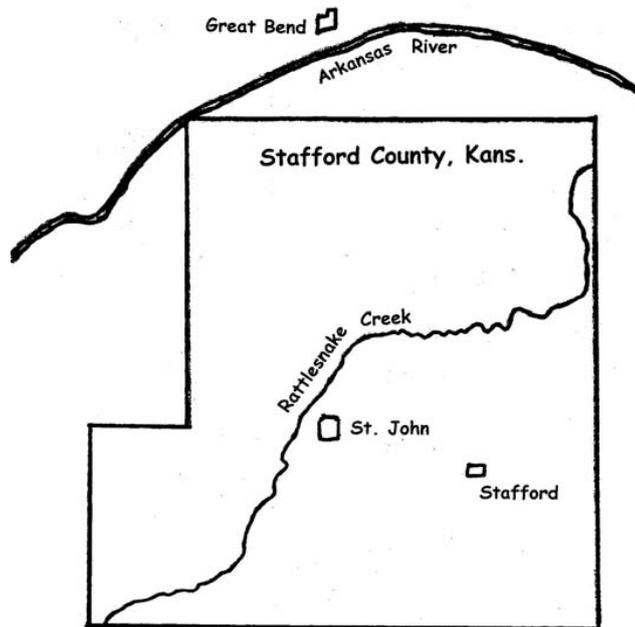
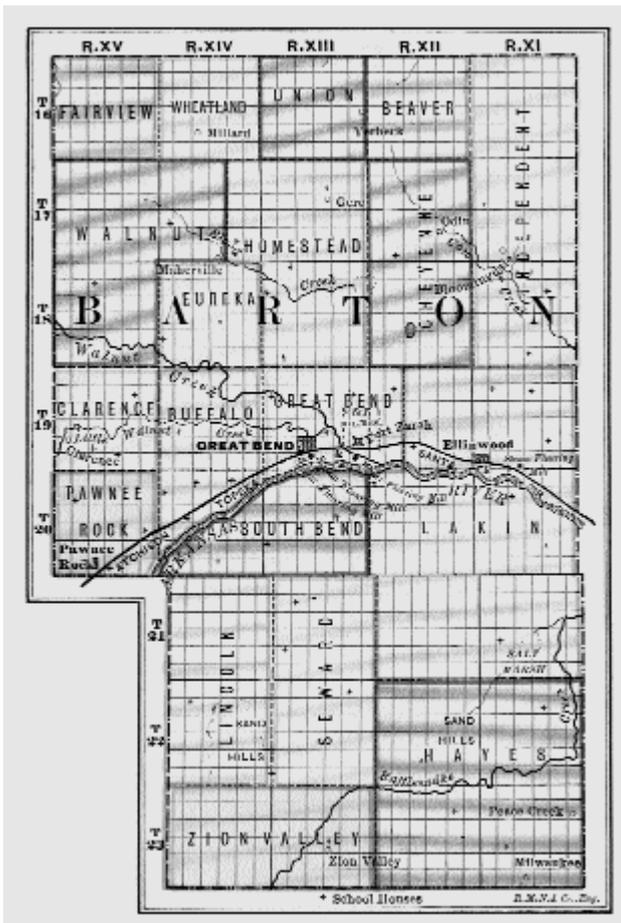

Рис. 4-5. На этой карте округа Бартон 1877 г. обозначена долина Сион, расположенная вдоль ручья Рэттлснейк-Крик в современном округе Стаффорд. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 109.

Современная карта округа Стаффорд, штат Канзас, где в Сион-Вэлли была основана важная бикертонитская колония, позднее переименованная в Сент-Джон. Источник: Entz G.R. The Bickertonites... P. 8.

Для организации первой миссии среди коренных американцев Бикертон обратился за помощью к Уильяму Кэдману (Кадману) - старшему (1834-1905), которому было суждено сыграть ключевую роль в последующих событиях. Родившиеся в Англии, Кэдман и его жена Элизабет (девичья фамилия неизвестна), иммигрировали в Соединенные Штаты в 1856 г. Летом 1859 г. Кэдман услышал проповедь Бикертонна. В декабре 1859 г. принял крещение. В сентябре 1868 г. вместе с третьим старейшиной, Бенджамином Мидоукрофтом, Бикертон и Кэдман отправились в путешествие по Индейской территории (современная Оклахома). В течение месяца они встречались с лидерами народа чероки, общались с аборигенами чокто (чоктавов), криков, чероки и проповедовали среди них [3, р. 102-103]. Эта миссия имела неоднозначные результаты. Кэдман все усилия «бесполезными» и не видел причин менять свое мнение. Бикертон, напротив, посчитал, что миссия среди индейцев была только первым шагом, и стремился продолжить эту деятельность. Бикертон соединил это «обязательство» с известной среди мормонов «доктриной собирания», и в 1872 г. начал призывать своих последователей основать «кол Сиона» недалеко от Индейской территории (современная Оклахома). С этой целью он организовал даже специальный комитет для изучения данного вопроса, надеясь с его помощью осуществить защиту своих идей.

Однако в 1872-1873 гг. некоторые члены Бикертонитской церкви начали подвергать сомнению откровения своего лидера. Произошел раскол, который возглавил апостол и советник в Первом Президентстве Джордж Барнс. Он стал бикертонитом еще в 1851 г. Барнс был признан пророком (получающим «слово от Господа») в Церкви еще в 1862-1863 гг. и возглавил конгрегацию в Коул-Вэлли (Пенсильвания). Он оказался недоволен планами Бикертонна относительно индейской миссии и «кола Сиона» на Западе. Барнс утверждал, что это были «ложные откровения, данные Церкви во время ее роста». Денные утверждения свидетельствовали о наличии у него глубоких сомнений в отношении вообще всех откровений Бикертонна. Барнс заявлял о том, что откровения в Церкви «несовершенны», а бикертониты должны «слышать голос Божий». Поскольку он бросил вызов церковной власти и не мог быть оправдан, то у Бикертонна не было другого выбора, кроме как «отделить от Церкви» (отлучить) «расколоучителя» и его сторонников. Барнс стал лидером собственной небольшой по численности мормонской секты и длительное время оставался независимым руководителем Святых, находясь вне поля зрения Бикертонна. Отколовшаяся община просуществовала в Пенсильвании более 10 лет. Впоследствии часть последователей Барнса перешла к бригамитам. Сам Барнс крестился в мае 1886 г. и стал старейшиной в церкви бригамитов [2, р. 21].

Решение об учреждении миссии среди американских аборигенов было принято на церковной конференции бикертонитов в 1872 г. в Вест-Элизабет (Пенсильвания). В 1874 г. Бикертон получил откровение, в котором ему было указано, что «собирание» должно было состояться в округе Стаффорд (штат Канзас), недалеко от границы с Индейской территорией. Бикертон почувствовал, что его вера еще больше укрепилась в конце 1874 г., когда во время разведывательной экспедиции в Западный Канзас он воткнул символический «кол Сиона» в землю на территории своего будущего поселения. Бикертон вернулся в Пенсильванию и, несмотря на голоса противников, собрал группу людей для переселения в прерии [3, р. 104-106]. В апреле 1875 г. Бикертон во главе группы своих сторонников отправился на Запад – в центральную часть штата Канзас. С ним мигрировали 35-40 семей членов Церкви, основавших религиозную колонию «Долина Сион (Сион-Вэлли)» (Zion Valley). Считается, что 5 первых фургонов (повозок, запряженных волами, в каждой из которых перемещалось по 2 чел.) прибыли из округа Уилсон, штат Канзас, 3 апреля 1875 г.

Рис. 6. Первое здание суда округа Стаффорд в Сент-Джоне, улицы которого в 1870–1880-е гг. утопали в море степной грязи. Фото конца XIX – начала XX вв. Помимо выполнения функций помещения, где рассматривались судебные дела с участием бикертонитов, здание также служило местом проведения их молитвенных собраний. Источник: Entz G.R. *The Bickertonites...* P. 28.

Оставшиеся бикертониты появились на новом месте жительства 17 мая 1875 г. Многие члены семей также приехали по железной дороге. Первоначально колония бикертонитов сильно страдала от природных стихий и от негативного влияния инакомыслящих Святых, которые остались в Пенсильвании. Но Бикертон сумел проявить твердость в отстаивании своей позиции. Инакомыслящие были изгнаны, строились новые дома, и колония стала успешной. К ним присоединились даже некоторые бывшие джозефиты (члены «Реорганизованной Церкви Иисуса Христа Святых последних дней») и новообращенные протестанты – преимущественно выходцы из Англии. Бикертон жил в новом поселении до своей смерти в возрасте 90 лет в начале 1905 г. [2, p. 6].

Небольшое поселение, насчитывавшее в 1880 г. всего 56 чел., вскоре получило официальное наименование «Сент-Джон» (town of St. John, St. John). Городок стал административным центром округа Стаффорд, организованного по решению властей штата в 1870-1879 гг. Существенное увеличение численности населения Сент-Джона произошло к 1890 г. (865 чел.). Оно оставалось практически неизменным до 1900 г. (869 чел.). Но резкое увеличение

количества горожан произошло к 1910 г. (1 785 чел.). Население г. Сент-Джон тогда удвоилось и достигло своего исторического максимума. Впоследствии оно постепенно снижалось, достигнув 1 228 чел. в наши дни (2020 г.). Переименование в 1879 г. означало, что Сион-Вэлли перестала быть чисто религиозной колонией, превратившись в светское поселение [3, р. 107-117]. Но это обстоятельство не оказало особого влияния на Бикертон. Последний изначально планировал, что Сион-Вэлли станет базой, с которой он сможет посылать миссионеров в различные районы Индейской территории. Изменение религиозного состава населения, основанного им города, почти не отразилась на его проповеднической деятельности. В то же время, оставшийся в Пенсильвании Кэдман утверждал, что не должно быть никаких спекуляций, и необходимо было сохранять и развивать в Канзасе «духовное собрание», а не «временное собрание» [2, р. 8].

Многие члены Бикертонитской церкви предпочли остаться на Востоке – в Пенсильвании – в Питтсбурге и других населенных пунктах штата. Огромное расстояние между двумя частями общины способствовало ее расколу в июле 1880 г. Поводом для разрыва отношений между западными и восточными бикертонитами стало обвинение Бикертон в якобы имевшей место супружеской неверности. Спустя несколько лет после переселения в Канзас Бикертон вернулся к своей старой (изначальной) идее проповеди среди американских аборигенов. В начале 1880 г. Бикертон, которому исполнилось 65 лет, решил использовать ежегодную летнюю конференцию Церкви в качестве исходной точки для отправки миссионеров на Индейскую территорию. Весной 1880 г. он путешествовал в сопровождении 42-летнего фермера Джеймса Тейлора и его 29-летней жены Трифены Синглтон Тейлор. Вместе они провели 3 недели, посещая дома всех Святых, проживавших в

Рис. 7. Дом собраний бикертонитов, построенный в 1899 г. на 2-й Западной улице в г. Сент-Джон. Источник: Entz G.R. The Bickertonites... P. 40.

Рис. 8. Собрание Святых долины Сиона в молитвенном доме, втором по времени постройки церковном здании, которое было возведено в 1899 г. Уильям Бикертон сидит справа сзади, высоко подняв Библию и Книгу Мормона. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 114.

графстве Стаффорд. Они просили их поддерживать «божью миссию» среди ламанийцев. Однако в апреле 1880 г. Тейлор внезапно заявил членам Церкви, что подозревает пророка Бикертон в том, что он якобы имел любовные отношения с его женой. Это обвинение возродило старые разногласия, поляризовало Церковь, раскололо бикертонитов на группировки и привело к долгой межфракционной борьбе внутри нее (1880-1902 гг.). Пенсильванских и западновирджинских Святых возглавил Уильям Кэдман, а канзасскими остался руководить Бикертон [2, р. 9]. Интересно, что практически весь период противостояния между течениями кадманиты («Святые Мононгахелы») были в меньшинстве в Канзасе. К ним иногда приезжал для проведения конференций лично Кэдман (например, в 1884 г., 1886 г.). Подобная же небольшая по численности группа сторонников Бикертон существовала в Пенсильвании.

По старой мормонской традиции пионеров (первопоселенцев), в качестве первого строения в новом поселении возводилось здание церкви. Не была исключением и колония Сион-Вэлли. Распри между фракциями бикертонитов привели к тому, что летом 1882 г. их церковное здание в г. Сент-Джон площадью 40X70 футов было продано за долги (за судебные издержки). Новые владельцы объявили о планах по превращению его в магазин хозяйственных товаров (скобяных изделий) и аптеку. Впоследствии на бывшем церковном земельном участке началось строительство домов, и он превратился в небольшой жилой район города [2, р. 17-18]. В результате в 1882-1899 гг. бикертониты в Сент-Джоне не имели собственного молельного дома и вынуждены были собираться в здании местного суда. Только в 1899 г. они построили новый дом для собраний. Произшедшая секуляризация религиозного поселения имела далеко идущие последствия для бикертонитов. Они оказались на положении религиозного меньшинства в городе и округе. Среди новых переселенцев-немормонов преобладали методисты. Проживали также евангелисты - «объединенные братья». Присутствовали и конкурирующие члены Ютской церкви (мормоны-бригамиты). Последние вскоре стали многочисленной и влиятельной общиной, построившей в городе собственное церковное здание в 1895 г.

Рис. 9. Третья по времени и современная действующая церковь бикертонитов, расположенная на углу Пятой и Биржевой улиц в Сент-Джоне. Это сооружение размещено на участке, где в 1878 г. была построена их первая церковь. Место считается территорией, где Бикертон посвятил землю Богу и основал «кол Сиона» в 1875 г. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 115.

Идентичность основных постулатов вероучения «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» во главе с пророком Бригамом Янгом, обосновавшейся в середине XIX в. в Юте, и ранних бикертонитов 1850-х – 1880-х гг. способствовала относительно легкому обращению последних. Часть канзасских кадманитов также обратилась в веру бригамитов. Так, бывший помощник Бикертонитов, церковный секретарь 63-летний Джозеф Остин, сторонник фракции Кадмэна, а также члены его семьи. Многие уезжали в Юту. Примером подобного обращения может служить история семьи английских иммигрантов Джеймса Мискина (42 года) и его жены Амелии (39 лет), обосновавшихся в Канзасе, в округе Стаффорд, еще в 1874 г. до прихода бикертонитов. Они обратились в бикертонизм в 1875 г. По божественному откровению Бикертонитов семья Мискинов отправилась проповедовать «Евангелие Христа» среди коренных американцев в 1887-1888 гг. Они были полны решимости сделать свою миссию на границе с Индейской территорией постоянной. Мискины арендовали ферму и начали обустроить свой новый дом. Однако один из их четверых детей, а также отец Амелии умерли от малярии. Одновременно занесенная из Техаса эпизоотия погубила значительную часть поголовья скота. Полностью разочарованная исходом своей миссии, семья продала оставшийся скот и вернулась в Сент-Джон. Встреча с миссионерами-бригамитов привела к ощущению того, что в Ютской церкви было «больше света» и истины. Кроме того, после потери близких людей давала утешение и надежду «доктрина крещения мертвых». Семья Мискинов присоединилась к «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» в 1889 г. и уехала в Юту [2, р.

22, 29-30]. На этом примере явно видно, что психологический механизм и методы вербовки в секту в XIX в. были весьма схожи с современными. Но бригамиты обратили в свою веру лишь часть бикертонитов. Костяк преданных сторонников остался до конца рядом с Бикертонном.

Обосновавшиеся в колонизируемой части Канзаса бикертониты получили наименование «Святые округа Стаффорд». Они предприняли несколько миссионерских поездок в 1880–1890-е гг. на Индейскую территорию (существовавшую в 1834-1907 гг.) и территорию Оклахома (существовавшую в 1890-1907 гг.), объединившихся в единый штат Оклахома в 1907 г., надеясь обратить местных аборигенов. Некоторые из бикертонитов даже женились на индианках из племени чероки, селились недалеко от мест проживания индейцев и пытались проповедовать среди них на постоянной основе. Около 1883 г. Бикертон стал владельцем городского отеля в Сент-Джоне. В дополнение к своим церковным обязанностям, которые включали и миссию на территорию Нью-Мексико, следующие несколько лет он потратил на развитие своего бизнеса. Любопытно, что кадманиты полагали, что Церковь отменила миссионерскую деятельность среди индейцев еще в 1869 г. Они пытались возродить эту практику, приняв соответствующую резолюцию на конференции в Пенсильвании в 1894 г. [2, р. 38]. Наиболее значимые поездки бикертонитов на Индейскую территорию имели место в 1891 г., 1895 г., 1897 г., 1898 г. В миссиях участвовал лично престарелый Бикертон (ему было около 83 лет). В целом результаты миссионерских усилий были скромными. Удалось обратить лишь небольшое количество «павших сыновей и дочерей Адама».

Рис. 10. Надгробие, отмечающее место последнего упокоения Уильяма Бикертонна, находящееся на кладбище Фэрвью-Парк в Сент-Джоне. Источник: Entz G.R. Zion Valley... P. 116.

Продолжение 20-летнего раскола оказалось в конечном итоге бесперспективным занятием, невыгодным обеим сторонам. Один из родных братьев Бикертонна – Артур перешел к кадманитам в 1898 г. в Вест-Элизабет (Пенсильвания). До этого он одно время принадлежал к церкви джозефитов, но разочаровался в ней. В октябре 1900 г. Кэдман в рамках планируемой индейской миссии нанес визит в Сент-Джон и провел личную встречу с Бикертонном. Эти события послужили основой для объединения конфликтующих сторон в бикертонизме. В 1902

г. произошло окончательное историческое примирение между кадманитами и сторонниками Бикертонна – Церковь воссоединилась. Но ее президентом стал не основатель организации, превратившийся в рядового члена, а Уильям Кэдман. Сын последнего Уильям Х. Кэдман (1876-1963), церковный историк, возглавлял Церковь в 1922-1963 гг. [2, р. 40-41, 44]. В итоге победила оппозиция Бикертону в рядах бикертонитов.

Рис. 11. Рядом с надгробным памятником Бикертонна находится этот современный мемориал, указывающий на него как на преемника мормонского лидера Джозефа Смита и основателя г. Сент-Джон. Фото 2006 г. Источник: Entz G.R. The Bickertonites... Р. 43; Entz G.R. Zion Valley... Р. 117.

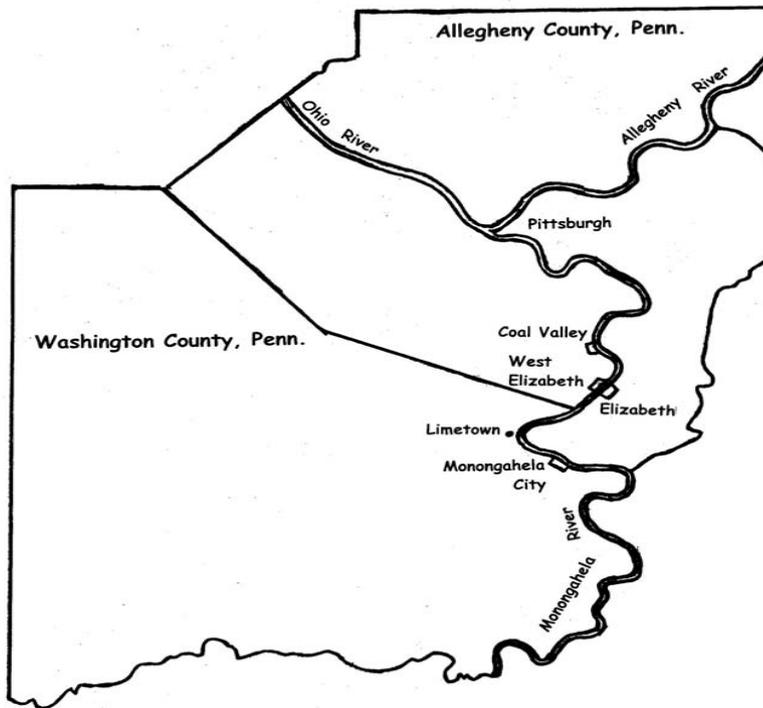

Рис. 12. Карта важных бикертонитских мест в Западной Пенсильвании, где происходили знаковые события их церковной жизни в 1880-е гг. Источник: Entz G.R. The Bickertonites... P. 4.

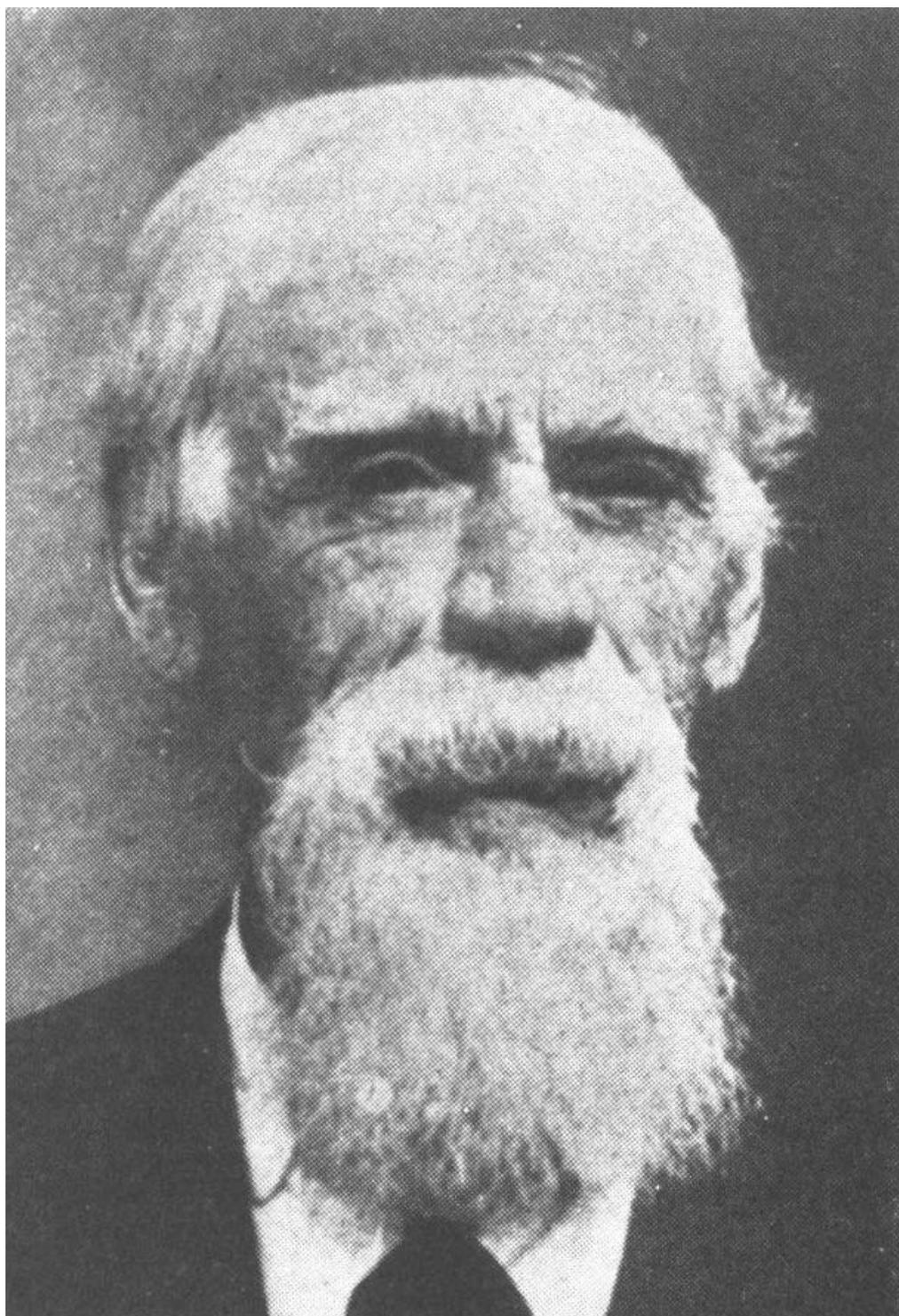

Рис. 13. Уильям Кэдман, лидер серьезного раскола в рядах бикертонитов в Канзасе, Пенсильвании и Западной Вирджинии в 1880 г. Фото. Источник: Entz G.R. The Bickertonites... P. 7; Entz G.R. Zion Valley... P. 106.

Необходимо сказать несколько слов о личности Бикертонтона – основателя Бикертонитской церкви. Последний период своей жизни (с 1872 г.) он мечтал провести в миссионерской

деятельности, и успешно реализовал свои желания. У него было 2 жены и 8 детей. Первая жена Дороти Бреммингер, на которой он женился в 1845 г., родила ему 1 сына и 6 дочерей. После ее смерти Бикертон женился в 1863 г. на Шарлотте Хиббс, которая родила ему сына, недолго жила с ним в Канзасе, но в 1877 г. вернулась в Пенсильванию [1]. В 1880 г. после судебного разбирательства он развелся с ней. В январе 1905 г. пророк, которого соседи называли «дядей Билли Бикертонем», отметил свой 90-летний юбилей. Один из «старейших и наиболее уважаемых граждан Сент-Джона» использовал эту возможность, чтобы еще раз напомнить жителям города, который он основал, что Святые округа Стафффорд придерживаются принципов и ценностей христианства и не имеют ничего общего с мормонами Юты. Его последователи приехали в Сент-Джон из Пенсильвании, Западной Вирджинии, Огайо и восточной части штата Канзас. В конце жизни «старый пионер» подтвердил свою веру в Книгу Мормона, но явно устал от борьбы и любил называть себя библейским Иовом. Бикертон умер в феврале 1905 г. от травм, полученных в результате пожара [2, р. 42-43].

В 1907 г. и 1914 г. в рядах бикертонитов в Пенсильвании произошли еще два серьезных раскола по вопросам вероучения, догматики и организации церковной иерархии. В частности, раскольники-инакомыслящие отрицали необходимость Первого Президентства, считая только институт Двенадцати апостолов соответствующим Священному Писанию. Они также высказывали особое мнение по вопросам истинности Первого видения Джозефа Смита и его пророческой миссии, характера тысячелетнего царствования Христа на Земле, особенностей Второго пришествия Христа и т.п. Отделились две секты: Реорганизованная Церковь Иисуса Христа (бикертонитская) (Reorganized Church of Jesus Christ (Bickertonite)) и Первоначальная (Примитивная) Церковь Иисуса Христа (Primitive Church of Jesus Christ (Bickertonite)), в конечном итоге объединившиеся в одну группу. В 1970-е гг. от этих бикертонитов-раскольников уцелела одна община, которая впоследствии прекратила свое существование.

В наши дни бикертониты являются третьей по численности конфессией в движении Святых последних дней. Они объединяют около 23 200 чел. (2018 г.), весомо уступая бригамитам (Ютской «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней») и джозефитам («Сообществу Христа»). Всемирно известный американский рок-музыкант и певец Элис Купер (настоящее имя Винсент Дэймон Фурье) (род. 1948 г.) – выходец из семьи преданных приверженцев Церкви Иисуса Христа. Купер родился в Детройте (штат Мичиган), в семье евангелиста-пастора в Бикертонитской церкви и являлся активным прихожанином в возрасте с 11 до 12 лет. Впоследствии семья переехала в Финикс (штат Аризона), и он занялся музыкальным творчеством, отойдя от Церкви. Но его дед со стороны отца Турман Сильвестр Фурнье (1888-1973) работал телеграфистом на железной дороге и долгое время служил священником в Пенсильвании. Он занимал должности апостола (с 1917 г.) и президента (в 1963-1965 гг.) церкви бикертонитов.

Бикертониты всегда стремились воспроизвести структуру новозаветной церкви, состоявшей из апостолов, пророков, пасторов (пресвитеров, дьяконов), евангелистов и учителей [5, р. 33]. Священство у бикертонитов – это добровольное призвание к служению через откровение, которое не оплачивается и не считается иерархией в православном или католическом понимании. Апостолы являются руководителями Церкви, евангелисты и учителя – проповедниками, старейшими и дьяконы – служителями в приходах, общинах и миссиях. Женщины могут быть диаконисами (институт служительниц существовал в древнехристианской церкви I-VIII вв.). Диаконисы готовят столы к причастию, но старейшиной и полноправным священником может стать только мужчина. Подобно другим деноминациям мормонов, на богослужениях представители священства до собрания не готовят проповедей в письменном виде. Они стремятся говорить и проповедовать под вдохновением Святого Духа.

В современной «Церкви Иисуса Христа» Кворум двенадцати апостолов является главным руководящим органом бикертонитов. В 1971 г. произошло поглощение Первого Президентства (состоящего из президента, его первого и второго советников), известного как Кворум трех, Кворумом апостолов. В настоящее время президент Церкви и его советники являются апостолами и избираются генеральным священством на конференции. Генеральным рукоположенным священством считаются апостолы, евангелисты и старейшины. Учителя, дьяконы и диаконы также рукополагаются, но считаются священством более низкого уровня. Существует институт заслуженных апостолов (апостолов в отставке). Президент Церкви действует как главный управляющий, наблюдая за всей церковной деятельностью. Кворум двенадцати следит за духовным ростом и развитием Церкви, выступая в качестве советников ключевых церковных комитетов. Кворум семидесяти евангелистов руководит проповеднической деятельностью, миссионерскими программами и комитетами Церкви в различных штатах США и в разных странах мира. У Кворума семидесяти есть свое руководство: президент, вице-президент и секретарь. Впервые он был сформирован в июле 1862 г. и первоначально состоял из 9 чел. Главная обязанность евангелистов – проповедовать Евангелие Иисуса Христа каждому племени, колену, языку и народу мира. Особое значение имеет христианизация «коренных народов Северной, Центральной и Южной Америки» [10].

В настоящее время численность бикертонитов в мире растет относительно быстро по сравнению с другими небольшими группами в движении Святых последних дней. В Соединенных Штатах насчитывается около 3 тыс. бикертонитов. Более 20 тыс. проживают за пределами США в Северной Америке, Латинской Америке, Европе, Азии и Африке. Миссионерская деятельность ведется во многих странах мира. За последние 10-15 лет новые церковные здания были построены в 7 штатах США (преимущественно на Юге, Среднем Западе и в Среднеатлантическом регионе) и некоторых зарубежных странах. Церковные организации и общины в США объединены в 7 регионов: Атлантический, Юго-Восточный, Юго-Западный, Средний Запад, район Великих озер, Тихоокеанский, Пенсильвания / Среднеатлантический регион [9].

В качестве Священных Писаний признаются и используются только «Библия короля Иакова» и Книга Мормона, которые считаются вдохновенным Богом словом. В них содержится истинное учение Иисуса Христа. Никакие другие книги и тексты не признаются в качестве священных. В своем издательстве в Гринсберге, штат Пенсильвания, Бикертонитская церковь печатает собственное издание Книги Мормона в большой и малой версиях. Церковь Иисуса Христа издает также ежемесячный журнал «The Gospel News» («Новости Евангелия»). Большое значение в богослужении (как и в других церквях Святых последних дней) имеет исполнение гимнов, которые даются по божественному вдохновению для назидания Церкви. Исполняются собственные гимны из сборника «Песни Сиона», а также гимны других христианских и мормонских религиозных организаций.

В значительной степени религиозное учение бикертонитов совпадает с большинством представлений традиционного (исторического) христианства и бригамитов, но имеются и различия. Бикертониты верят в Бога - Отца Вечного, Всемогущего Бога, Сына Его, Иисуса Христа, и Духа Святого. Святой Дух не считается отдельной личностью, но является духом и разумом Отца и Сына, их Силой, Славой и Свидетелем. Подобные представления характерны и для бригамитов. Святой Дух может принимать множество форм и проникать во все уголки сотворенного Богом мира. Сын Божий Иисус Христос прожил жизнь в физическом теле на Земле, был распят, воскрес и вознесся, и сейчас сидит одесную Бога-Отца, олицетворяющего могущество и славу. Идеалом признается раннехристианская церковь, установленная Христом в эпоху Нового Завета, которая содержит все доктрины и практики, необходимые для спасения. Человечество будет наказано за свои собственные грехи, а не за грехи Адама и Евы,

поэтому дети безгрешны. Необходимы вера и покаяние [5, р. 1-31]. Крещение возможно только в сознательном возрасте, когда человек понимает уровень ответственности. Водное крещение осуществляется не в искусственном сооружении, а в природном водоеме (река, озеро, ручей, море) [5, р. 63]. Огненное крещение возможно путем возложения рук священником для получения Святого Духа после водного крещения [5, р. 66-69].

Для причастия используются вино в общей чаше и хлеб, представляющие тело и кровь Христа, которые были принесены в жертву за грехи человечества [5, р. 80-89]. Бикертониты совершают множество таинств: крещение, причастие (Вечеря Господня), брак, омовение ног 4 раза в год и др. Приветствуют друг друга «братским поцелуем» в щеку и считают, что необходимо скромно одеваться [5, р. 89-94, 158-164]. Они верят в «дары Святого Духа»: веру, исцеление, пророчества, поднятие змей, совершение чудес, свидетельство ангелов, говорение на иных языках и истолкование различных языков и др. [5, р. 70-79]. Иконы, кресты и алтари отвергаются как проявления идолопоклонства («Не делай себе кумира и никакого изображения») [11].

Бикертониты считают Джозефа Смита основателем единственной истинной церкви, учрежденной 6 апреля 1830 г., пророком и провидцем, а

Рис. 14. Историческая часовня «Церкви Иисуса Христа» в Мононгахеле, штат Пенсильвания. Фото.

Источник: The Church of Jesus Christ (Bickertonite) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.wikipe->

[dia.org/wiki/The_Church_of_Jesus_Christ_\(Bickertonite\)#/media/File:BickertoniteChurch.jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Church_of_Jesus_Christ_(Bickertonite)#/media/File:BickertoniteChurch.jpg). – Date of access: 12.06.2022.

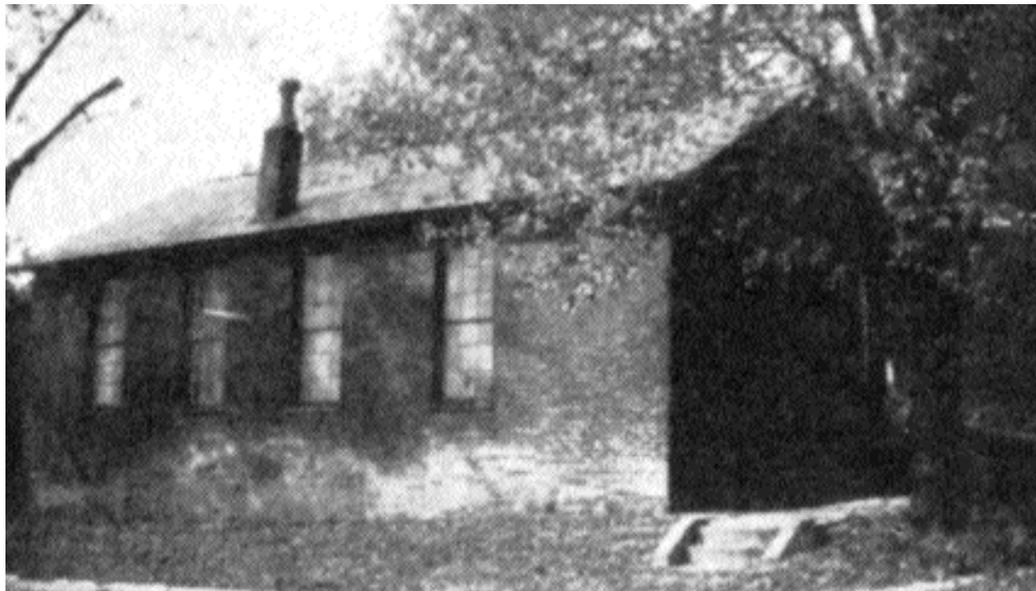

Рис. 15. Церковное здание, принадлежавшее бикертонитам в Уэст-Элизабет, штат Пенсильвания. Фото.

Entz G.R.
Zion Valley... P. 101.

также орудием в руках Бога в восстановлении Евангелия Иисуса Христа. Сидни Ри-

гдон, секретарь и первый советник Смита, являвшийся летом 1844 г. последним уцелевшим членом президентского совета Церкви (Первого Президентства), считается его единственным законным преемником, от которого церковная власть перешла непосредственно к Бикертону. В отличие от других мормонских деноминаций бикертониты не верят, что Смит был «избранным пророком», предсказанным в Книге Мормона («Мессия будет явлен им в последние дни, в духе силы, дабы вывести их из тьмы на свет – да, из скрытой тьмы и из плена на свободу. Ибо Иосиф истинно свидетельствовал, говоря: Провидца воздвигнет Господь мой Бог, который будет избранным Провидцем для плода чресл моих. Да, истинно сказал Иосиф: Так речёт мне Господь: Избранного провидца воздвигну Я из плода чресл твоих; и будет он высоко чтим ... И Я дам ему повеление, чтобы он совершил работу для ... его братьев, которая будет весьма ценной для них, так что приведет их к познанию заветов, которые Я заключил с твоими отцами») [12]. Церковь Иисуса Христа не верит во многие его откровения, поскольку, возможно, они происходили не от Бога, а от человека или даже от дьявола. Бикертониты принимают откровение Смита только в том случае, если оно подтверждается Библией и Книгой Мормона. Бикертонитская церковь отвергает как ложные учения о многоженстве, множественности богов, крещении за мертвых, которые появились в эпоху Наву и получили дальнейшее развитие во время освоения Святыми последних дней Юты (1840–1880-е гг.).

Бикертонитская церковь с момента ее официального основания в 1862 г. находилась на последовательных антирасистских позициях. Она боролась с расовой сегрегацией, с активностью Ку-клукс-клана и, подобно левым радикалам, выступала за «полную расовую интеграцию» в Америке. После перевода Книги Мормона на итальянский язык в 1870-е гг. наблюдался существенный рост численности бикертонитов в Филадельфии за счет иммигрантов из Италии [7, р. 89–98]. В эпоху расовой дискриминации два из числа наиболее известных деятелей Церкви были афроамериканцами. В первой половине XX в. осуществлялась успешная миссионерская деятельность среди индейцев Канады, а также итальянских иммигрантов и италоамериканцев, часто являвшихся объектом преследований со стороны белых расистов англосаксонского происхождения.

Пример бикертонитов, как и многих других групп в движении Святых последних дней, показывает, как объединение в религиозную общину способствовало успешному выживанию

в неблагоприятной, а подчас и агрессивной социальной и природной среде. Основу ранней Бикертонитской церкви в XIX в. составили мигранты-англичане, обосновавшиеся в Пенсильвании и Западной Вирджинии, где они работали преимущественно в качестве шахтеров на местных угольных шахтах. Впоследствии часть из них переселилась в прерии Канзаса, чтобы заняться фермерством и скотоводством. Для бикертонизма характерно представление о том, что новым мессией, истинным пророком станет представитель американских индейцев. Большое значение Бикертон придавал распространению своего учения среди коренных жителей Америки и призывал сторонников с этой целью мигрировать на Запад. Но Гражданская война не позволила реализовать данные планы. Стремление обратить в новую веру коренных американцев привело к организации Бикертонем нескольких миссий в 1868-1898 гг. на Индейскую территорию. Желание проповедовать среди аборигенов Америки привело к необходимости поселения в Канзасе, граничившем с Индейской территорией и территорией Оклахома. В Канзасе бикертонитами был основан г. Сент-Джон, ставший одним из 2-х важных центров этой религиозной общины. Бикертониты сыграли свою роль в освоении Дальнего Запада.

Библиографический список

1. Descendants of Thomas Bickerton [Electronic resource]. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20070927051141/http://home.pacbell.net/rlp_jlp/bickerton.pdf. – Date of access: 20.06.2022.
2. Entz G.R. The Bickertonites: Schism and Reunion in a Restoration Church, 1880–1905 // Journal of Mormon History. 2006. Fall. Vol. 32. № 3. P. 1–44.
3. Entz G.R. Zion Valley: The Mormon Origins of St. John, Kansas // Kansas History: A Journal of the Central Plains. 2001. Summer. Vol. 24. № 2. P. 98–117.
4. History of the Reorganized Church of Jesus Christ of Latter Day Saints. In 4 volumes. Lamoni, Iowa, 1890, 1908. Vol. 3. 1844–1872. P. 74–77 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.centerplace.org/history/ch/v3ch02.htm>. – Date of access: 18.06.2022.
5. Loyalvo V.J. Dissertation on the Faith and Doctrine of the Church of Jesus Christ. Monongahela, Pa., 1986. – 164 p.
6. Rigdon S. An Appeal to the Latter Day Saints. Philadelphia, 1863. – 72 p.
7. Shields S.L. Divergent Paths of the Restoration. Bountiful, UT, 1982. – 282 p.
8. Stone D.P. William Bickerton. Forgotten Latter Day Prophet. Salt Lake City, 2018. – 400 p.
9. The Church of Jesus Christ. Official website. Locations [Electronic resource]. – Mode of access: <https://thechurchofjesuschrist.org/locations/>. – Date of access: 10.06.2022.
10. The Church of Jesus Christ. Official website. Who we are. Vision & Values [Electronic resource]. – Mode of access: <https://thechurchofjesuschrist.org/who-we-are/vision-values/>. – Date of access: 15.06.2022.
11. Исход 20:4–7
12. Книга Мормона. 2 Нефий 3:5–7

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, телефон: +7-953-2729-574, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВИНА: ОПЫТ ФРГ

Аннотация. В статье идёт речь о проблемах и перспективах изучения феномена исторической памяти ФРГ. Рассматривается процесс становления и развития самого понятия «исторической памяти» в рамках междисциплинарного подхода в гуманитарных и социальных науках; изучение особенностей послевоенной памяти и социальной политики ФРГ.

Ключевые слова: коллективная память, историческая политика, междисциплинарный подход, социальная амнезия, исторический миф, политизация истории, ФРГ, вина и ответственность, Холокост, нацизм

Chubko D.Yu. Historical memory and guilt: the experience of FRG

Annotation. The article deals with the problems and prospects of studying the phenomenon of historical memory of FRG. The process of formation and development of the concept of "historical memory" in the framework of an interdisciplinary approach in the humanities and social sciences is considered; the study of the features of post-war memory and social policy of FRG.

Keywords: collective memory, historical politics, interdisciplinary approach, social amnesia, historical myth, politicization of history, FRG, guilt and responsibility, Holocaust, Nazism.

Коллективная память представляет из себя совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по реконструкции прошлого в настоящем. Она имеет большую потенциальную силу, способность сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. Сейчас в мировой науке все активнее поднимается вопрос о том, какие социально-исторические ценности должны быть сохранены и переданы последующим поколениям.

Историческая/коллективная память – это область междисциплинарных исследований, в которых участвует большое количество различных специалистов из разных областей науки. Таковой она является примерно с 1980-ых годов.

Впервые внимание к теоретическому обоснованию изучения исторической/коллективной уделил французский мыслитель и социолог Морис Хальбвакс (1877-1945гг.). Учёный занялся изучением коллективной памяти в 1920-ых годах в рамках социологии. Хальбвакс отмечал, что коллективная память довольно избирательная вещь – это значит, что некоторые личные воспоминания склонны к исчезновению, если они не повторяются и/или не всплывают в памяти повторно. Он допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга определяют [12. С.1064].

В основании его умозаключений был интерес к особому статусу некоторых моментов прошлого и приоритету этих моментов. Согласно его взглядам, память имеет «навык» - превращать «различия» в «радикальную противоположность» так, что в итоге в сознании индивида, различные события получают особый статус. Он подчёркивал, что коллективная память позволяет избежать неопределённости и рутины, разделяя сакральное и профанное («прошлое жертв» и «прошлое палачей»). Так же человек, способен превращать то или иное событие в источник внутренних размышлений, в учебник нравственности для последующих поколений.

Тот факт, что в исторической науке, в последние десятилетия произошел поворот к изучению ментальности как системы коллективных представлений, существовавших в прошлом, сыграл значительную роль. В этом прорыве большую роль сыграла историческая школа Анналов. Историками этого направления, была сделана ставка на изучение ментальностей. Начиная с 1980-х гг., представители новой культурной истории и микро - истории, посвятили ряд

своих работ изучению ментальности [15. С.13-23]. «Историческую память» рассматривали и продолжают рассматривать в ряде гуманитарных дисциплин. Исследователи стремились сформировать общий подход к пониманию феномена «исторической памяти».

В современном гуманитарном знании историческая память является не только отдельной концепцией со своей спецификой, но она успела приобрести черты особой научной дисциплины, возникшей на основе междисциплинарного подхода [10. С.23-26]. Учитывая выше сказанное, можно сделать предположение, что у исследователей из разных областей науки, доминируют те методы, которые свойственны их специализации. Так, например, историки, предпочтут традиционный метод анализа документов; политологи и социологи применяют чаще всего анкетирование и опрос [11. С.183-190].

С помощью исторической памяти у индивида возникает эмоциональная вовлеченность в прошлое. Почти в каждом обществе, обширное знакомство молодых членов социума с такими элементами, как места памяти, мемориальные комплексы, культурные памятники, кинематограф, религиозная обрядность, обычаи, фольклор, семейное древо, как правило пробуждает в гражданах чувства исторической привязанности, вовлеченности, отождествления с окружающей культурой. Проявляется уважение или отторжение, как протест, к своему прошлому. В любом случае, человек осознает своё прямое отношение к тому социальному укладу и традициям, в которых он растет, развивается, живёт [5. С.26].

Многие исследователи согласны с тем, что историческая память представляет собой продукт конкретной культуры/общества. Историческая память и историческая амнезия выполняют дуалистическую функцию при выстраивании исторического опыта: являясь опорой знания и пособием о том, чтобы не допустить ошибки прошлого, очень часто прошлое способно восприниматься в неверном свете; а в этом случае из-за неверной трактовки, происходит повторение ошибок прошлого [14. С.162-169].

Политики современности, очень часто пытаются проводить исторические аналогии, чтобы обсуждать важные вопросы дня сегодняшнего, тем самым манипулируя памятью, чтобы оправдать свою деятельность. Они не гнушаются опираться на мифы, которые как-то значимы для определенной социальной группы. И вовсе не всегда их целью является формирование определенной концепции прошлого, и не всегда это может носить позитивный характер. Таким образом память может превращаться в инструмент международных отношений и внутренней политики [9. С.132-133].

Можно отметить, что историческая политика, как явление, может существовать только в демократических странах, так как она предполагает плюрализм интерпретаций и возможность проведения дискуссий внутри общества, не боясь цензора и преследований за иной взгляд на ситуацию. Это может быть только при условии, что в обществе существует свобода слова и имеется доступ к множеству источников.

В области изучения исторической памяти выделяют понятия «запаздывающая память» и «социальная амнезия» [7]. В первом случае, значимые события истории, «травмирующие» и «неудобные», могут подвергаться относительному забвению или «выталкиванию» в течение нескольких десятков лет, например, Холокост. Это «травмирующее» событие стали изучать не сразу, а только в 1960-е гг. Во втором случае, общество ненамеренно (старением носителей – «тех, кто непосредственно помнит», их гибель) или намеренно (идеологической борьбы, давления памяти или банального нежелания признавать свои ошибки) «удаляет» воспоминания из «коллективной памяти», или замалчивает неудобные факты [8. С.384]. По сути, происходит вычеркивание неугодных воспоминаний из истории общества [6. С.185-195], «цензура собственной совести». Порой это делается с целью поддержания исторического мифа и героизации определенных персон.

Огромный вклад в осмысление коллективной памяти внесен Франкфуртской школой, которая занималась исследованием перевоплощений коллективной памяти в послевоенный период в Германии.

Интерес к теме исторической памяти значительно вырос после Второй мировой войны. Это было связано с трагизмом произошедшего. Неудивительно, что это затронуло Германию, оказавшуюся в роли проигравшей стороны, территория которой была разделена на сферы влияния стран-победительниц. Подавляющее большинство немцев восприняло окончание войны не как освобождение, а скорее, как поражение и национальную катастрофу.

Историческая память в контексте того, кто виновен в войне и преступлениях нацистского режима была рассмотрена одним из видным социологом Франкфуртской школы XX века, Теодором Адорно (1903-1969гг.) [1]. Во время войны он работал в Колумбийском университете, США. В Германию смог вернуться только в 1949 г. В основе его работ было изучение трагедии Холокоста и исторических корней антисемитизма. Адорно сделал вывод, что политическое поведение масс определяется социальными и психологическими факторами. Он отметил, что в воспоминаниях о травматических событиях, таких, как, например, массовые убийства, присутствует стремление использовать смягченные выражения, или вообще умолчания. Учёный говорил о свойственной части немецкого общества стремлении к «вытеснению» памяти о нацизме.

Так, известная немецкая исследовательница Алейда Ассман (р. 1947), обращаясь к теме формирования немецкой идентичности после 1945г., выделяла три поколения: «отцов», «детей» и «внуков», для каждого из которых характерна своя стратегия по отношению к памяти. Например, стратегией поколения «отцов», переживших войну взрослыми людьми и испытавших шок поражения, стало молчание о своем недавнем прошлом, замалчивание о бывшей восторженной поддержке нацистского режима; стратегия молчания, вокруг которой сложился своего рода общественный договор, оказалась полезной с прагматической точки зрения – для эффективного строительства новой Германии, – но не способствовала моральному оздоровлению общества.

Переворот в общественной мысли и сознании произошёл в конце 1960-х. Неприимное отношение к нацистскому прошлому было важнейшим компонентом молодежного бунта конца 1960-х гг. На арену научной и политической деятельности вышло новое поколение людей, родившихся уже после войны, не имевших непосредственного опыта нацизма, но неприимных ко лжи о прошлом. Многие эти люди в последствии попадут в парламент и станут занимать важные должности в ФРГ. Ральф Дарендорф в 1965 г. констатировал: «Сломлено глухое и долгое молчание. Новое поколение может ставить вопросы, не опасаясь, что ответы чувствительно затронут самих себя». «Поколение 1968-го» заявило о себе конфликтом с отцами, задавая вопросы, обвиняя и разоблачая; «дети» видели вину отцов не только в их нацистском прошлом, но и в самом факте умолчания о нем. Именно представители этого поколения позже, в 1980-е гг., и создали «новую мемориальную культуру», основанную на эмпатии к жертвам Холокоста и на признании вины немецкого общества. С середины 1990-х гг. эта мемориальная культура обрела в Германии официальный государственный статус, став основой «политики памяти» [3. С.93-94]. Память поколения «внуков», родившихся в 1970-1980-е гг., сложна и неоднородна. С одной стороны, для деятелей культуры третьего поколения был характерен интерес к своим предкам и семейной истории, желание связать порванные нити и возобновить диалог между «отцами» и «детьми». С другой стороны, «внуки», в свой черед, восставали против «интерпретативной власти» своих отцов, поколения 1968-го года. Для поколения «внуков» характерно сознательное восстановление памяти о жертвах Второй мировой войны с немецкой стороны – о беженцах, жертвах бомбардировок, насильственных

депортаций и так далее. Вследствие этого общество втягивалось в небезобидную «конкуренцию жертв», когда, например, память о Дрездене противопоставлялась памяти о Холокосте (здесь можно упомянуть роман Гюнтера Грасса «Траектория краба», в котором упоминается гибель круизного судна «Вильгельм Густлофф» в результате атаки торпедой из советской подлодки, по оценкам погибло от 5 до 10 тысяч человек, среди которых находились как взрослые, так и дети [2]).

Интерес общества к культуре памяти, к тому, что происходило в период национал-социализма, очень широк. Он может быть инспирирован извне, он может возникать из семьи, потому что для каждого немца национал-социализм – это его история и история семьи. И на этом пути возможны совершенно страшные переживания.

Базисным элементом современной мемориальной культуры Германии являются Холокост и, шире, нацистский режим. Осмысление обществом преступлений государства, их критический анализ с позиции жертв ознаменовали собой этический поворот, благодаря которому термин «мемориальная культура» приобрел абсолютно новое измерение. Новая коллективная идентичность европейского сообщества сложилась вокруг памяти о Холокосте. На вопрос о том, почему именно Холокост стал центральным событием европейской памяти, Алейда Асман дала такой ответ: «это было самое радикальное отрицание прав человека; память о нем является в то же самое время моральным императивом, требованием не допустить подобного впредь; сохранение памяти необходимо для утверждения прав человека в качестве высшей ценности» [4. С.53-56].

Есть разные оценки восприятия Холокоста, в зависимости от возрастных групп жителей ФРГ. Самое старшее поколение, представляющее собой «носителей живой памяти», осознавая себя немцами, «отгораживается» от нацистов, считая их группой политических бандитов. Второе поколение, относясь критически к мнению родителей, пытается поместить Холокост в исторический контекст, проанализировать нацизм как явление, сформировавшее отрицательные чувства немцев. Исходя из моральных оценок, рождается отождествление себя с пострадавшими от нацизма. При этом «национальная историческая традиция замещается универсальными нормами». В третьем поколении формируется новое «генеалогическое» восприятие преступников: «это наши деды, они были другими, но в то же время они - немцы, а значит «мы»» [13. С.30]. По мнению историка Л. П. Репиной, «так осуществляется реконцептуализация немецкой идентичности, и шокирующий исторический опыт «возвращается» в национальную историю».

Нынешние споры о прошлом Германии — это, по своей природе, споры о перспективах Германии наших дней, споры о том, сохранятся ли в основе германской внутренней и внешней политики XXI столетия принципы демократического, социального и правового государства. С уходом из жизни немцев, для которых нацистская диктатура являлась фактом собственной биографии, составляющие коллективной памяти исчезают и замещаются лишь приблизительными коллективными представлениями. Процесс смены поколений накладывается на противоречивую структуру исторического сознания.

То отношение немецкого общества к нацистскому прошлому, что мы видим сейчас, было сформировано приблизительно в 1980-2000гг. Это результат общественных дискуссий и споров. В долгих «спорах памяти» и попытках пересмотреть своё прошлое, немецкое общество пришло к определённым итогам - память о жертвах надо сохранять как предостережение будущим поколениям, и что в общую модель мемориальной культуры может органично вплестаться память о травматическом опыте разных групп, не порождая при этом «войн памяти».

Библиографический список

1. Adorno Th.W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? // Adorno Th.W. Eingriffe. Neukritische Modelle. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1963.
2. Heinz Schön, «SOS Wilhelm Gustloff», Motorbuch Verlag, 1998,
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014, - 328 с.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 232 с.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
6. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Историческая амнезия и исторический опыт // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А.
7. Живой А. С. Сущность и следствия социальной амнезии// Социально-гуманитарные знания, 2017, №11.
8. Латур Б. Перечень следов, оставляемых группообразованием // Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию/ Пер. Полонская И. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2014.
9. Сафронова, Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю.А. Сафронова. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. - 220 с.
10. Соколова М.В. Историческая память в контексте междисциплинарных исследований // Ярославский пед. вестник. - 2008. - № 2.
11. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестн. Томского государственного университета. История. 2013. № 1.
12. Трубина Е. Г. Память коллективная // Современный Философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. - М.: Панпринт, 1998.
13. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. // М.: ГУ ВШЭ, 2003. - 44 с.
14. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005 - 220 с.
15. Романовский Н. В. Новое в социологии: бум памяти // Социологические исследования. 2011. № 6.

Сведения об авторе:

Чубко Дмитрий Юрьевич, студент II курса магистратуры факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. Академика И.Г. Петровского, e-mail: dc.greenplease@outlook.com

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ ИЗГОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДА ДРЕВНОСТИ)¹

Аннотация: Изгойство, как определенный социальный институт, слабо изучено в научной литературе. Сделана попытка рассмотреть роль и характер изгойства в период древности с использованием революционной концепции исторического развития, ойкумены как системного феномена, института мужского союза. Существующая структура социумов ранней древности во многом была связана с организацией лиц, оказавшихся в силу разных причин за пределами традиционной общины. Сначала в рамках храмового хозяйства, а затем царского. Появившиеся в городах в поздний период ранней древности гражданские общины, получили свое развитие уже в античный период после архаических революций. В Греции большую роль играл институт мужского союза, особенно в гомеровский период. Тираны, как изгои из аристократической среды, сыграли определяющую роль в прогрессивном развитии полисов в архаический период. В раннем Риме эта роль принадлежала представителям плебейской общины, сформировавшейся из лиц самого различного происхождения, в отличие от патрициев, имевших консервативное сознание. Рим был основан изгоями.

Ключевые слова: изгой, традиционная община, ойкумена, мужской союз, Месопотамия, Финикия, Древняя Греция, Древний Рим.

B. M. Kondorsky Elements of Outrage Theory (by the Example of Ancient Period).

Abstract: Outcast, as a specific social institution, has been poorly studied in the scientific literature. An attempt is made to consider the role and nature of outcast in the ancient period using the revolutionary concept of historical development, ecumene as a systemic phenomenon, the institution of male union. The existing structure of societies in early antiquity was largely associated with the organization of persons who, for various reasons, found themselves outside the traditional community. First, within the framework of the temple economy, and then the royal one. The civil communities that appeared in cities in the late period of early antiquity received their development already in the antique period after the archaic revolutions. In Greece, the institution of the male union played an important role, especially during the Homeric period. Tyrants, like outcasts from an aristocratic environment, played a decisive role in the progressive development of the policies in the archaic period. In ancient Rome (in the tsarist era), this role belonged to representatives of the plebeian community, formed from persons of various origins, in contrast to the patricians, who had a conservative consciousness. Rome was founded by outcasts.

Keywords: outcasts, traditional community, ecumene, male union, Mesopotamia, Phenicia, Ancient Greece, Ancient Rome.

Проблема «изгойства» встречается во многих научных публикациях, касающихся основных периодов истории, на примере различных регионов. Хрестоматийными изгоями были Ромул, Чингисхан (Темучин), Христос, Мухаммед. Наконец, Цезарь получил этот статус, перейдя Рубикон. Революционеров также можно рассматривать как людей, порвавших со своими сословиями, корпорациями и превратившимися в тех, кого Ленин в свое время назвал разночинцами. Это относится и к большевикам, и к деятелям Французской революции (и не только). Получается, что историю творили те, кого можно назвать изгоями в широком смысле этого слова.

Изгой (часто добровольный) – это человек (индивид), имеющий социальное сознание, которое принципиально отличается от традиционного. Человек, который не может ужиться в

¹ Автор выражает благодарность д. и. н. И. Е. Сурикову за ценные замечания и пожелания в процессе работы над статьей.

традиционной общине, традиционной среде и представляющий определенную опасность для ее существования. Пассионарий, по терминологии Л. Гумилева

В данном случае речь идет о создании теории этого важнейшего явления. Осмысления роли изгойства в мировой истории как особого социального института, имеющего свои внутренние законы. Попытке рассмотреть его как системный феномен и определить базовые элементы на примере периода древности.

Для этого полезным будет использование сравнительно-исторического метода в широком смысле этого слова. Основной задачей сравнительно-исторических исследований является поиск и выделение, под внешне различными социальными структурами в пределах отдельных регионов того, что их объединяет на определенном этапе исторического развития.

Революционная концепция исторического развития

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. В процессе исторического развития можно выделить следующие революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно архаические революции, которые имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, Северной Индии, Китае разделили древность на раннюю и позднюю [37].

Революции сопровождаются качественными изменениями во всех сферах, в первую очередь, в «голове». Одни тип социального сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации, приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа, в первую очередь, есть архетип сознания.

Революции формируют потенциал последующего развития. Основной целью всех революций является устранение носителей «старого сознания». Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и нет – в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального пространства (точнее, социально-исторического). В период ранней древности все составляющие данного пространства находились в синкретического единстве при полном доминировании хозяйственного начала (не путать с собственно экономическим).

Государство воспринималось как Дом в Египте [53, с. 94-95]. В Месопотамии под «домом» понималось хозяйство в широком смысле этого слова [34, с. 42]. Т. е. здесь мы имеем государство, воспринимаемое как большое хозяйство, имеющее тот же архетип, что и обычное хозяйство. Восшествие Хаммурапи на престол обозначено выражением «он вошел в дом отца своего» [51, с. 124].

После архаических революций «дом» свертывается в Греции до уровня ойкоса, а в Риме – до уровня фамилии. Происходит выделение политического на поздних этапах развития. Но этот процесс носил отчужденный характер. Достоинства политика в Риме оценивались на основе этических и моральных критериев [63, с. 65]. Полное отделение военно-политического имело место уже после феодальной революции в Западной Европе

Системный характер ойкумены

Социально-историческое пространство как чисто социальный феномен существует в конкретных природно-географических условиях и образует с ними определенную систему – Ойкумену. Нечто, аналогичное ландшафтной системе. Формирование Ойкумены происходит путем освоения, «очеловечивания» географического пространства. Имеет место своеобразная доместикация мира [14, с. 89]. Основными элементами ойкумены как системы являются потоки информации в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, престижными вещами), войн (по законам, которые принципиально отличаются от современных). Ойкумену здесь следует рассматривать как пространство обмена и диффузии информации [38, с. 20].

В неолитический период существовала Евроазиатская ойкумена (включавшая Северную Африку), в рамках которой шло последовательное распространение из центра (Передней Азии) основных технологических изобретений того времени путем своеобразного «растекания» [26, с. 17] вплоть до Северного Китая. Расписная посуда периода Яншао, а в последствие – технология бронзового литья и колесницы Шан-Инь имеют ближневосточные корни [15, с. 123, 135].

Процесс формирования ойкумены носил сукцессивный, стадийный характер. Также как и в случае растительных сообществ, сначала появлялась пионерная ойкумена, которая начала осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивалось появлением так называемой климаксовой системы со сложной структурой. Типичным примером, в этом отношении, является формирование Средиземноморской ойкумены, начиная с финикийцев и заканчивая римлянами.

Субъектами ойкумены были отдельные индивиды, потерявшие связь с традиционными общинами. Эти «изгои», как носители информации, должны были все время находиться в движении. Любое стационарное существование порождает общину и соответствующий тип сознания.

Распространение нововведений в рамках Евроазиатской ойкумены шло за счет групп индивидуумов, свободных от традиционного общинного сознания. В основе цивилизаций поздней древности – греческой, римской, израильской, иранской, североиндийской (арийской) и чжоуской в Китае лежат миграции небольших пастушеских объединений. Например, арийские предки мидян и персов были пастушескими племенами, которые в течение поколений продвигались через Западный Прикаспий на территорию Ирана [49, с. 109].

Традиционная община

Общину следует рассматривать как элементарную ячейку социального. Анализ показывает, что в рамках исторического пространства, традиционная община представляет собой своеобразный «черный ящик». Если на уровне социального пространства ойкумены мы имеем круговорот вещества, энергии, информации, то на уровне общины – только обмен веществ, энергии, информации. Общину можно уподобить биологической клетке. В многоклеточном организме, имеющем свои органы, выполняющие определенные функции, клетки играют роль строительного материала. То же самое касается государства, которое можно уподобить многоклеточному организму. Также как в биологической эволюции был период формирования биологической клетки, так и в социальной сфере был период формирования классической традиционной общины.

Традиционную общину можно определить как социальное образование (сообщество), которое находится вне исторического пространства. Субъектами (актерами) исторического

пространства являются отдельные индивиды или их объединения, свободные от традиционного сознания. Актор, от лат. actor – действующий человек – творец истории.

В. Даль определял понятие «цивилизация» как гражданственность, сознание своих прав и обязанностей человеком как гражданином [19, с. 707]. Только попадая в историческое пространство, человек обретает свои права и обязанности и становится гражданином. В традиционной общине в отличие, например, от античной нет гражданства.

Община изначально эгалитарна. Есть вождь племени, но нет вождя общины. Совет старейшин является ее органической частью. Также как и клетка в рамках эволюции биологических организмов неизменна в своей основе, так и традиционная община полностью консервативна. Внутри общины невозможны какие-либо прогрессивные изменения. В определенных условиях общины могут сохраняться неизменными в течение столетий, а то и тысячелетий.

Фундаментальным законом общины является обеспечение ее членов всем необходимым для нормальной жизнедеятельности, но не более того. Обычно члены общины возделывали столько земли, сколько требовалось для надежного обеспечения каждой семьи на год [18, с. 223]. В общине производится только жизнеобеспечивающий продукт, необходимый для нормального физиологического существования [54, с. 107]. Избыточный продукт следует рассматривать уже на уровне ойкумены.

Традиционное сообщество отрицает индивидуальность. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Его члены должны вести себя «как все». Здесь отсутствует историческое сознание [7, с. 10]. По существу, традиционная община представляет собой органическое целое. Для общины характерна замкнутость и слабая мобильность, что резко отличает члена общины от горожанина. Общине свойственна ориентация на традицию, на воспроизводство опыта предков [16, с. 36].

Институт мужского союза

Когда мы говорим о «политическом», нужно иметь в виду, что политическое невозможно внутри общины. К политическому (в самом широком смысле этого слова) можно отнести все, что находится за пределами общины и, в определенной степени, ей противостоит. Наиболее архаическим институтом подобного рода был мужской союз, основу которого составляли юноши, еще не вступившие в брак.

Обычно молодежь жила в отдельном лагере за пределами общины и не привлекалась к общественным и сельскохозяйственным работам. Основной функцией подобного рода мужского союза были, с одной стороны набеги на соседние селения с целью угона скота, а с другой – защита своей общины [2, с. 47]. В лагере мужского союза юноши проходили инициацию [31, с. 185]. Обычным явлением были ритуальные набеги на свою же деревню. Молодежь жила за счет захваченного во время набегов скота. После этого юноши могли вступать в брак [6, с. 51].

Во многих древних языках понятие «молодой человек (юноша)» используется в понимании «смутьян», «возмутитель спокойствия» В праязыковом значении — это половозрастная группа юношей-воинов, в мирное время угрожающая спокойствию общины. Впоследствии, эти группы эволюционируют в привилегированное военное сословие [42, с. 279-280].

Для того чтобы вести дела с окружающим миром, необходимо было организоваться в более крупные единицы – племена. Племенные вожди набирали личных последователей, которые отрекались от своих родственных связей, присягая на исключительную верность патрону [9, с. 67-68].

Хотя в рамках племен уже появляются автономные индивиды, организованные в рамках дружины вождя, однако классические племена состояли из общин и были такими же

консервативными объединениями, не имевшими потенциала прогрессивного развития. Наиболее характерным примером могут служить племена североамериканских индейцев.

Ранняя древность

Заселение междуречья Тигра и Евфрата происходило за счет пришельцев из различных регионов в V – VI тыс. до н. э. [8, с. 198]. Т. е., по существу, изгоев. Основу земледельческих общин в Месопотамии составили автономные индивиды, имевшие сознание, которое отличалось от такового у классических традиционных общин. Появились сельские общины «открытого типа», которые начали формировать города путем слияния поселений вокруг центрального храма еще в IV тыс. до н. э. 80% всего населения Южной Месопотамии жило в городах [35, с. 48-49].

Ведение хозяйства на новом месте было возможно только на основе соответствующей инфраструктуры, включающей строительство каналов, дамб, водохранилищ. Появилась потребность в административных структурах, которые могли планировать и организовывать ирригационные работы [35, с. 36]. Все это требовало индивидуально-группового, а не общинного труда и деятельности.

Происходит формирование Месопотамской ойкумены на основе ирригационной инфраструктуры. Зона обмена информацией простиралась вплоть до Памира [8, с. 204]. Существовала широкомасштабная межрегиональная торговля [33, с. 47].

Основной структурной единицей территориальной общины была домовая община, состоящая из родственных семей, объединенных культом родовых богов и предков [72, с. 36]. В начальный период храм долгое время не имел собственного рабочего персонала. В середине III тыс. до н. э., в связи с усилившимся имущественным расслоением лица, разоренные войнами, стихийными бедствиями или вынужденные покинуть общину из-за конфликта с родственниками, искали покровительство в хозяйстве храма [25, с. 4].

Следует обратить внимание, что изгойство здесь появлялось на основе законов ойкумены как единства явлений и процессов социального и природного характера. В раннединастический период храмы отделяются от общины и органов общинного самоуправления и начинают аккумулировать в рамках своего хозяйства обедневших членов общины [67, с. 5]. Если в рамках территориальной общины владельцами земли были большесемейные общины, то на храмовой земле во временное пользование наделы раздавались индивидуально [23, с. 30].

То же самое касается имущества. В древней Месопотамии имущество рассматривалось как своеобразное продолжение человека за пределами тела [41, с. 49]. Имущество большесемейной общины находилось в органическом единстве с ее членами. С учетом регулярных переделов земли в рамках территориальной общины [71, с. 40], то же самое относится и к ней. Т.е. изгой – это человек лишившийся своего «природного» имущества. Передача ему имущества со стороны храма создавала отношения зависимости на основе законов реципрокации.

Храмовое хозяйство «связывало» изгоев, предоставляя им минимум социального существования. В противном случае человек мог погибнуть или стать разбойником, которых на Ближнем Востоке называли хабиру [48, с. 57]. Именно процесс связывания изгоев был важнейшим институтом древности, обеспечивающим стабильность существования социума.

Процессы интеграции городов-государств в Месопотамии во второй половине III тыс. до н. э. привели к поглощению храмового хозяйства царским. Власть над храмовым хозяйством давала правителю независимую вооруженную силу [25, с. 10]. Царское хозяйство имело тот же архетип, что и большесемейная община. И царь, и глава общины обозначались одним и тем же термином – ewri [71, с. 38].

Особо следует остановиться на Саргоне, который по своему рождению был изгоем, будучи по легенде сыном безбрачной жрицы. Саргон в своих реформах явно опередил время. Так же как и Аменхотеп IV (Эхнатон) в Египте. В обоих случаях жрецы относились к данным правителям с неприкрытой ненавистью. Их идеология не вписывалась в традиционные представления о месте человека в мире [29, с. 81-82].

Также как и в Египте, в Месопотамии реформы прогрессивного поступательного движения были невозможны потому, что невозможно само понятие вперед в рамках циклического восприятия времени. Считалось, что в случае отступления правителя от традиционных ритуалов его страну ждало, санкционированное богами, нападение врагов и массовый мор от болезней [29, с. 109-111].

Земледельческий характер хозяйствования отнюдь не способствовал мобильности потоков информации в рамках Месопотамской ойкумены, что объясняет консервативность здесь социального сознания. Несколько иная ситуация наблюдалась в Ассирии, где сходились все важнейшие торговые пути Передней Азии. Это сыграло не последнюю роль в ее длительной гегемонии в данном регионе. Здесь гораздо большую роль играли купцы. В отличие от общины, товарищество купцов представляло собой объединение индивидов [12, с. 169]. Для ассирийских царей был характерен архетип мужского союза. До реформ Тиглатпаласара III ассирийская армия регулярно совершала грабительские набеги на зависимые территории [10, с. 15].

«Средняя» древность

Архаические революции в первой половине – середине I тыс. до н. э. разделили древность на раннюю и позднюю. Однако данной эпохе предшествует период своеобразной «архаизации», когда появляются многочисленные внешние признаки, характерные для постархаических сообществ. К сожалению, термин «архаическая революция» в этом плане носит не совсем удачный характер. Это период условно можно назвать «средней» древностью. По мнению И. Дьяконова, западно-азиатская городская община II тыс. до н. э. сходна с полисом [24, с. 4].

Царское хозяйство к этому периоду не имело большого веса в экономике [20, с. 5] и уже исчерпало свой потенциал «связывания» изгоев. К тому же, оно не отличалось устойчивостью к внешним воздействиям. Вследствие нашествия амореев, произошла дезорганизация царского хозяйства, разорение или уничтожение складов зерна, что привело к голоду. Каждое завоевание шумеро-аккадских городов вносило беспорядок в экономическую жизнь. Прежде всего, разрушалось дворцовое хозяйство [27, с. 11]. Здесь также уместно вспомнить разрушение дворцового хозяйства Ахейской (Микенской) цивилизации вследствие внутренних причин в конце II тыс. до н. э. [5, с. 60].

Возрастает роль гражданских городских общин, представлявших собой объединение свободных и юридически равноправных индивидов, объединенных в народное собрание при главном храме. Граждане были освобождены от царских повинностей [21, с. 57]. Однако царь по-прежнему брал под свое покровительство людей, которые потеряли связи с гражданским коллективом или были отвергнуты им [65, с. 389].

В этот период на Ближнем Востоке доминирующее положение занимают финикийские города-государства, которые занимались активной морской торговлей. Финикийский город Тир был связан почти со всей тогдашней ойкуменой от северного Средиземноморья до Египта и от атлантического побережья Пиренейского полуострова до Южной Аравии. Для финикийцев был характерен динамизм, мобильность, восприимчивость к новому, к перемене мест [15,

с. 33-34]. Т. е. здесь мы имеем тип сознания, который кардинально отличался от такового в период классического Шумера и Аккада.

Карфаген был основан изгоями – группировкой, потерпевшей поражение в результате политической борьбы в Тире [64, с. 17]. Именно финикийские города начинают практиковать выселение в колонии части граждан с целью смягчения конфликтов внутри гражданской общины [65, с. 404]. Считается, что Карфаген был уже полисом [66, с. 282]. Однако все признаки, характерные для полиса, здесь носили внешний характер и не имели потенциала развития.

Промежуточное положение между ранней и поздней древностью занимало израильское царство. Давид, собравший вокруг себя вольницу и державший в страхе население, противопоставил себя царю Саулу с его традиционным типом сознания. У Давида была своя дружина из людей самого различного социального и этнического происхождения (изгоев). Захватив Иерусалим, он тем самым поставил его вне Израиля, вне контроля народного собрания, сделав его своей вотчиной. Царская власть в Палестине выросла из власти военного предводителя [69, с. 71].

Для Израиля также было характерно наличие двух секторов – общинно-племенного и царского [68, с. 23]. Лица, принадлежащие к царскому сектору, назывались рабами. Это относится не только к воинам, придворным, но и родственникам царя. Т. е. зависимым от царя людям [1, с. 33].

Греция

О характере и формах мужского союза в гомеровский период Древней Греции мы можем судить на основании «Илиады» и «Одиссеи». Именно в «Одиссеи» мы сталкиваемся с женихами как шайкой молодых грабителей [2, с. 47], представлявших собой типичное проявление института мужского союза [4, с. 110].

В гомеровский период обычным занятием греков было пиратство и грабеж. Традиционной деятельностью были набеги с целью угона скота [43, с. 14]. Грабительские набеги на чужие земли велись отдельными партиями частным образом [52, с. 24].

При чтении «Одиссеи» постоянно приходится сталкиваться с различными модификациями и вариантами дружеских союзов. Чувство дружеской привязанности соединяло людей независимо от их родовой и даже этнической принадлежности. Основная часть членов дружеских союзов – это изгой без роду и племени [4, с. 143-146].

В рамках дружеского союза регулярно проводились совместные трапезы. Дружеский союз можно назвать товариществом сотрапезников [5, с. 250]. Нужно иметь в виду, что в глубокой древности совместные трапезы способствовали появлению родства, которое принципиально ничем не отличалось от кровного [13, с. 70].

К началу архаического периода чисто социальные формы связывания изгоев уже исчерпали свой потенциал. В этот период определяющую роль в политической жизни основных полисов Греции начинают играть аристократические роды, которые, однако, находились в состоянии перманентного стасиса [45, с. 29]. Побежденные аристократические группировки становились изгоями и обычно уходили в апойкию [57, с. 219]. Получается, что именно изгой внесли основной вклад в формирование Греческой ойкумены в районе северо-восточного Средиземноморья.

Особо следует остановиться на старшей тирании, феномен которой был порождением личностной агональной тенденции в политической жизни [56, с. 14]. Еще гесиодовское общество было проникнуто сплошной агональной активностью [62, с. 119]. Именно агональность рвала все традиционные связи и отношения, тем самым формируя свободного индивида.

Однако высокий уровень пассионарности способствовал социальным смутам между владеющими имуществом и неимущими. Борьба часто принимала самые крайние формы жестокости [44, с. 28].

Тиранов нужно рассматривать как своеобразных изгоев. Все они были выходцами из аристократической среды [11, с. 208], но став у «руля власти», всеми доступными способами боролись с всевластием аристократических родов [30, с. 36]. Нужно иметь в виду, что в этот период полисные институты отличались слабостью и только тираническая форма правления могла довести до конца процесс формирования греческих государств [45, с. 28]. Многие полисы позднеархаической эпохи именно под властью тиранов достигли могущества и процветания. В то же время, большинство тех полисов, которые не знали тирании, застыли в стагнирующем положении [58, с. 80].

Период старшей тирании отличался активной строительной деятельностью [17, с. 94-95]. Вся деятельность тиранов была направлена на максимальное увеличение занятости населения и сведения к минимуму всякого рода празднотатания. Деятельность тиранов пошла на пользу, в первую очередь, неимущему городскому населению [11, с. 33, 74]. Т. е. была направлена на «связывание» граждан, в силу тех или иных обстоятельств, лишившихся своего имущества, вплоть до раздачи конфискованного имущества аристократов [11, с. 26].

Ранняя история Спарты делится на два периода – смут и беззакония (аномии), и периода установления Ликургом благозакония (евномии) [3, с. 34]. Т.е. процесс «связывания» здесь сопровождался воспроизведением (внешнего характера) многих элементов мужского союза. Гражданские права в Спарте зависели от регулярности взносов в сиситии в рамках товарищества сотрапезников (фидитий). Иерархия мужских союзов в Спарте являлась основой государства [6, с. 138, 217]. В результате, Спарта представляла редкостный пример стабильности внутри коллектива [56, с. 16].

Афины в этом отношении пошли несколько другим путем. После реформ Клисфена сформировался режим, который можно назвать тоталитарной демократией. В его основе лежал процесс регулярного воспроизведения изгоев, в основном в среде политиков, а также богатых граждан. Греки с подозрением относились к своим политическим деятелям (лидерам) и за малейшую провинность, а то и без оной, подвергали их преследованиям и опале. В течение всего V в. невозможно найти политика крупного масштаба, который на том или ином этапе своей карьеры не подвергался наказаниям, опале, гонениям со стороны демоса [56, с. 12-13]. Афинская демократия относилась с показной нетерпимостью к любому возвышению личности [61, с. 31].

К смерти могли приговорить должностное лицо, которое плохо справилось со своими обязанностями. Доминировала презумпция виновности. Логика обвинителя по отношению к обвиняемому заключалась в том что «пусть он сам докажет, что не совершил того, в чем я его обвиняю». Оратор в суде мог потребовать наказания за образ мыслей. Обычным были призывы к казни детей обвиняемого, его друзей и сподвижников [55, с. 36].

Суть законности в политических процессах состояло не в буквальном следовании законам, а в недопущении благополучного исхода дел потенциально опасных для полиса лиц. Беззаконие воспринималось как орудие самозащиты демократии. Судили не по законам, а по социальной совести [30, с. 115].

Здесь также уместно вспомнить институт остракизма, регулярные обвинения в мидизме и лаконофильстве (шпиономания), гипертрофированный «расцвет» сикофанства (доносительства). Просматривается просто поразительное сходство, вплоть до мелочей, с тоталитарными режимами XX в.

Рим

Ромул возглавлял «банду» изгоев из традиционных общин, которые занимались угоном скота на территории Лация. На определенном этапе своей деятельности он заключает общественный договор со скотоводами римских холмов и начинает уже защищать их от набегов других «банд». Разбой способствовал ослаблению родовых связей. В Риме был учрежден асилум (убежище) для изгоев, куда стекался всякий сброд (в первую очередь, молодежь). Население за счет этого начало быстро расти [47, с. 87; 50, с. 8-11].

Основной структурной единицей римского общества была курия [46, с. 101], которая воспринималась как союз мужей. Курия имела архетип мужского союза [22, с. 255; 59, с. 54]. Члены курии регулярно устраивали трапезы. Куриатные комиции рассматривались как собрание всех мужчин, способных носить оружие.

В царский период в Риме уже не было классической традиционной общины. Ее наследницей были римские роды, которые имели форму клана, предполагавшего определенную иерархическую структуру [22, с. 268]. Полное гражданство определялось принадлежностью к определенному роду [46, с. 121]. Если курии состояли из отдельных индивидов мужского рода, то базисом рода были родственные семьи. Каждый род имел свою дружину, состоящую из содалес [70, с. 37] – как правило, изгоев самого различного происхождения, связанных клятвой с главой клана [22, с. 257]. Рим был открытым социумом, регулярно аккумулировавшим роды (кланы) из соседних общин, в том числе завоеванных ими [46, с. 122; 59, с. 56].

Отличие содалес от клиентов рода состояло в том, что первые могли и умели воевать, а вторые занимались в основном хозяйственными работами. Появление клиентов относится к позднему царскому периоду, когда, вследствие разложения родо-племенных отношений, происходит имущественная дифференциация внутри родов и между ними [46, с. 160].

Патрицианские роды имели скотоводческий тип социального сознания, который отличается известной устойчивостью и инерционностью. Даже в V в. до н. э. скот использовался в качестве денег [47, с. 110]. Основой хозяйственной деятельности было скотоводство и коневодство, которое, в отличие от зернового земледелия, не имело особого потенциала исторического развития. Кочевые скотоводы Великой степи так и не смогли создать устойчивую государственность.

Обычной практикой патрицианских родов были грабительские набеги на соседей с целью угона скота [32, с. 33]. Подобного рода тип сознания был характерен и для первой половины V в. до н. э. Этим воспользовались этруски против клана Фабиев, регулярно беспокоивших жителей города Вейи [60, с. 76], устроив им засаду и выставив в качестве приманки стадо скота. В результате чего, весь род (более 300 человек) был уничтожен [47, с. 70].

Пока римляне с помощью родовых дружин воевали с себе подобными, они имели обычно успех. Однако против этрусской фаланги нужна была своя фаланга. А это требовало коренного переустройства экономики. Анк Марций начинает приглашать в Рим профессиональных ремесленников и торговцев [28, с. 125], которых поселяет за пределами римского померия на Авентине и Яникуле [59, с. 65].

Начинает формироваться плебейская община, которая имела особый статус. Плебеи не имели родов патрицианского типа, не имели того, что можно назвать клановым сознанием (консервативным в своей основе). Формируется особая плебейская корпорация на основе взаимопомощи и взаимовыручки, которая находилась под патронатом римских царей. Кстати, людей «со стороны» Ни один из римских царей не был коренным римлянином.

Возможно, особенно в начальный период, плебеи имели юридический статус *hostis* – гостей римских царей. У римлян словом *hostis* называли перегрин как свободного человека, который пользуется собственными законами и находится под покровительством римской общины на основе договора [36, с. 50].

Реформы, начатые Сервием Туллеем, в значительной степени опередили свое время, также как реформы Саргона и Эхнатона. Просматривается даже сходство в том, что Туллий, также как и Саргон, имел незаконное происхождение [70, с. 41]. Этруссские цари, которые опирались в своей деятельности на плебеев, в чем-то похожи на представителей старшей греческой тирании. Если первые тираны боролись с аристократами умеренными методами, то их потомки обычно прибегали уже к довольно жестким репрессиям [11].

Нечто похожее произошло в случае с приемником Сервия Туллия – Тарквинием Гордым, который репрессировал чуть ли не половину сената [47, с. 70]. Так как плебеи в этом ему активно помогали [59, с. 111], то после его изгнания гнев патрицианского сената обрушился на них. В этот период отмечается заметный спад в сфере торговли и ремесла [47, с. 110]. Однако корпоративность и солидарность их общины позволила плебеев, в конечном итоге, выстоять в борьбе с патрициями.

В период ранней Республики патрицианские роды полностью взяли под свой контроль *ager publicus* и использовали его в качестве пастбищ [70, с. 34]. Плебеи, которые помимо ремесла и торговли, занимались зерновым земледелием, были вынуждены землю арендовать. Вероятнее всего обе сецессии плебеев (494 и 449 гг.) связаны с требованиями доступа к общественной земле, проведения на ней публичного размежевания и ассигнации ее в частную собственность [22, с. 263].

Особо следует остановиться на так называемом рабстве-должничестве V в., источником которого были сделки *пехум* [39, с. 57]. Считается, что должниками выступали плебеи. Институт *пехум* был обставлен многочисленными условностями сакрального характера. Должники давали сакральную клятву [39, с. 65]. Однако плебеи находились за пределами сакрального пространства, сакрального права римской общины.

Мы считаем, что в данный период основой *res mancipi* был скот, а не земля. Для VI – V вв. был характерен процесс разложения родо-племенных отношений, который способствовал появлению заметного количества римских граждан, лишенных имущества. Практиковалась даже продажа главами кланов своих младших сородичей [28, с. 123]. Для поддержания стабильности социума как раз и использовался *пехум*. Древнейшее значение этого слова – связывать. По существу, все римское право, гораздо более развитое по сравнению с Грецией, играло роль связывающего начала. *Jus* имеет единые корни с санскритским *у* (связь, узы) [40, с. 182].

Должник лишался власти над собственным телом [39, с. 58] и юридически оказывался в составе *res mancipi* того или иного патрицианского рода. Должники использовались для ухода за стадами на пастбищах *ager publicus*, которые обычно находились на значительном расстоянии от Рима. Здесь мы сталкиваемся с институтом *сауна* (в широком смысле этого слова), который был характерен для скотоводов и Центральной и Средней Азии, и Северной Африки, когда богатые кочевники отдавали свой скот во временное пользование неимущим, что бы те существовали за счет «плодов» с него. В противном случае бедняки могли оказаться в разбойничьих шайках.

А вот в IV в. до н. э., когда развитие получают товарно-денежные отношения [47, с. 109], как раз и появляются должники среди плебеев. При этом кредиторами выступают сами же богатые плебеи. Здесь мы уже имеем дело с институтом ростовщичества, близким к классическому.

Получается, что именно плебеи, как изгои по происхождению, сыграли решающую роль в прогрессивном развитии римского полиса. В противном случае, после изгнания Тарквиния Гордого, Рим, вследствие тенденций консервации архаических порядков, вполне мог пойти по историческому пути, близкому к спартанскому. Патрицианская реакция в первой четверти V в. до н. э. характеризовалась возрождением некоторых норм родового общества и образа жизни [60, с. 78].

Выводы

Историческое развитие невозможно в рамках традиционной общины. В то же время община, общинный тип сознания, общинные порядки являются залогом стабильности. Любые социальные объединения за пределами общины отличаются крайней неустойчивостью и представляют для нее опасность.

Первым институтом, оказавшимся за «пределами общины», был мужской союз. Юноши, проходившие здесь инициацию, были первыми временными «изгоями». Любой выход за пределы общины – добровольный или насильственный грозил гибелью. Однако, на определенном этапе часть пассионарной молодежи отказывается возвращаться из лагеря мужского союза и организует «дружины» изгоев, которые могут или действовать самостоятельно в виде разбойничьих шаек, или на основе общественного договора с общинами – защищать их от себе подобных. Именно этот процесс является первичным источником «политического».

Разложение родо-племенных отношений, в свою очередь, способствует уже появлению изгоев субпассионарного характера, лишенных своего «природного» имущества и требующих определенной опеки. Появляется потребность в государстве. Именно государство берет на себя заботу об индивидуумах, оказавшихся в силу тех или иных причин за пределами общины.

В Месопотамии вначале эту роль играет храмовое хозяйство. Как уже говорилось выше, в период ранней древности мы имеем государство, имеющее архетип хозяйства. Административное управление ничем принципиально не отличается от такового в рамках большесемейной общины. Появление военных вождей – лугалей способствует интеграционным процессам и формированию уже царского сектора, который поглощает «храм».

Формируется ойкумена, где субъектом являются индивиды или их объединения. Общину здесь следует рассматривать в качестве своеобразного «черного ящика». Элементом ойкумены являются потоки информации. Любая стационарность способствует появлению «общинности», в первую очередь на уровне социального сознания. В свою очередь, в процессе исторического развития, сама Переднеазиатская ойкумена «движется» от Южной Месопотамии через Ассирию к Финикии и Палестине.

К концу ранней древности царское хозяйство уже исчерпывает «связывающий» изгоев потенциал. К тому же в его рамках все – начиная с обычных работников и заканчивая придворными вельможами, воспринимались как рабы. Появляется коллектив жителей города, имеющий элементы гражданственности и сочетающий индивидуальное и общинное начала.

После архаических революций формируется полисная гражданская община, диалектически сочетающая в себе потенциал исторического развития и определенный уровень стабильности в плане социального существования. И в Греции, и в Риме «создателями» полисов классического типа являются индивиды – изгои по происхождению.

Здесь осторожно нужно использовать понятие «личность», даже в античный период. Практика афинской демократии V в. до н. э. показывает, что любая личность, близкая к современной, в конечном итоге становилась изгоем. В широком смысле этого слова, каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип личности. Государство, с одной

стороны контролирует личностный потенциал пассионариев, а с другой – обеспечивает определенным социальным минимумом неимущих субпассионариев. Какой тип личности, такой и тип государства.

Несомненно, концепция «изгойства» имеет определенный потенциал своего дальнейшего теоретического развития. Позволяет анализировать и осмысливать те или иные социальные явления и институты с неординарной стороны. Автором здесь намечены только отдельные пролегомены.

Библиографический список:

1. Амусин И. Д. Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока по библейским источникам. М.: Восточная литература, 1993. 152 с.
2. Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера // Вестник древней истории. 1964. № 4. С. 37 – 49.
3. Андреев Ю. В. К проблеме «Ликургова законодательства» (о так называемом перевороте VI в. в Спарте) // Проблемы античной государственности Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 33 – 59.
4. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.: Гуманитарная академия, 2003. 448 с.
5. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. СПб.: Нестор-История, 2004. 496 с.
6. Андреев Ю. В. «Мужские союзы» в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетей, 2004. 336 с.
7. Антонова Е. В. Очерки культуры земледельцев Передней и Средней Азии. Наука, 1984. 266 с.
8. Антонова Е. В. Месопотамия и восточные земли // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 197 – 240.
9. Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: ЦЦРИ, 2002. С. 43 – 61.
10. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971. 319 с.
11. Берве, Г. Тираны Греции. Ростов: Феникс, 1997. 640 с.
12. Бондарь С. В. Ассирия. Город и человек (Ашшур III – I тыс. до н. э.). М.: Древлехранилище, 2008. 258 с.
13. Бутинов Н. А. Типология родства // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 66 – 75.
14. Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 319 с.
15. Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 1. М.: Восточная литература, 1995. 379 с.
16. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 208 с.
17. Высокий М. В. История Сицилии в архаическую эпоху (ранняя греческая тирания конца VII в. – середины V в. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 448 с.
18. Гуляев В. И. Города-государства майя. М.: Наука, 1979. 304 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современное написание. М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. 762 с.
20. Дандамаев М. А. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (к постановке вопроса) // Проблемы социальных отношений и формы зависимости на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 1984. С. 5 – 25.
21. Дандамаев М. А. Нововавилонское общество и экономика // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 57 – 78.
22. Дождев Д. В. Рим (VIII – II вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза. М.: ИА РАН, 2002. С. 249 – 279.
23. Дьяконов И. М. 1955. Купля-продажа земли в Шумере // Вестник древней истории. 1955. № 4. С. 10 – 40.

24. Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии // Вестник древней истории. 1968. № 3. С. 3 – 27.
25. Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии // Вестник древней истории. 1968. № 4. С. 3 – 40.
26. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских языков // Вестник древней истории, 1982. № 4. С. 11 – 25.
27. Дьяконов, И. М. Люди города Ура. М.: Восточная литература, 1990. 432 с.
28. Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII – III вв. до н. э. М.: Наука, 1964. 288 с.
29. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 368 с.
30. Зберовский А. В. Становление демократической политической культуры в Элладе VIII – V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2008. 309 с.
31. Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. в античной традиции. М.: Палеограф, 2005. 312 с.
32. Игнатенко А. В. Избранное. М.: Норма, 2013. 464 с.
33. Ковалев А. А. Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории. М.: Изд-во РГГУ, 2002. 252 с.
34. Козырева Н. В. Социальный состав рабочего персонала крупных хозяйств в Старовавилонской Месопотамии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 38 – 52.
35. Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии. Эпоха ранней древности (VII тыс. до н. э. – середина II тыс. до н. э.). СПб.: Контраст, 2016. 552 с.
36. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов Древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 49 – 58.
37. Кондорский Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16 – 28.
38. Кондорский Б. М. Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20 – 35.
39. Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI – IV вв. до н. э.). М.: Юрист, 1994. 240 с.
40. Кофанов Л. Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII – III вв. до н. э. М.: Статут, 2006. 675 с.
41. Кочакова И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 204 с.
42. Куланда С. В. Праязыковые этимоны и историко-социологические реконструкции // Ранние формы социальной стратификации. М.: Наука, 1993. С. 275 – 294.
43. Курбатов А. А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII – VI вв. до н. э. // Античная гражданская община. М.: МГЗПИ, 1986. С. 3 – 29.
44. Лаптева М. Ю. Смута в архаической Ионии // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 16 – 38.
45. Макаров И. А. Идеологические аспекты раннегреческой тирании // Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 25 – 42.
46. Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М.: Изд-во МГУ, 1983. 269 с.
47. Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М.: Изд-во МГУ, 1993. 158 с.
48. Меликашвили Г. А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке // Народы Азии и Африки. 1972. № 4. С. 53 – 64.

49. Мочалов М. Ю. Ассирийская держава. От города-государства – к империи. М.: Вече, 2015. 320 с.
50. Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 276 с.
51. Оппенхейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1990. 319 с.
52. Перевалов С. М. О характере военной организации гомеровского общества. Раннеклассовые формации // Теоретические проблемы становления государства и города. М.: Изд-во МГПИ, 1984. С. 22 – 29.
53. Перепелкин Ю. М. История древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000. 559 с.
54. Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного человека // Советская этнография. 1976. № 4. С. 93 – 113.
55. Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34 – 42.
56. Суриков И. Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // Вестник древней истории. 2004. № 1. С. 3 – 30.
57. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 640 с.
58. Суриков И. Е. 2007. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.: КДУ, 2007. 236 с.
59. Токмаков В. Н. Военная организация Рима ранней республики (V – IV вв. до н. э.). ИВИ РАН, 1998. 300 с.
60. Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М.: КДУ, 2007. 264 с.
61. Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // Вестник древней истории. 2001. № 4. С. 12 – 45.
62. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 544 с.
63. Утченко С. Л. Политические учения древнего мира. М.: Наука, 1977. 257 с.
64. Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М.: Наука, 1986. 287 с.
65. Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. М.: АСТ, Астрель, 2001. 528 с.
66. Циркин Ю. Б. Финикийский мир и арамейские государства Сирии // Государство на Древнем Востоке. М.: Восточная литература, 2004. С. 256 – 299.
67. Чипирова Л. А. Земельные отношения в семейной общине по «Обелиску Маништушу» // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 3 – 34.
68. Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир. М.: Политиздат, 1987. 239 с.
69. Шифман И. Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III тыс. – первая половина I тыс. до н. э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 53 – 85.
70. Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М.: Наука, 1996. 204 с.
71. Янковская Н. Б. Землевладение большесемейных общин в клинописных источниках // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 35 – 51.
72. Янковская Н. Б. Общинное самоуправление в Угарите // Вестник древней истории. 1963. № 3. С. 35 – 55.

Сведения об авторе:

Кондорский Борис Михайлович – кандидат биологических наук, самостоятельный (независимый) исследователь, г. Донецк ДНР, e-mail: bmkbox@mail.ru, bmkbox@yandex.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru